„ВЕСН “

СЪ ЯНВАРЯ 1914 ГОДА
ВЫХОДИТЪ ЕЖЕМѢСЯЧНЫМИ КНИГАМИ

въ 10—15 листовъ съ иллюстраціями на мѣловой бумагѣ.

„ВЕСНА“ отводитъ главное мѣсто молодымъ литературнымъ исканіямъ и вообще **молодежи.**

Ни одна рукопись, адресованная въ редакцію, **не остается безъ отвѣта въ почтовомъ ящикѣ „ВЕСНЫ“.**

„ВЕСНА“ даетъ отзывы не только о новыхъ присланныхъ въ редакцію книгахъ, но и о журналахъ и нотахъ.

Съ первымъ номеромъ **„ВЕСНЫ“** годовые подписчики получатъ первую безплатную премію журнала—книгу Н. Шебуева: „Искусство писать стихи“ („Версификація“).

Второй безплатной преміей „ВЕСНЫ“

является напечатанный на мѣловой бумагѣ **АЛЬБОМЪ „САЛОМЕЯ“**, гдѣ собраны репродукціи съ картинъ лучшихъ художниковъ міра, вдохновленныхъ этою библейскою героинею.

Въ первой же книгѣ „ВЕСНЫ“ объявлены условія шести конкурсовъ на соисканіе премій для писателей, художниковъ, поэтовъ и композиторовъ.

Третья премія съ особой нумераціей страницъ на толстой бумагѣ

КНИГА НОТЪ „ВЕСНЫ“.

ЧЕТВЕРТАЯ ПРЕМІЯ

альбомъ рисунковъ Обри Бердслей.

Въ теченіи года подписчики „ВЕСНЫ“

съ особой нумераціей страницъ получатъ романъ Н. Шебуева: „Идіоты“ или „Благодушныя и назидательныя похожденія въ благословенной Идіотіи“.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на годъ — 4 руб.; на шесть мѣсяцевъ — 2 руб. 50 коп.

Цѣна отдѣльной книги 50 коп.

Пріемъ подписки, объявленій и продажа №№ „Весны“ отъ 12 до 2 ч. дня по понед., средамъ и пятницамъ.

Адресъ редакціи: С.-Петербургъ, Старорусская 16.

Адресъ конторы: Лиговская, 86. Телефонъ 655—96.

Такса объявленій: за строку нонпарели 60 копѣекъ.

Редакторъ Н. Г. Шебуевъ. Издательница Н. К. Дмитріева.

Типографія М. Г. Корнфельда, Бассейная, 3—5.

РЕДАКЦІЯ.
С.-Петербургъ, Старорусская, 16.

КОНТОРА.
С.-Петербургъ, Лиговская, 86.
Телефонъ 655—96.
ПРІЕМЪ ПОДПИСКИ и ОБЪЯВЛЕНІЙ.

ВЕСНА

ОРГАН НЕЗАВИСИМЫХ ПИСАТЕЛЕЙ И ХУДОЖНИКОВ

ПОД РЕДАКЦІЕЙ

Н. Г. ШЕБУЕВА

ц. 50 к. **№ 3.**

СПБ. 1914

Отдѣленіе Конторы: книжный магазинъ б. М. В. Попова, Невскій 66.
Пріемъ подписки и розничная продажа.

Книжный магазинъ и книгоиздательство

бывш. М. В. ПОПОВА.

С.-Петербургъ, Невскій пр., 66. Телефонъ 85-27.

САВВАТІЙ.

Тетрадь въ сафьянѣ

(Хроника села Арсеньевки).

Цѣна 1 руб.

„Изъ отзывовъ печати о первомъ изданіи:

„Повѣсть читается съ неослабѣвающимъ интересомъ“ *«Русское Богатство».*

„Литературныя достоинства и дарованія ея автора—безпорны“. *«Нов. Журн. для Всѣхъ».*

„Изъ произведеній, появившихся съ начала года отдѣльно, можно отмѣтить лишь одно—глубокую по мысли и изящную по формѣ повѣсть Савватія „Тетрадь въ Сафьянѣ“... *«Саратовскія Вѣсти».*

„Савватій пишетъ красиво, увлекаетъ... И скоро о Савватіи заговорятъ“. *«Биржев. Вѣдом.».*

МИХАИЛЪ М-СКІЙ.

Отъ бурсы до снятія сана.

(Дневникъ священника).

Цѣна 1 руб.

АЛЕКСѢЙ ЛИПЕЦКІЙ.

Надя Данкова.

Цѣна 75 коп.

...Поэтъ милостью Божіей г. Алексѣй Липецкій обладаетъ даромъ изъ незначительнѣйшихъ особенностей повседневной жизни создавать прекрасные образы. На каждой страницѣ этой повѣсти встрѣчаются строфы, созрѣвшія, какъ и сама героиня, на полномъ солнечномъ свѣтѣ. И если не всѣмъ этимъ строфамъ нельзя отказать въ поэзіи, то вы всегда найдете въ каждой изъ нихъ что-нибудь привлекательное, задушевное, остроумное или заслуживающее упоминанія въ цитатѣ.

«Кіев. Мысль» 4 іюня 1913 г.

Новое изданіе книжн. магаз. бывш. М. В. ПОПОВА

ЮРІЙ СЛЕЗКИНЪ.

(Повѣсть).

Цѣна 1 руб.

Обложка художника А. Арнштама.

О. МИРТОВЪ.

ЯБЛОНИ ЦВѢТУТЪ.

Романъ.

432 стр. Обложка работы художника А. Арнштама.

„Если сравнить романъ Миртова съ рукодѣльемъ Вербицкой, съ произведеніемъ Григорьева „На ущербѣ“, съ „Гнѣвомъ Діониса“ Нагродской, то серьезность, глубина и талантливость автора сразу бросятся въ глаза“. *«Современникъ» 1913—9.*

Я. ВАССЕРМАНЪ.

Романъ мужчины сорока лѣтъ.

Переводъ Зин. Венгеровой. **Цѣна 1 руб.**

„Новое произведеніе Я. Вассермана „Романъ мужчины сорока лѣтъ“ затрагиваетъ тотъ періодъ жизни, когда увядаетъ непосредственность и страстность, но увеличивается желаніе чувственныхъ удовольствій, достигаетъ апогея жажда жизненнаго разнообразія. Романъ написанъ въ свѣтлыхъ, примиряющихъ тонахъ. Переводъ З. Венгеровой прекрасно передаетъ лирическую мягкость Я. Вассермана“.

«Русская Молва».

Новое изданіе книжн. магазина бывш. М. В. ПОПОВА.

Н. И. ПОТАПЕНКО.

ОТСТУПНИЦА

и другіе разсказы.

Цѣна 1 руб.

Поступила въ продажу новая книга изд. книжн. магазина бывш. М. В. ПОПОВА.

ТЕОФИЛЬ ГОТЬЕ.

ЭМАЛИ и КАМЕИ.

перев. Н. Гумилева.

Книжный магазинъ принимаетъ на себя.

1) Высылку всѣхъ книгъ, учебниковъ и учебн. пособій, имѣющихся въ продажѣ.

2) Составленіе и пополненіе общественныхъ, городскихъ, сельскихъ, учительскихъ, ученическихъ, дѣтскихъ и народныхъ библіотекъ.

3) Указаніе литературы по отдѣльнымъ вопросамъ.

4) Періодическую высылку книжныхъ новинокъ частнымъ лицамъ, а также въ общественныя учрежденія библіотеки, книжные магазины, земскіе склады и пр.

5) Принимаетъ для изданія книги по различнымъ отраслямъ знанія, а также принимаетъ изданія на комиссію и на складъ.

Земскія и городскія учрежденія, учебныя заведенія, библіотеки и др. просвѣтительныя учрежденія пользуются скидкой.

Книгопродавцамъ при исполненіи заказовъ предоставляется обычная уступка.

Выпущенный магазиномъ подробный новый **каталогъ учебныхъ книгъ** и **пособій** для низшихъ, среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній, а также для самообразованія высылается за 3 семикопеечныя марки.

А. Вахрамѣевъ.

Ефимъ Садовичъ.

1. ЖИЗНЬ.

Люблю тебя жизнь, многогранная,
Великая, старая. новая,
Изъ слезъ и улыбокъ сотканная,
Суровая, нѣжно-лиловая.
Любима со всѣми капризами,
Запретами злыми, преградами,
Своими паденьями, низами,
И ядами змѣй и отрадами,
И дерзкими къ солнцу полетами,
И сине-зовущими далями,
И мелко-земными заботами,
И острыми будней печалями.
Заманчива, жизнь ты, загадками,
Великими, малыми тайнами,
Затишьями, бурями краткими,
Красивыми, злыми, случайными,
Налетами ярко-гремучими,
Какъ грозы весны громоносныя,
И сладкими днями, пѣвучими,
Какъ ангелы благъ свѣтоносные.
Ведешь въ лабиринтъ свой дорогами,
Волшебными, нами незримыми:
То тучами дышешь—тревогами,
То сказками вѣешь любимыми.
Загадка—ты жизнь, многоликая.
Какъ фея влечешь, ты заманчива.
Люблю тебя, книга великая,
Хотя ты, какъ призракъ обманчива.

2. ВЪ ПОИСКАХЪ.

Блуждаю въ гущѣ, гдѣ нависли
Туманы каркающихъ думъ,
Гдѣ перепутья спорной мысли
И гдѣ сомнѣній ропотъ, шумъ.
На перевитыхъ перекресткахъ
Тріумфъ, паденіе божковъ,
Но грежу я о новыхъ блесткахъ
Единой правды всѣхъ міровъ.
За нею въ поискахъ я буду
Блуждать и рыскать по лѣсамъ
Пока изношенному люду
Святого лика я не дамъ.
И, томный, жаждущій, голодный,
Я безъ побѣдъ не отступлю.
О, скрытый ликъ свой благородный
Яви скорѣй, тебя молю.

3. ТРИ МИГА.

Въ синихъ даляхъ и румяныхъ,
Въ сказкахъ свѣтлыхъ, златотканныхъ
Гасла дѣтская пора:
Въ маяхъ смутныхъ и туманныхъ,
Въ хмѣлѣ утреннемъ Вчера.
А подъ небомъ ночи черной
Въ думъ и мыслей рощѣ спорной
Весь Сегодня скорбный мой;
Онъ мятежный, непокорный
Грезитъ дальнею звѣздой.
Завтра въ радугахъ закатныхъ,
Въ майскихъ зоряхъ, ароматныхъ,
Весь цвѣтетъ, какъ самъ обманъ:—
Плодъ мечтаній необъятныхъ,
Какъ безбрежный океанъ.

4. ЭЛЕГІЯ.

Торопитъ время бѣгъ часовъ...
Поютъ молитвенно куранты...
Въ лицо мнѣ смотрятъ фоліанты,—
Ряды запыленныхъ томовъ
Стоятъ во фронтъ, какъ легіоны,
Тихи, мертвы, какъ фараоны.
Во тьму погашенныхъ вѣковъ
Голодно—жаждущее око
Вонзилъ мучительно глубоко;—
О лучшихъ розахъ изъ цвѣтовъ
Читаю пестрыя страницы:
Ихъ пурпуръ славы, гордость львицы,
Ихъ красоту, какъ розы шелкъ,
Ихъ пламя сердца, духа зрѣлость,
И средь рабовъ ихъ подвигъ—смѣлость.
Но пестрый шумъ давно умолкъ!
Какъ смутный сонъ, потухли звоны...
Какъ дымъ и тьма, померкли троны—
Мгновенный блескъ вѣнковъ, знаменъ.

Теперь все ложь подъ ветхой пылью,
Подъ прахомъ, плѣсенью и гнилью.
Какъ стерла все печать временъ!
И полный скорби, укоризны,
Смотрю въ страницы нашей жизни:
О, даже лучшимъ изъ похвалъ,
Изъ яркой свиты, славы нашей
Не миновать той самой чаши...
И имъ забвенье—тотъ финалъ!..

Надежда Ландская.

1.

Въ темныя тихія воды затона
Глянула трепетно-нѣжно звѣзда...
Грусть моей сказки весенней бездонна
И одинока всегда.
Ночи задумчивой вздохи глубоки
Ласково-кротокъ участливый взглядъ...
Въ снахъ моихъ теплятся робко намеки
На одинокій закатъ.
Радость весны не идетъ, запоздала.
Никнутъ акаціи къ ночи на грудь ..
Господи! Господи, какъ я устала,
Какъ я хочу отдохнуть!

2.

Въ нѣжной грусти больной розоватой зари
Потухающей дымкой любви озаренная,
Чернымъ флеромъ повила свои алтари
И сгасила сіянье надзвѣзднаго трона я.
Вся измучена тщетными ласками чаръ,
Неизжитыми снами и горькими былями,
Я на скалы какъ гордый безумецъ Икаръ,
Пала въ жизни съ разбитыми крыльями.
Серебристыя дали такъ кротко-грустны
Зазвенѣли мнѣ пѣсней избывно-знакомою
И склонились ко мнѣ нерасцвѣтшіе сны,
Недопѣтыя пѣсни съ предсмертной истомою.
Догораютъ огни въ моемъ храмѣ земномъ
Гаснутъ слезы надъ сказкою—вѣчной утратою...
Я надъ бездной съ поломаннымъ бѣлымъ крыломъ.
Засыпаю надъ дымкой зари розоватою.

3.

Разметавъ свои крылья надъ бѣлымъ чертогомъ
Грустныхъ утреннихъ ландышей первой весны.
Черной ночью склонились въ молчаніи строгомъ
Побѣжденные призраки—сны...
Скорбно подняли очи Тому, Кто въ просторахъ
Погасилъ и развѣялъ послѣдній костеръ,
И такая тоска загорѣлась во взорахъ,
И такой молчаливый укоръ.

4. ВЪ СТЕПИ.

Синеватые сумерки дали запрятали
Подъ больнымъ и усталымъ крыломъ...
Не пойму я, что въ сердцѣ тоскуетъ: утрата-ли
Всѣхъ надеждъ или грусть о быломъ.
Или плачетъ звенящими тонкими нотками,
Неизжитая ласка въ груди,
Или небо заглянуло звѣздами кроткими
Въ глуби сердца и шепчетъ: не жди!..
Надъ уснувшими травами вѣтеръ проносится.
Далеко загорѣлся костеръ.
Я не знаю, что въ душу мнѣ ласково просится,
Эта грусть, что въ затерянной пѣснѣ доносится,
Или милый солгавшій мнѣ вздоръ.

Ин. Бекетовъ.

ЛЮБОВНАЯ ДУЭЛЬ.

Въ небѣ желтые павлины,
Зацвѣтая встали въ даль.
Выходи на поединокъ,
Обнажая злую сталь.
Путь путей неисповѣденъ:—
Гдѣ послѣдній ляжетъ путь?
Вечеръ зоревый побѣденъ
Подставляй ударамъ грудь!
Вечеръ золото расплавилъ,
Душной тьмы раскинулъ шаль.
— Ты знатокъ дуэльныхъ правилъ.
— Обнажаю злую сталь.
Намъ свидѣтелей не надо
Для сраженья и пировъ.
— Кинь же черный шелкъ нарядовъ
На узоръ моихъ ковровъ!

Георгій Гли.

1. СИНЕЙ НОЧЬЮ.

Лунный лучъ чертитъ въ водѣ узоры...
Въ скалахъ шумъ испуганныхъ шаговъ...
Не вонзай въ морскія дали взоры:
Море въ глубь свою зоветъ безъ словъ!..
Есть языкъ таинственный у моря:
Синей ночью въ тихій звѣздный часъ
Лунный свѣтъ, съ волною сонной споря,
Завлечетъ въ объятья моря васъ...
Эту тайну вѣчно, непреклонно
Море спящее всегда въ себѣ хранитъ,
Въ синій часъ, когда на небосклонѣ
„Южный Крестъ" блеститъ—какъ хризолитъ.
Лунный лучъ чертитъ въ водѣ узоры...
Слышенъ всплескъ встревоженной волны...
Ахъ! зачѣмъ ты вдаль вонзала взоры
Въ часъ сапфирной, матовой луны...

2. МИНЬОНЪ.

Полудремота, полусонъ:
Извивно-медленный миньонъ.
Улыбка тихихъ синихъ глазъ:
Въ огнѣ расплавленный топазъ
Уйдемъ, дитя въ лиловый залъ:
Онъ нелюдимъ, уютенъ, малъ...
Здѣсь средь толпы бѣлѣетъ грудь,
Сверкаетъ взоровъ страстныхъ муть...
А тамъ неясный синій сонъ
Въ твоихъ глазахъ, и я влюбленъ...
Но чутко, нѣжно я люблю
Огнемъ страстей не отравлю...
Издалека подъ круглый сводъ
Слетаетъ звуковъ хороводъ,
И мы подъ дальней арфы звонъ
Танцуемъ медленный миньонъ.

Сем. Никитинъ.

Отдаться смѣло во власть минуты,
Разстаться съ плѣномъ нѣмой темницы,
Усильемъ мощнымъ порвать всѣ путы
И улетѣть бы свободной птицей!

Заглавный рисунокъ къ «An Evil Mother hood».

Обложка къ «The Savoy» V.

Тутъ такъ характерно выраженіе—„онѣ казались откормленными дорогими вышивками и парчами".

Такъ удачно оно примѣнительно къ бабочкамъ съ пестроцвѣтными бархатными крыльями.

И такъ идетъ оно къ самимъ рисункамъ Обри Бердслея.

Пригласительный билетъ.

Они эти рисунки правда въ большинствѣ случаевъ кажутся откормленными вышивками и парчами.

Они такъ насыщены дорогими украшеніями графики.

Въ „Аббатѣ Фанферлюшѣ", въ „Битвѣ прелестницъ", въ „Туалетѣ Венеры", въ „Салонѣ", „Прогулкѣ", „Слугахъ Венеры", „Мадоннѣ" и въ особенности въ фантасмагорическомъ „Сплинѣ" художникъ проявляетъ такую изумительную расточительность, что хочется положительно взять ее подъ опеку.

Обложка къ «A Book of Fifty Drawings».

Нѣкоторые изъ рисунковъ такъ густо опышнились ихетливыми штрихами искусства, что кажутся старинными гравюрами на деревѣ.

Ювелирная работа! Изумительное рукодѣліе!

Съ такимъ трудолюбіемъ и искусствомъ работали только старинныя великіе мастера!

Обложка къ «The Iollow book» II.

Сѣдые, благовидные они мудро годами сидѣли за своими гравюрами, бороздя рѣзцомъ доску медленно, но вѣрно, настойчиво, любовно, искусно и вкусно.

Своей вѣрѣ, терпѣнію и умѣнію они учили, какъ апостолы, учениковъ.

Обри Бердслей умеръ 26 лѣтъ.

Онъ не имѣлъ ни сѣдыхъ волосъ, ни сѣдыхъ думъ.

Онъ не имѣлъ времени тратить годы на свое искусство.

Поражаешься, когда онъ успѣлъ наработать такъ много.

Онъ никого не училъ.

Хотя у него учились, учатся и будутъ учиться.

Кто былъ Обри Бердслей?

Свѣдѣнія о немъ очень скудны.

Весь фактическій матеріалъ сводится къ слѣдующему

Родился онъ въ Брайтонѣ 21 августа 1872 года.

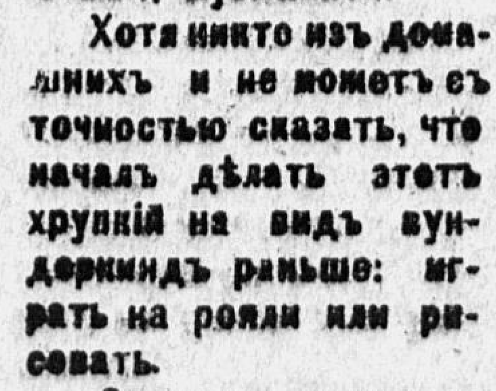
«Венера»

По словамъ его главнаго біографа Роберта Росса, онъ былъ съ дѣтства тихимъ, застѣнчивымъ, хилымъ ребенкомъ.

Съ семилѣтняго возраста у него обнаружился туберкулезъ, такъ что его пришлось взять изъ „Дѣтскаго сада" въ Брайтонѣ и перевести въ приготовительную школу въ Херстпіерпойнтѣ.

Въ 1881 году его переводятъ въ Ипсомъ.

Въ 1883 году семья и онъ переселяются въ Лондонъ и тутъ вотъ на одиннадцатомъ году жизни начинается его общественное служеніе.



Обложка къ «Pierrot».

Сначала въ качествѣ... музыканта.

Хотя никто изъ домашнихъ и не можетъ съ точностью сказать, что началъ дѣлать этотъ хрупкій на видъ вундеркиндъ раньше: играть на рояли или рисовать.

Онъ всегда игралъ и всегда рисовалъ.

И всегда говорилъ что, музыку любитъ и знаетъ.

— Это единственное въ чемъ я понимаю толкъ.

Обложка къ «The Iollow book» VI.

Обложка къ «The Cambridge A. B. C».

Обложка «The Iellow book III.

Саломея — Луини.

6.

—„Горе вамъ! Тебѣ Антипа, и тебѣ, Іезавель!..
Заглушилъ тетрарха совѣсть адскій скрипъ твоихъ сандалій.
Ты ржала, какъ кобылица, трепеща отъ скотской похоти!
На верху горы священной водрузила ты постель,
Тамъ свои приносишь жертвы вавилонскихъ вакханалій!..
Заглушила стыдъ тетрарха въ гингръ, кроталъ, кимваловъ грохотѣ!

7.

Но великій день настанетъ! Все сорветъ съ тебя Господь:
И запястья съ рукъ, и серьги изъ ушей, и съ ногъ браслеты...
Этотъ серпъ изъ яркихъ камней, на челѣ твоемъ сверкающій,
И пурпурныя одежды, облекающія плоть,
Зеркала и опахала, что рабынями воздѣты
Надъ главой твоей,— отниметъ все Господь рукой карающей!..

8.

И сапфиръ, въ зубахъ горящій, и сосцы твоихъ грудей—
Все сорветъ—всѣ чары нѣги, вавилонская блудница!
Ты застонешь, ты завоешь, но не встрѣтишь утѣшенія,
Чтобъ побить тебя, не хватитъ въ Махерузѣ всемъ камней.
Проклята ты! Проклята ты! Будешь издыхать, какъ псица...
Пресмыкаться будешь! Богу вонь мерзитъ кровосмѣшенія"...

9.

—„Вонь мерзитъ кровосмѣшенья"!...—тихо повторилъ тетрархъ:
„Словно жизнь угодныхъ Богу съ властью плоти не знакома!
Развѣ Лотъ не наслаждался тѣломъ, ласками дочерними,—
Стыдъ отца на ложѣ дщерей позабывшій патріархъ!
А Аммонъ съ своей сестрою! А примѣръ Авессалома!
Развѣ женъ отца не дѣлалъ страсти жертвами вечерними!

10.

Развѣ патріархъ Іуда жертвой похоти утѣхъ
Не избралъ себѣ невѣстку. Развѣ жизнь царя Давида,
Соломона, Ноя, Сима плотской не полна усладою.
Вонь мерзитъ кровосмѣшенья! Пусть кровосмѣшенье грѣхъ,
Но для Бога Ноя, Лота не большая въ немъ обида...
Ну... а все-таки покончить надо мнѣ съ Иродіадою...

11.

Не она-ль причиной явной бѣдствій всѣхъ моихъ была:
Не ея-ль виной и этотъ стыдъ войны девятилѣтней,
Не за связь ли съ ней я жгуче ненавидимъ Іудеями,
Не ея ли братъ Агриппа причинить мнѣ столько зла
У Тиверія престола нынче—завтра можетъ сплетней...
Цезарь злобенъ, но довѣрчивъ, а особенно съ злодѣями"!..

12.

День вставалъ и просыпался знойный Іерусалимъ.
Словно мѣлъ, бѣла пустыня, бѣлизною рѣжетъ око.
Іудейскихъ горъ вершины тухнутъ: Энгадди съ отрогами,
И Эсколь, Эбронъ и Газеръ зеленѣющій за нимъ...
Море Мертвое сверкаетъ—перлъ лазоревый востока...
И съ тоской слѣдитъ Антила за прибрежными дорогами.

13.

Вдругъ онъ слышитъ за стѣною ткани нѣжныя шуршатъ!
Перламутровыхъ сандалій зазмѣились звуки скрипа—
То вошла Иродіада:—„Здравствуй Иродъ, уже встала я,
Чтобъ тебя поздравить,—новость: намъ не страшенъ больше братъ:
Императоромъ посаженъ онъ въ темницу!..—„Кто?.. Агриппа!.."
„—Да,—мой братъ!"—„Возможно-ль это!"—Радость для меня не малая...

Саломея — Эрихъ Германъ.

Саломея — А. Обле.

14.

Если-бъ зналъ ты, сколько денегъ, сколько хитростей, интригъ,
Сколько нанятыхъ кліентовъ, сколько тайно вскрытыхъ писемъ,
Перехваченныхъ доносовъ стоитъ мнѣ его паденіе.
Если-бъ зналъ, какъ не давался торжества медвяный мигъ,
Но теперь шпіоны трона и Евтихій, и Анисимъ
Мной подкуплены. Самъ Цезарь намъ не страшенъ, безъ сомнѣнія...

15.

Это я сгубила брата. И за то награды жду.
Головою Іоанна ты заплатишь—вотъ награда!"
—„Іоаннъ... Его не бойся... Онъ въ темницѣ подземелія
Спрятанъ мной. Но онъ мнѣ нуженъ. Я имѣлъ его въ виду...
У него въ народѣ сила"...—„ Ты безславья Галаада
Позабылъ, но я ихъ помню!.. „Смерть ему!."— Я жду Вителлія.

16.

Завтра... Послѣ о наградѣ мы съ тобой поговоримъ...
Все, что хочешь, но не это... Этотъ волхвъ для дѣла нуженъ"...
— „А награда мнѣ не дѣло! Иль награды не достойна я!
Іоаннъ народъ волнуетъ,—какъ на это взглянетъ Римъ?
Іоаннъ властей ругаетъ, а тетрархъ съ нимъ нѣженъ, друженъ...
Знаю... Ты его боишься... Трусость Ироду пристойная.

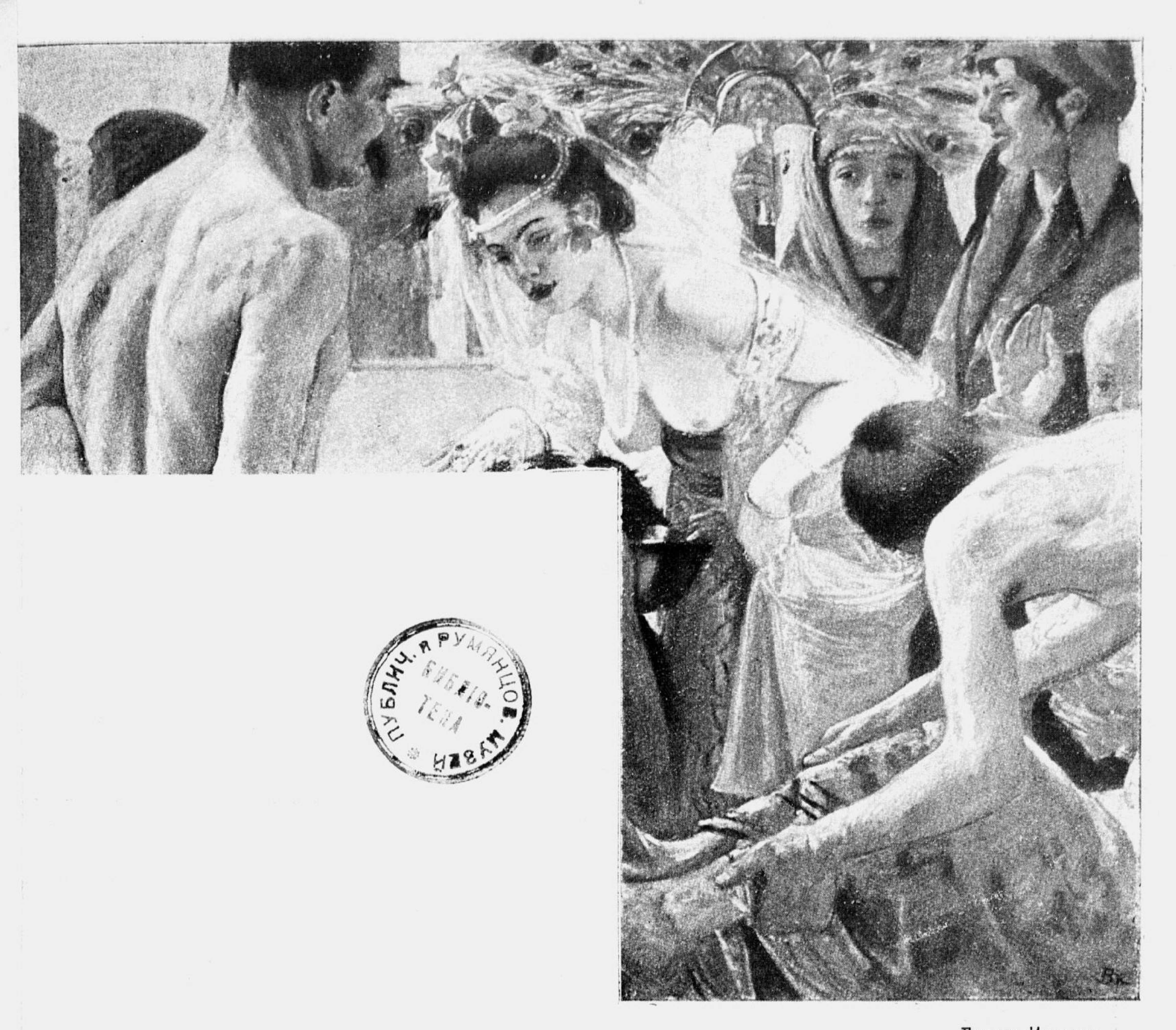
17.

Весь твой родъ Эдома—сволочь, прирожденные рабы.
Дань платившіе Іудѣ со временъ царя Давида,
Претерпѣвшіе изгнанье изъ Геброна Маккавеями...
О, когда-бъ я раньше знала, не связала бы судьбы
Я своей съ судьбой Антипы. Что для Ирода обида!
Бойся черни іудейской, лебези предъ фарисеями,

Саломея — Гансъ Дамманнъ.

18.

Будь съ предателемъ уступчивъ, попадайся на обманъ,
Трусь Ветеллія и Авла,— это Ирода искусство!...
Что молчишь!.. Отворотился!.. Съ любопытствомъ въ даль установился...
Есть тамъ, чѣмъ полюбоваться,—это Аравійскій станъ...
Можетъ, къ аравійской дѣвкѣ разгорѣлись снова чувства!..
Съ ней опять пожить желаешь? Черствый хлѣбъ ея понравился,



Саломея — Ловисъ-Коринтъ.

19.

Испеченный подъ золою? Молоко ея овцы?
Что-жъ, вернись въ ея палатку, принеси ей покаянье,
Тамъ отецъ и дочь поймаютъ съ распростертыми объятьями!..
Щеки сизыя лобзай ей, темнобурые сосцы!
Дѣвка Ирода достойна".. Недвижимъ, какъ изваянье,
Онъ стоялъ не раздражаясь все растущими проклятьями.

20.

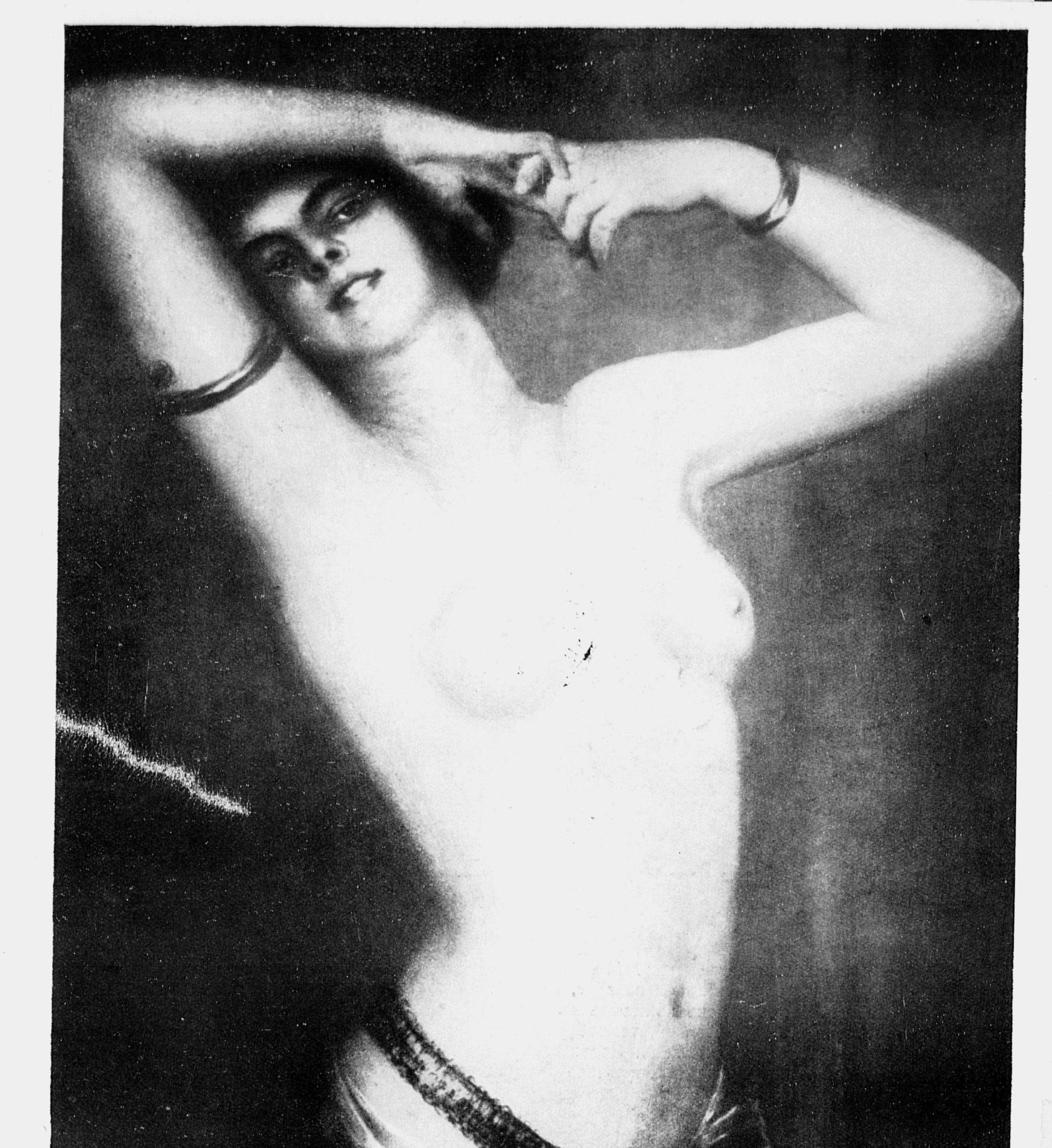
День сіялъ. Горячій вѣтеръ доносилъ сѣрнистый паръ—
Моря Мертваго дыханье, все мертвя вокругъ. Разсѣлинъ,
Горныхъ скатовъ, безднъ и камней очертанья зноемъ скованы.
Верхъ Антоніевой Башни опалилъ лучей пожаръ,—
Энгадди съ Эброномъ выжегъ. Только Газеръ блѣдно зеленъ,
Да Сорэкъ... Но не на горы смотритъ Иродъ очарованный.

21.

Надъ одной изъ крышъ сосѣднихъ увидалъ въ сіяньи дня
Грезу лѣтъ минувшихъ—дѣву. Римской гражданкой одѣта
Въ легкотканную тунику, въ пеплумъ съ синими полосками.
Надъ большими коробами стройный станъ свой наклоня,
Вынимаетъ украшенья, ткани разной формы, цвѣта.
Ленты, пояски, подвѣски, чешуясь, сверкаютъ блестками.

22.

Но сама она сверкаетъ ярче тканей и камней.
— „Кто она"?—не воздержавшись, онъ спросилъ Иродіаду.
— „Мнѣ нѣтъ дѣла до пріѣзжихъ!—словно нехотя отвѣтила
Та и въ глубь дворца спустилась.—„Онъ спросилъ меня о ней...
Очарованъ Саломеей ужъ по первому онъ взгляду..."
И въ очахъ Иродіады торжество и злоба свѣтила:



Саломея Рейникеръ.

23.

— „Значитъ, планъ мой удается. Мой онъ снова, наконецъ.
Дочь моя—неотразима... Я была такой когда-то...
О, въ ея года я тоже силой чаръ была всесильною...“
А тетрархъ стоялъ въ раздумьи. Вдругъ тревога—рабъ-гонецъ.
Весь въ пыли... упалъ...—„Вителлій“, прохрипѣлъ... Исполненъ свято
Долгъ гонца: уста сомкнулись нѣмотой на вѣкъ могильною...

ГЛАВА ВТОРАЯ.

1.

— „Гостю нежданному, вѣчно желанному.
Внуку Вителліи—свѣтлой богинѣ,
Богоподобнаго Авла отцу,
Мнѣ во спасенье Тиверіемъ данному,
Гордой опорѣ сирійской твердыни,
Славному конскихъ ристалищъ борцу,

2.

Клитовъ строптивыхъ грозѣ-побѣдителю,
Воину, доблесть чья неоспорима,
Мужу, которому равнаго нѣтъ,
Патриціанскихъ традицій носителю,
Цезаря другу, проконсулу Рима,—
Люцію Виктору—низкій привѣтъ!..“

3.

Къ пышныхъ носилокъ пурпурному стремени.
Иродъ Антипа упалъ на колѣни,
Выкрикнувъ съ паѳосомъ грубую лесть;
— „Гость драгоцѣнный, прости мнѣ, что времени
Я не имѣлъ для раздачи велѣній,
Чтобъ оказать тебѣ царскую честь!“

Саломея Люкка.

4.

Ирода лесть заставляетъ Вителлія
Тѣмъ же отвѣтить:—„Къ чему оправданья!
Развѣ впервые я въ домѣ твоемъ?
Ирода домъ—домъ пировъ и веселія,—
Вѣчно привѣтны дворцовыя зданья.
Жду я не царскій, а братскій пріемъ!

5.

Иродъ Антипа—гордись предъ потомками:
Имя твое не боится утраты—
Памятникъ твой каждый Августу храмъ!..
Развѣ у васъ именами столь громкими
Лѣтопись Рима и міра богата?!
Имени жизнь—приближаетъ къ богамъ“.

6.

Вышелъ и Авлъ въ тогѣ съ желтой каемкою,
Юноша толстый съ лицомъ угреватымъ:
— „Ты не сердись на меня, старина,
Если свое я привѣтствіе скомкаю:
Ирода всѣ называютъ богатымъ,—
Ergo, bibamus!.. Давай намъ вина!..“

7.

— „Чудный привѣтъ! узнаю остроумнаго
Богоподобнаго Авла! Амфоры
Благостныхъ винъ тебя полныя ждутъ!
Что-жъ до богатствъ моихъ—вымысла шумнаго
Басни они. Самъ слыхалъ я, что горы
Золота здѣсь... Но... увы!.. люди лгутъ!..“

8.

Люція губы скривились усмѣшкою,
По двору двинулся, ликторовъ свитой,
Символомъ власти своей, окруженъ.
— Ergo, bibamus!.. Чего же я мѣшкаю...
Врядъ ли богатства твои ядовитой,
Сплетней окажутся. Я пораженъ,

9.

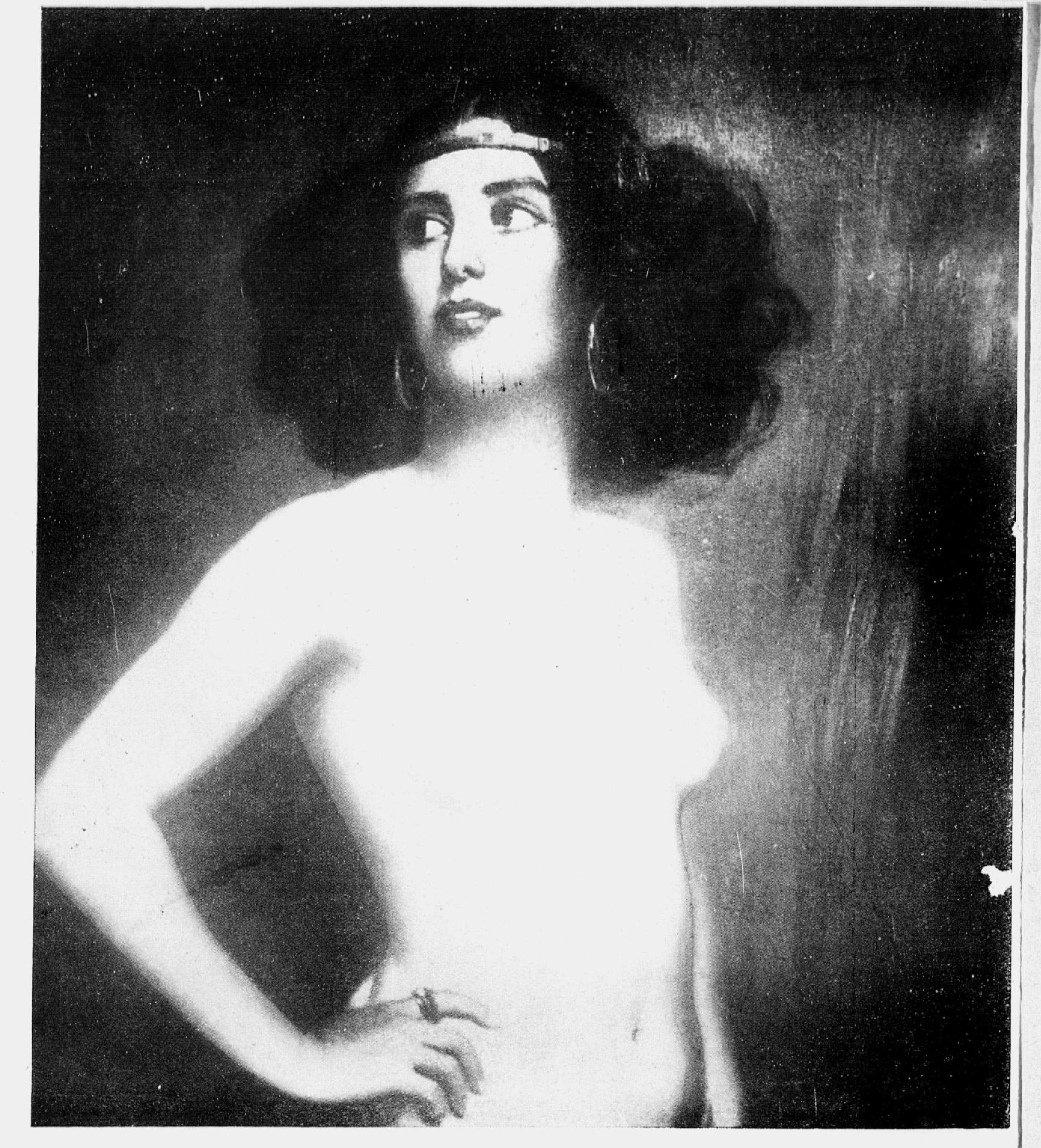
Видя сіянье за той колоннадою!..“
Авлъ закричалъ. На царей Вавилона
Пышностью встрѣчи тетрархъ походилъ.
Евнухи, дѣвы предъ Иродіадою
Шли въ блескѣ ризъ изъ парчи и виссона.
Въ дымѣ курильницъ и дымѣ кадилъ,

10.

Вся облаками густыми облитая,
Иродіада казалась святою,
Съ неба сошедшей для встрѣчи гостей.
— „Не удивлюсь, коль окажется скрытою
Золота куча подъ каждою плитою!
Право! Клянусь вамъ прабабкой моей!..“

11.

Этотъ мальчишка—карьера Вителлія—
Цезаря бывшій наложникъ, обжора,
Пьяница, Ирода началъ смущать:
— „Иродъ, тутъ нѣтъ у тебя подземелія?
Отъ моего не упрячешься взора!..
Авлъ сталъ по камнямъ ногою стучать.



Саломея — Штемберъ.

12.

— „Браво! Нашелъ!.. Вотъ тетрарха сокровища!..
Слышишь, какъ стукъ отдается тамъ глухо:
Здѣсь подземелье! Здѣсь Ирода кладъ!..“
Иродъ смутился: — „Здѣсь — рабъ... здѣсь — чудовище...
Страшный преступникъ...“ — „О, нѣтъ... мое ухо
Слышитъ, какъ тамъ золотые бренчатъ!..“

13.

— „Небомъ клянусь!..“ — „Ни за что не повѣрю я.“
— „Важный преступникъ!..“ Антипа бормочетъ.
— „Ну, покажи намъ!.. Такъ что-жъ ты смущенъ?
Этого хочетъ любимецъ Тиверія...
Я такъ хочу и проконсулъ такъ хочетъ!..“
— „Сына желанье, Антипа, — законъ!..“

14.

— „Тутъ человѣкъ... осужденъ за безбожіе...
Иродъ далъ знакъ, — и отвалены плиты,
Спускъ въ подземелье крутой обнаживъ.
Вздохи, на звѣря урчанье похожіе,
Снизу раздались. — „Ну, видишь... вели ты
Снова закрыть... Онъ недвиженъ... Чуть живъ...“

15.

— „Горе вамъ! Горе, кимвалы звенящіе, —
Вамъ, фарисеи, и вамъ, саддукеи, —
Дутыя спеси! Исчадія змѣй!
Черви ползущіе! Трупы смердящіе!
Горе тебѣ, о народъ Іудеи,
Землю мерзящій измѣной своей,

Рисунокъ Н. Н. Краузе, получившій премію на второмъ конкурсѣ „Весны“.

Содержаніе предыдущихъ №№-овъ „ВЕСНЫ“

При этомъ номерѣ разсылается второй листъ второй преміи — „Саломея“. Первая премія — „Версификація“ („Какъ писать стихи“) разсылается только годовымъ подписчикамъ.

Второй листъ альбома рисунковъ Обри Бердслей и второй листъ альбома нотъ будетъ разосланъ съ № 4 „Весны“.

Книга „Версификація“ Н. Шебуева отдѣльно отъ журнала можетъ быть выписана изъ конторы „Весны“ (Лиговская, 86) за 1 р. 25 к. съ пересылкой.

Б. Гроссеръ.

Игорь Сѣверянинъ.

ЕВГЕНІЯ.

Это имя мнѣ было знакомо—
Чуть истлѣвшее пряное имя,
И въ щекочущемъ чувственномъ дымѣ
Сердце было къ блаженству влекомо.
Какъ волна—броненосцу за пѣну,
Какъ за плѣнъ—бѣгъ свободный потока,
Это имя мнѣ мстило жестоко
За забвенье, позоръ, за измѣну...
Месть швырнула въ лицо мнѣ два кома,
Кома грязи—развратъ и безсилье.
Я кончаюсь въ неясномъ усильѣ...
Это имя мнѣ жутко-знакомо!..

2. PRELUDE.

Мои стихи—туманный сонъ,
Онъ оставляетъ впечатлѣніе...
Пусть даже мнѣ неясенъ онъ,
Онъ пробуждаетъ вдохновеніе...
О, люди, дѣти мелкихъ смутъ,
Вашъ богъ—дѣйствительность угрюмая!
Пусть сна поэта не поймутъ,—
Его почувствуютъ, не думая...

3. ПОЛУСОНЕТЪ.

Твои горячіе кораллы
Коснулись блѣднаго чела,
Какъ сладострастрастная пчела,—
И вотъ въ душѣ звучатъ хораллы!
Моя тоска меня карала,
И я не пѣлъ, и пѣть не могъ.
Но ты сняла съ души забрало
И съ пѣсни рыцарской замокъ.
Безъ жизни жизнь и сонъ безъ сна
Теперь окончены. Весна
Моей любви поетъ и трелитъ...
Спѣши вдыхать весны цвѣтокъ,
Спѣши! И радости потокъ
Насъ захлестнетъ, но не раздѣлитъ!

4. ЩИТЪ—СОЛНЦЕ.

Солнце—мой щитъ отъ ночного щемящаго ужаса!
Я прибѣгаю ко власти Высокихъ Защитъ.
Съ первымъ лучемъ да отпрянетъ злой духъ, разоружася,
И да слѣпитъ его очи мой солнечный щитъ!
Скроется ночь, омертвивъ безпокойные шорохи,
Тайны свои захвативъ для грядущей сестры...

Тайна ночей—не огонь-ли въ чуть тлѣющемъ порохѣ?
Взоры ночей не цвѣтами-ли гроба пестры?
Ночи безумны, и насъ призываютъ къ безумію...
Старое зданіе молитъ, клянетъ и трещитъ...
Мечется сердце, а мысль—непогоды угрюмѣе...
Чтобы и было, когда-бы не солнце, мой щитъ!..

5. НАВСЕГДА...

Я гостилъ въ твоемъ сердечкѣ
Только мигъ.
Это было возлѣ рѣчки,
Гдѣ тростникъ.
Ты въ душѣ моей, какъ, дома,
Навсегда.
И разрушитъ тѣ хоромы
Кто? когда?

6. ЛѢТОМЪ.

Студеной слизью блещетъ озеро,
Зноятъ полдневные лучи.
Рой бархатистыхъ пчелокъ, къ розѣ рой
Стремясь, гуторитъ, какъ ключи.
Надъ малахитовою лужею
Жужжитъ комаръ, завороженъ.
Мой жаркій взглядъ щемящей стужею
Твоихъ очей расхоложенъ!

7. НЕ БУДЕТЪ ОПЯТЬ!..

Ты всегда съ голубыми очами
Приходила ко мнѣ ночевать...
Это было такъ сладостно—больно,
Но не будетъ, не будетъ опять!
И порхали мгновенья—стрекозы,
Присѣдая къ зарѣ на цвѣтокъ.
Мы любили, хотѣли другъ друга..
Ты близка, но теперь я далекъ.
Да, не ты далека: ты все та-же,
Какъ желанье, покорная мнѣ...
Это было такъ сладостно-больно,
Это было всегда при лунѣ!..

8. BERCEUSE.

Солнце сонмы сомнамбулъ весны
Манятъ меня въ осіянные сны.
Четко ночами рокочутъ ручьи.
Звучныя рѣчи ручья горячи.
Плачутъ сирени подъ лунный рефренъ.
Очи хохочутъ песчаныхъ сиренъ.
Лунные плѣны былинной волны.
Солнце сонмы весенней луны...

9. ВЪ АВГУСТѢ.

Есть въ тихомъ августѣ, мечтательномъ и кроткомъ
Такая мягкая, пѣвучая печаль,
Такъ жаль минувшаго, мелькнувшаго въ короткомъ,
Что сердце просится: „къ забвенію причаль"...
Мнѣ вспоминаются, туманны и безсвязны,
Обрывки августовъ, ихъ встрѣчи, ихъ уходъ...
И для души моей они однообразны,
Какъ скаламъ озера—проплывшій пароходъ...

Грааль Арельскій.

1. ЛИЛІИ.

Востокъ лилово разгорается
Чаруя вѣчностью въ моментѣ,—
Король подъѣхалъ и склоняется
Къ широкой бирюзовой лентѣ
Онъ видитъ лиліи невинныя
Грустятъ печалью серебристой,
Ихъ пальцы тонкіе и длинные
Покрыли въ перстняхъ аметисты
Уста ихъ дѣвственно—несмѣлыя.
Отвѣтныхъ устъ не цѣловали,
И одиноко платья бѣлыя
Грустили въ дремлющей эмали.
Дается знакъ рукой властительной
Въ перчаткѣ свѣтло-желтой кожи,—
И подаетъ букетъ почтительно
Слуга на дѣвочку похожій.
И осѣненный бѣлоснѣжностью,
Вдыхая запахъ свѣже-тонкій,
Король цѣлуетъ съ дѣтской нѣжностью
Ихъ золотистыя коронки.
И видитъ онъ,—лицо Сивиліи
Когда она, уйдя отъ свиты,
У алтаря положитъ лиліи
На бѣло-мраморныя плиты.

2. ВЕЧЕРНІЙ ПОРЫВЪ.

Гасли краски заката,—окровавились клены,
Возвращался съ пуанта голубой лимузинъ;,
Плыли мимо поляны такъ печально—зелены,
И шоссе шелестѣло отъ упругихъ резинъ.
Въ яркомъ платьѣ изъ шелка, изъ цвѣтного алача,
Въ черныхъ узкихъ перчаткахъ, и въ боа кружевномъ—,
Вы грустили беззвучно, отъ тоски чуть не плача,
Загорѣвшись презрѣньемъ,—золотистымъ огнемъ.
И какъ чуждо далеки въ этотъ мигъ были люди!
Вы мечтали о храмѣ гдѣ молитва чиста,
Гдѣ печаль утихаетъ въ фиміамѣ прелюдій,
Гдѣ пунцовыя розы у распятья Христа.
И хотѣли забыть Вы—эти блѣдныя лица
Эти шумныя залы, гдѣ надмененъ порокъ,
И одѣть снова платье изъ грошеваго ситца,
И принцессою нищей жить въ безбрежьи дорогъ.

СТАТУЯ СВ. ПАВЛА
(Сонетъ).

На воротахъ, гдѣ голубыя фрески
Стоитъ статуя Павла—ключаря,
Забытымъ сномъ чернѣетъ профиль рѣзкій
Когда горитъ багряная заря.
Все тотъ-же взоръ таинственно—печаленъ
Въ просторы смотритъ,—алыя моря!
Онъ видѣлъ смерть, пылающихъ развалинъ,
И блескъ знаменъ небеснаго царя;
Онъ видѣлъ рядъ блистательныхъ процессій;
И блѣдныхъ папъ въ ажурныхъ кружевахъ,
И дымъ костровъ виновныхъ въ черной мессѣ...
Но все молчитъ въ угаснувшихъ вѣкахъ,
Смѣняются пылающія зори,—
О, miser homo, memento mori!

Н. Агнивцевъ.

1. НА МАНСАРДѢ.

Высоко, высоко, въ двухъ шагахъ отъ луны,
На восьмомъ этажѣ, горделиво,
Размѣстились съ комфортомъ: бочокъ ветчины,
Пять юристовъ и дюжина пива...
Какъ прiятно и странно какъ: пить и жевать—
Въ облакахъ, средь созвѣздiй и вѣтровъ?!.
—Благодать!.. И на все имъ теперь наплевать—
Съ высоты... четырехъ тысячъ метровъ!

2. ВЛЮБЛЕННЫЙ ГОШКА.

Съ Гошкой что-то скверно!..
Вотъ, хотя-бъ, примѣрно
Нынче, вдругъ (о, Богъ мой!)—
Продалъ „Право“ съ „Догмой“...
И на деньги эти
Онъ купилъ для Кэтти,
Въ жертвоприношенье,—
Лучшее печенье—
Въ ящикѣ квадратномъ..
На пути-жь обратномъ,
Встрѣтивъ кредитора,—
Не удралъ вѣдь Гошка,
А, безъ разговора,—
Расплатился честно...
И погибла трешка!..

—Что-жъ, любовь—извѣстно—
—„Не картошка!“.

3. КУРСИСТКА НАДЯ.

У курсистки Нади—
Часики въ закладѣ,
Тамъ же и пальто...
Но, зато,—
Непремѣнно есть у Нади:
—Бомбоньерка отъ „Conradi“
И билетъ—
На балетъ...
—Почему?
—Потому!.

4. СИНЯЯ ФУРАЖКА“.

Фуражка синяя моя—
Подруга лучшихъ лѣтъ,—
Пою тебѣ, сегодня, я—
Торжественный привѣтъ.
Зимой и лѣтомъ—все одна,
Работая вдвойнѣ,
Ты, свыше силъ пять лѣтъ сполна,—
Служила честно мнѣ.
И въ лѣтнiй зной и въ зимнiй день,
(Стараясь не истлѣть)
Немного, этакъ,—набекрень—
Любила ты сидѣть!

Прошли веселые года,
Ушла Весна—домой!..
—Ахъ, сколько глупостей тогда—
Роилось подъ тобой?!.
И сколько разъ тебя „халатъ“
Вертѣлъ и такъ и сякъ
И, послѣ выспреннихъ тирадъ,—
Давалъ лишь—четвертакъ!

Фуражка синяя моя,—
Подруга лучшихъ лѣтъ,—
Пою тебя, сегодня, я,
Хотя... тебя, ужъ,—нѣтъ!..
Гдѣ-жъ ты нашла свой мавзолей?
(Храни тебя Ломбардъ)!
—О, знамя Юности моей,
—Опущенный штандартъ!

5. ИВАНОВЪ ИВАНЪ ИВАНЫЧЪ

(въ костюмѣ Исторiи и въ собственномъ).

Ивановъ Иванъ Иванычъ—
Примѣчательная личность
Героической закваски,
Онъ—ни „рыба и ни мясо“...
Онъ—огромный, многоликiй,
Вездѣсущiй, изначальный,—
Упирается ногами
Въ довременный, пѣнный хаосъ...

Это онъ, въ пещерѣ сидя,
Изобрѣлъ пращу, чтобъ скромно
Бить свирѣпыхъ динозавровъ—
На приличномъ разстояньи...
Это онъ, заботясь очень
О спасеньи душъ заблудшихъ,
Прижигалъ съ молитвой, кротко,
Еретическiя пятки...
Это онъ теперь гуляетъ
Въ котелкѣ и синемъ „cloch'ѣ“,
Выставляя элегантно
Красный шелковый платочекъ...

Онъ—великiй, многогранный,
Между дѣломъ, между прочимъ,—
Чиститъ обувь Аполлону.
Подъ мильономъ псевдонимовъ...
Бодаревскiй, Иловайскiй,
Францъ Легаръ и легiоны
Иже съ ними—это—онъ-же:
Ивановъ Иванъ Иваныч.

Ахъ, Иванъ Иванычъ—это
„Духъ земли“ изъ древнихъ сказокъ
И, отъ вѣка, онъ незримо
Во Вселенной правитъ баломъ!
Для него стучатъ машины,
Скачутъ въ небо фейерверки.
Завываютъ граммофоны
И румянятъ щеки дамы;
Для него-же, гдѣ-то въ Вѣнѣ,
Фабрикуютъ оперетки,
Для него-же строитъ рожи
Обезбрюченный Глупышкинъ;
Для него-же репортеры,
Въ сладкомъ чаяньи сенсацiй
Рыщутъ „Въ городѣ и свѣтѣ“
По гостинымъ и уборнымъ;
Для него-же на страницахъ
Всевозможнѣйшихъ журналовъ—
Бродятъ цѣлыми стадами—
Двухголовые телята...

Ивановъ Иванъ Иванычъ
Въ наше время,—занимаетъ
У madame Фортуны должность:
—„Управляющаго Мiромъ“...
Онъ, Иванъ Иванычъ, нынче—
Создаетъ успѣхъ и губитъ,

Обрекаетъ на закланье,
И подноситъ бутоньерки.
И у насъ его, съ азартомъ,
Бьются бѣшеные пары,
Восклицая:—„Ave, Caésar,
Morituri te salutant“...

Вотъ каковъ Иванъ Иванычъ
Въ историческомъ костюмѣ,
А въ—„разсроченномъ“, въ домашнемъ—
Онъ—другой, онъ—много меньше!..
Ахъ, въ домашней обстановкѣ
Все великое—мельчаетъ!
Потому-то онъ, къ примѣру,—
Жить не можетъ безъ гитары
И, весьма сантиментально
Въ потолокъ упершись взоромъ,
Томно тренькая, гнусавитъ:
Про какiе-то, тамъ, „очи“...
Но, питая духъ—гитарой,
Онъ и плоть не забываетъ,—
Ассигнуя регулярно,—
„На развратъ“—пятерку въ мѣсяцъ...
Послѣ чая, съ этой цѣлью
Брюки вычиcтивъ бензиномъ,
Ивановъ Иванъ Иванычъ
Возсѣдаетъ въ ближнемъ скверѣ.
И, намѣтивъ даму сердца,
Говоритъ ей, неизмѣнно,—
— „Гм... гм... барышня... простите...
Я васъ, право, гдѣ-то видѣлъ?..“
Посуливъ, затѣмъ, колечко—
Отправляется немедля,
Съ этой барышней подручку,—
По дорожкѣ очень торной...
А на утро, возвращаясь
Вновь—на праведное лоно,—
Мыслитъ съ видомъ облегченнымъ:
— „Ну, теперь, на мѣсяцъ—баста!..“
И, столкнувшись съ первымъ нищимъ,
Входитъ, тотчасъ, въ сдѣлку съ небомъ,
Отдавая на проценты
Небу—сразу—двѣ копѣйки...

6. ГИМНЪ

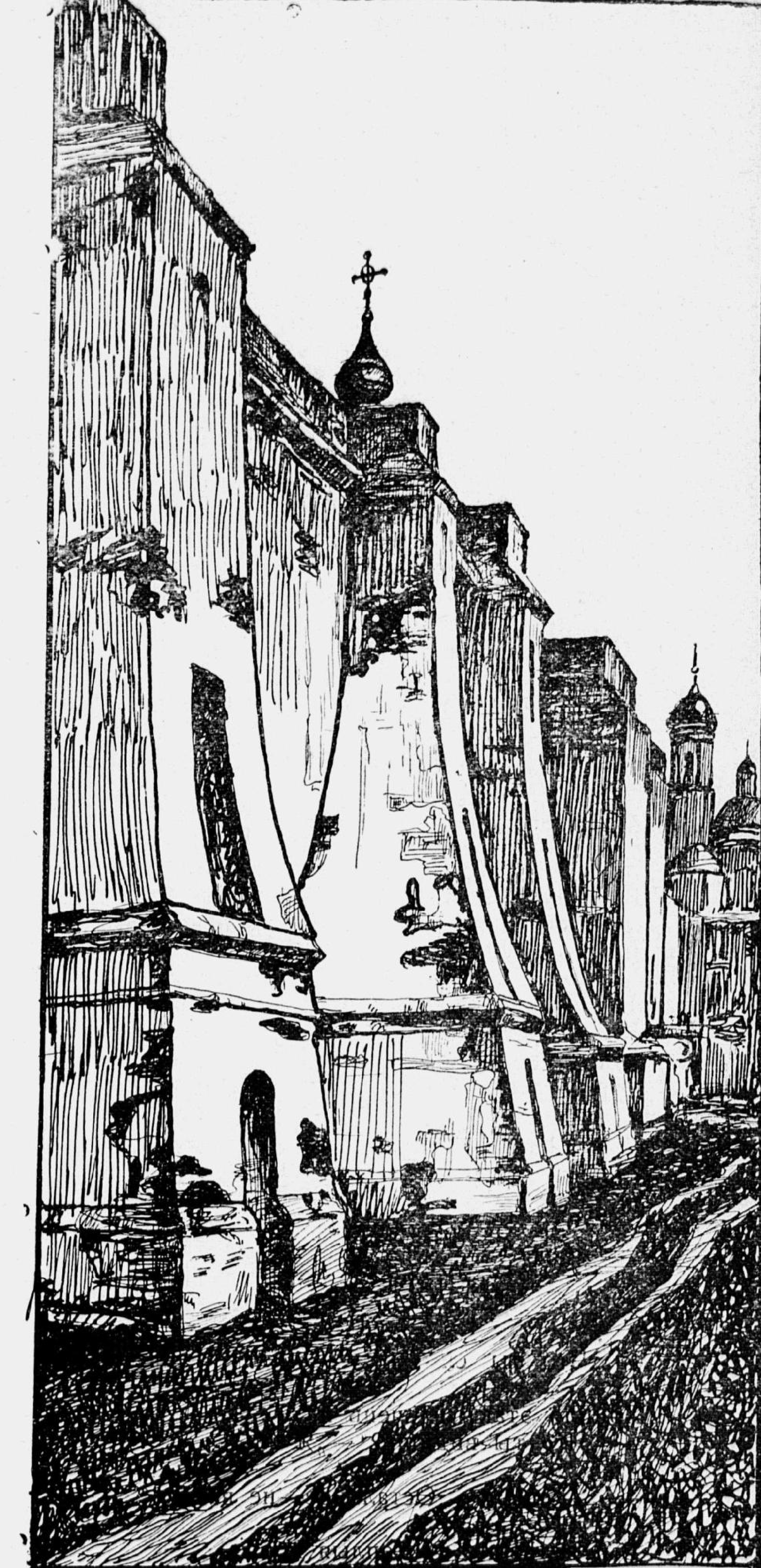
Е. В. Б. Ивану Ивановичу, г-ну Иванову.

Гремите бубны и фаготы
Со всѣмъ усердiемъ въ кредитъ,—
— Сегодня, милые,—работы
Намъ очень много предстоитъ.
Пылая жаромъ—что Экваторъ,
Пою, какъ сотни теноровъ,
Тебя,—коллежскiй регистраторъ—
Иванъ Иванычъ Ивановъ.

Обуженъ, сплюснутъ, безъ отмѣтинъ,
Въ семи водахъ прокипяченъ,—
Онъ—вездѣсущъ, хоть незамѣтенъ,
Онъ тотъ, чье имя—„легiонъ“.
И на картинѣ Мiрозданья
Онъ—фонъ гигантскаго холста,
На коемъ въ дерзкомъ сочетаньи
Горятъ эффектные цвѣта...
Ахъ, какъ бы выглядѣли сонно
Герои шпаги и чернилъ,
Когда бы—собственной персоной—
Онъ ихъ въ вѣкахъ не оттѣнилъ?!
Пусть онъ уйдетъ—и потускнѣютъ
Въ одинъ моментъ герои тѣ...
Вѣдь звѣзды всѣхъ сортовъ умѣютъ
Блистать лишь только въ темнотѣ!

Богатъ спиной, съ душой ручною,
Съ упругимъ лбомъ—покрѣпче скалъ—
Онъ созданъ Матерью-Землею
Для равновѣсья всѣхъ началъ!
Ахилловъ прыткихъ, какъ омаровъ,
Онъ тянетъ вѣжливо назадъ,
Онъ ловитъ за ноги Икаровъ,
Онъ учитъ разуму щенятъ...

А. Вахрамѣевъ.



Онъ—то „земное притяженье“,
Онъ—та мифическая ось,
Безъ коихъ шаръ нашъ, въ дерзновеньи,
Давно-бъ расползся вкривь и вкось...

О, славься-жъ, ты, забытый тлѣньемъ,
Титанъ, засунутый во тьму,
Ты... чай съ малиновымъ вареньемъ
Предпочитающій всему!..

7. ПОДЪ ЗНАКОМЪ КРАСНАГО ФОНАРЯ.

Все съ молотка! Все подъ ногою!
Кто больше дастъ—къ тому идемъ!..
И солнце виснетъ надъ землею—
Огромнымъ „Краснымъ Фонаремъ“...

Послѣдняго бога свезли на покой,
Послѣднюю пѣсню пропѣли,
Послѣдняя дѣвушка этой весной—
Купцу продалась на панели...
И Правда, и Совѣсть, и Разумъ, и Честь—
Торгуютъ собой громогласно—
Всѣмъ хочется хлѣба! Всѣмъ хочется ѣсть!
А хлѣбъ, нынче, дорогъ ужасно!..
Кто больше ѣстъ хлѣба—тому и почетъ!..
И „Марья Царевна“ изъ сказки
Поштучно и оптомъ теперь продаетъ
Свои несказанныя ласки..
Э, къ чорту жантильности! Къ дьяволу!.. Прочь—
Кисейную эту завѣсу!..
— Во сколько вы, барышня, цѣните ночь?—
И сколько въ васъ чистаго вѣсу?!.
Эй, вы, господинъ, вашу честь—за алтынъ?
Ну, ладно, дамъ гривенникъ даже!..
...И бойко идетъ у зеркальныхъ витринъ—
Веселая купля-продажа...

Все съ молотка! Все подъ ногою!
Кто больше дастъ—къ тому идемъ!..
И солнце виснетъ надъ землею—
Огромнымъ „Краснымъ Фонаремъ“.

8. НОЧНАЯ ТРЕВОГА

Тишь и гладь, и ни зги!.. Города и поля
Пребываютъ въ могильной дремотѣ...
. . . .
— Хоть бы съ шалой кометой столкнулась земля!
— Хоть бы черти завыли въ болотѣ!..
. . . .
— „Что ты слышишь?“—„Я слышу, какъ тявкаетъ песъ,—
Хрипло этакъ и очень протяжно“...
— „Что ты видишь?“—„Я вижу свой собственный носъ“...
— „А еще?“—„Остальное—не важно!“...

Вы, залѣзшіе въ теплыя норы—
Комильфотныхъ уютныхъ идей,
Вы, спустившіе плотныя шторы
Въ комильфотной душонкѣ своей;
Вы, познавшіе сущность комфорта,—
Въ томъ, чтобъ—жрать, отдохнуть и—опять!..
Вы, забывшіе Бога и чорта,—
— Чѣмъ растрогать васъ? Чѣмъ испугать?
Вы, живущіе въ липкомъ болотѣ,—
— Непонятенъ вамъ клекотъ орловъ!
— Если пѣть вамъ о солнцѣ—заснете!
— Если-жъ бить васъ—не хватитъ кнутовъ!

Вамъ отпущено въ дьявольской дозѣ,—
То, на чемъ вы должны возсѣдать!..
. . . .
Ваша миссія въ тепломъ навозѣ—
Скверно пахнуть, плодиться и спать!

Но придетъ человѣкъ—ростомъ съ цѣлый Монбланъ,
Человѣкъ импозантной фигуры,
И натянетъ, смѣясь, на пустой барабанъ
Ваши потныя толстыя шкуры.
Онъ раздвинетъ руками ночной небосводъ,
Пачку молній возьметъ на подмогу,
И на томъ барабанѣ зловѣще забьетъ
До разсвѣта—„Ночную тревогу“.

9. REQUIEM.

«Вчера въ Румянцевскомъ скверѣ отравились три дѣвушки въ возрастѣ отъ 15 до 17 лѣтъ...
Всѣ три—проститутки».
(*Изъ газетъ*).

Траурнымъ крепомъ, подъ звонъ погребальный,
Пѣсню мою обовью...
Ладаномъ мертвеннымъ Ангелъ Печальный
Вѣетъ на пѣсню мою...
Черный Рыцарь подъ черною маской
Вновь вонзилъ въ чье-то сердце копье...
. . . .
Это было бы призрачной сказкой,
Если-бъ жизнь не украла ее!..
— Жили-были три дѣвушки гдѣ-то,
Клиномъ узкимъ сошелся имъ свѣтъ...
Ахъ, не правда-ль, какъ старо все это?—
— Жили-были... и больше ихъ нѣтъ!..
— Почему?—Потому что все—глупо,
Потому что—кругомъ жуткій мракъ,
Потому что... тарелочка супа—
Стоитъ—гривенникъ, а не—пятакъ...

— Пусть побьютъ насъ каменьями шутокъ,
Пусть гогочутъ во всѣхъ кабакахъ,—
— Передъ трупами трехъ проститутокъ—
Падемъ на колѣни, въ слезахъ!..
Будемъ долго рыдать у гробницы,
Объ усопшихъ, не знавшихъ Весны...
Будемъ долго рыдать и молиться:
— Палачамъ, тоже, слезы даны!..

— Вы, увязшіе въ тинѣ сомнѣній—
Съ толстыхъ ногъ—до сѣдой головы,
— Эй, вы, шапки долой!—На колѣни!
— Слышите, вы?!
Траурнымъ крепомъ, подъ звонъ погребальный,
Пѣсню мою обовью...
Ладаномъ мертвеннымъ Ангелъ Печальный
Вѣетъ на пѣсню мою...

Павелъ Орѣшниковъ.

1 ГОРОДЪ СПИТЪ.

Городъ спитъ. Не буди его думы.
Онъ окованъ молчаніемъ крышъ.
И дома и деревья угрюмы...
И колеблется тѣнь, какъ камышъ...
Въ переулкѣ. Она и прохожій.
Подозрителенъ—собственный шагъ...

Далеко, къ небу, къ святымъ высотамъ,
Укрыться въ нѣжномъ сіяньи свѣта...
Какъ ширь бездонна, какъ хорошо тамъ,
Какимъ блаженствомъ лазурь согрѣта!
Земныя скорби душѣ незримы,
Блестятъ сапфиры, горятъ кораллы,
Слагаютъ гимны тамъ серафимы,
Безплотныхъ духовъ звучатъ хоралы.
Тамъ нѣтъ печали, земного плѣна,
Тамъ звѣздъ предвѣчныхъ горятъ зѣницы...
Раздайтесь шире темницы стѣны,
Хочу летѣть я свободной птицей!

Іона Востоковъ.

1. ЧЕТЫРЕ ПОЛЮСА.

(Эпитафія).

Противъ казенки сижу,
Справа участокъ виднѣется,
Сзади газетчикъ, гляжу,
Въ сумкѣ „Россія“ бѣлѣется,
Слѣва церковный трезвонъ,—
Ухо отъ боли какъ ежится!—
Кѣмъ-то вопросъ разрѣшенъ
Дальше какъ жизнь эта сложится:
Или казенку почту,
Или въ участокъ направлюся,
Или „Россію“ прочту,
Или же „мирно представлюся“...
Хмѣль да участокъ вотъ тутъ,
Звонъ да газета—уродина...
Какъ вѣдь меня стерегутъ
Крѣпко они, моя родина!..

2. ПРАВДА.

(Изъ цикла «Настроенія»).

Сижу одиноко въ пивнушкѣ,
Ѣмъ пятаго рака,
Идутъ за окномъ потаскушки
Раскрашены всяко:
Горятъ на ланитахъ ихъ маки
И рдѣютъ піоны,
И темны усталые зраки,
И темны шиньоны...
Напротивъ, въ окнѣ магазина,
Часы и цѣпочки,
И съ витяземъ соннымъ братина,
Браслеты—кружочки..
Сижу, сокрушаюсь о жизни
И думаю всяко:
Гдѣ Правда укрыта въ отчизнѣ?
Иль въ хвостикѣ рака?
Быть можетъ укрыта въ пивнушкѣ?
Быть можетъ въ піонѣ
У той, за окномъ, потаскушки
Быть можетъ въ шиньонѣ?
Быть можетъ и въ блескѣ игривомъ
Браслета иного?..
— Эй, служащій, кружечку съ пивомъ
Да рака... шестого!..

Григорій Шапиро.

1. ЖЕНЩИНѢ.

Я былъ тогда еще такъ солнечно-прекрасенъ,
Обвѣянъ чарами нетронутой любви.
Какъ утро юности, былъ взоръ мой чистъ и ясенъ
И дѣвственно безгрѣшны были сны мои...
Въ душѣ моей алѣлъ надеждъ огонь крылатый.
Я звалъ тебя: приди... молился по ночамъ...
Уйти тогда со мной довѣрчиво могла ты
Въ синѣющую даль, къ счастливымъ берегамъ ..
Но зовъ души моей остался безъ отвѣта,
Какъ слезы тихія молящихся рабовъ...
И жить остался я, любовью несогрѣтый,
Какъ хрупкіе цвѣты въ странѣ полярныхъ льдовъ...
Теперь-же не хочу любви твоей невѣрной:
Недолгій жизни путь я самъ одинъ пройду...
Я буду вспоминать въ заката часъ вечерній
Былые сны свои, грустя въ пустомъ саду...

2.

Катятся-катятся юные годы,
Въ бездну временъ ниспадаютъ лѣта.
Въ даль отлетаютъ надеждъ хороводы,—
Въ сердцѣ тревога, въ душѣ пустота...
Катятся-катятся быстрые годы,
Словно волна за разбитой волной...
Молча взираютъ небесные своды...
Берегъ окутанъ густой пеленой....
Кажется, кто-то смѣется надъ нами,
Алой мечтой зажигая сердца...
Кажется, кто-то крылатыми снами
Шутитъ жестоко и бьетъ безъ конца...

3. СМЕРТЬ.

Я—Ангелъ Смерти, безпощадно
Богами проклятый на-вѣкъ...
За что клянешь меня злорадно,
Изгнанникъ Рая, Человѣкъ?..
Не я-ли острою косою
Срѣзаю зрѣлыя поля,
Чтобъ снова сочною травою
Покрылась вешняя земля?..
Не я-ли старое срываю,
Былое хороню всегда,
Чтобъ вѣчно къ золотому Маю
Манили юные года?..
Не я-ль могилой всѣхъ равняю:
Рабовъ голодныхъ и господъ?..
Не я-ли Жизни облегчаю
Ея извѣчный вѣрный ходъ?..

4.

Я шелъ къ тебѣ. Ревѣла ночь.
Казалось, стонутъ звѣри...
Я шелъ къ тебѣ: хотѣлъ помочь,
Но ты замкнула двери...
И думалъ я: не можешь ты
Оставить жизнь темницы...
Забыть хотѣлъ твои черты,
Забыть черты блудницы...
Не вѣрилъ я, что ты сильна,
Что есть душа у падшей...
Вѣдь къ жизни не вернетъ весна,
Цвѣтникъ давно увядшій...
Когда потомъ на днѣ рѣки
Нашли твой трупъ ужасный—
Я понялъ глубь твоей тоски,
Печаль души прекрасной...
И понялъ я, зачѣмъ въ ту ночь
Замкнуты были двери...
Какъ я хотѣлъ тебѣ помочь,
Когда ревѣли звѣри!..

Д. Вайсфельдъ.

СОНѢ Ш—РЪ.

Дѣвушка—сказка! Приди—убаюкаю,
Дамъ упоеніе юной груди...
Сердце разбито тоской и разлукою—
Дѣвушка сказка, приди!
Часто я грежу ночами весенними,
Чутко внимая нѣмой тишинѣ:
Можетъ быть ты золотыми ступенями
Тихо крадешься ко мнѣ.
Трепетно жажду святого обмана я,
Свѣтлой улыбки и нѣжной любви.
Дѣвушка сказка! Приди—долгожданная—
Юность души оживи.

Павелъ Кокоринъ.

НА ПРИБРЕЖНОМЪ ПЕСКѢ.

Таютъ въ небѣ тучки голубыя
Подъ лучами солнца золотого
Я у моря солнцемъ залитаго
Рву фіалки ало-голубыя.
Я плету изъ нихъ вѣнокъ для милой;
Спитъ она на золотѣ прибрежномъ,
Видитъ сонъ, какъ съ поцѣлуемъ нѣжнымъ,
Коронуетъ голову ей милый.
Спи покойно, сердцу дорогая,
Сонъ тебя волшебный не обманетъ!
О, какъ радостно-счастливо взглянетъ
Мнѣ въ глаза безцѣнно-дорогая.

Василій Лезинъ.

У ОКНА.

Посвящается Нюточкѣ изъ сказокъ моей жизни.

Я въ даль глядѣлъ разочарованный;
Въ своихъ обманчивыхъ мечтахъ
Тамъ гаснулъ вечеръ, околдованный
Покоемъ призрачнымъ въ горахъ.
Онъ городокъ нашъ мглой окутывалъ
И вѣялъ призраками сна,
И въ небѣ нити звѣздъ распутывалъ,
А мнѣ грустилось у окна...
И, съ чуткой болью неразрывная,
Душа томилась... и ждала...
Тебя-ли, пѣсня заунывная?
Ее-ль, что пѣсню создала?..
Она, съ левкоями печальными,
Ушла—дитя—туда одна,
Гдѣ между домиками дальними
Ужъ встала темная стѣна...

Михаилъ Гартевельдъ.

1. ИСПЫТАНІЕ.

Прошелъ томительный мѣсяцъ,
Много холодныхъ дней,
И блѣдный, загадочный мѣсяцъ,
Горитъ надъ кельей моей.
Я усталъ, я усталъ, я не вѣрю,
Я хочу отреченность разбить,
Но я знаю, что я лицемѣрю,
Чтобы сумрачный путь позабыть,
Поднимаю усталыя руки,
И шепчу неувѣренно ложь,
И упорныя, жгучія муки,
Повергаютъ въ минутную дрожь...
И опять испытать и увѣрить,
Я иду на скорбномъ пути,
Я мгновенье умѣлъ лицемѣрить,
Чтобы дальше крестъ свой нести.
Дни текутъ, недѣля и мѣсяцъ.
Много терновыхъ дней
И одинъ скорбѣющій мѣсяцъ,
Горитъ надъ кельей моей.

2. ТАНЦОВЩИЦА.

Хіоское вино струею блѣдно-красной,
Струится по узорному столу,
Дождь лепестковъ измѣнчиво неясный,
Кропитъ колеблясь розовую мглу.
На ложахъ пестрою толпою опьяненной,
Спятъ гордые патриціи кругомъ,
А на помостѣ тѣломъ обнаженнымъ,
Бѣлѣетъ женщина съ испуганнымъ лицомъ.
Подкрасивъ губы огненнымъ карминомъ,
И брови черною искристою сурьмой,
Ты ослѣпительныя, жгучія картины,
Бросала передъ пьяною толпой.
Тебя влекли оплаченнымъ позоромъ,
Застывшіе сердца мгновенно оживить,
И пьянымъ, дерзкимъ, ядовитымъ взоромъ,
Тебя нагую злобно оскорбить.
И пиръ прошелъ, патриціи уснули,
Ты отдалась мучительнымъ часамъ,
Но всталъ одинъ, глаза его блеснули,
И онъ припалъ, какъ рабъ, къ твоимъ ногамъ.
Лишь онъ одинъ, средь пьяныхъ вакханалій,
Презрѣвъ танцовщицы клейменную мечту,
Увидѣлъ предъ собою въ пьяномъ залѣ,
Въ позорѣ, строгую, нѣмую красоту.

3. ШУТЪ.

Спятъ липы въ плащахъ серебристаго, лунного свѣта,
Застылъ королевскій, немѣющій, сумрачный паркъ,
И въ темныхъ аллеяхъ бѣлѣютъ, грустятъ безотвѣтно,
Забытые боги и блѣдности мраморныхъ аркъ.
На свѣтлой площадкѣ, гдѣ чисто пруды серебрятся,
Гдѣ легкіе хмели колоны ползучіе вьютъ,
Сидитъ молчаливо, умѣющій громко смѣяться,
Весь сморщенный, сгорбленный, жалкій, маленькій шутъ.
Онъ тихо сидитъ, не звеня при лунѣ бубенцами,
И смотритъ упорно, какъ блѣдно сребрятся пруды,
И ловитъ въ ночной тишинѣ, голубыми глазами,
Неясные отсвѣты блѣдной, полночной звѣзды.
Не смѣйтесь однако надъ бѣднымъ шутомъ королевскимъ,
Вы много смѣялись, шутили надъ бѣднымъ шутомъ,
Онъ въ мірѣ живетъ, отграниченнымъ жребіемъ дѣтскимъ,
И смѣхъ ядовитой насмѣшки ему не знакомъ,
Не счастье-ль слѣдить, когда все въ тишинѣ засыпаетъ,
И мѣрно сребрятся въ сіяніи лунномъ пруды,
Какъ тихо надъ паркомъ застывшимъ все таетъ и таетъ,
Сіянье далекой, холодной, полночной звѣзды.

Князь Паолло Трубецкой

4. ЧИТАЮЩІЙ ВЪ ЗВѢЗДАХЪ.

Твой видъ такъ загадочно простъ,
Ты живешь въ нерасторгнутомъ снѣ,
А въ глазахъ твоихъ отсвѣты звѣздъ,
Въ голубой, ночной вышинѣ
Ты надъ станами знаній людскихъ,
Поднималъ торжествующій стягъ,
Но отъ хоровъ страданій земныхъ,
Уходилъ въ несвѣтлѣющій мракъ.
Ты исчислилъ паденье и ложь,
И холодный восторгъ красоты,
И судьбы мимолетная дрожь,
Не пронзала нѣмые черты.
И ты былъ такъ загадочно—простъ,
Шелъ путемъ озареннаго сна,
А въ глазахъ твоихъ отсвѣты звѣздъ,
Освѣщали бездонность до дна.

5. ВИДѢНІЕ. (Свободный стихъ).

Я видѣлъ трехъ странныхъ юношей во снѣ,
Первый съ лицомъ золотистымъ, какъ пушокъ персика,
Въ вѣнкѣ изъ расцвѣтающихъ и умирающихъ розъ.
Въ глазахъ его свѣтилась вѣчность,
И я спросилъ тихо.—„Юноша кто ты?"
И отвѣчалъ онъ:—„Я смерть, ты зналъ меня".
Второй былъ высокъ и чувственно красивъ,
Съ груди его кровь сбѣгала струями,
И кровавыя розы умирали въ его рукахъ.
Въ глазахъ его свѣтилась жестокость,
И я спросилъ испуганно:—„Юноша кто—ты?"
И отвѣтилъ онъ:—„Я любовь, ты зналъ меня".
А третій былъ молодъ, но старъ душой,
Онъ обрывалъ рукой завядшія розы,
И былъ олицетвореніемъ коварства и злобъ.
Въ глазахъ его темнѣла даль убѣгающихъ улицъ,
И я спросилъ жалѣя:—„Юноша кто—ты?"
И отвѣтилъ онъ:—„Я жизнь, ты зналъ меня",
И закрылъ скорбно лицо рукой.

6. ЭРИКЪ (Баллада).

Гдѣ мраченъ извилистый берегъ,
Гдѣ шумно ярится волна,
Спитъ викингъ, довѣрчивый Эрикъ,
Въ оковахъ волшебнаго сна
Могучій, какъ горные лавы,
Красивый, какъ горный орелъ,
Онъ выросъ питомцемъ славы,
И войны побѣдныя велъ.
Три норны феи сѣдыя,
Ему предрекли торжество,
И помыслы темные, злые,
Склоняли къ подножью его.
И легкіе, снѣжные хлопья,
Пути не скрывали ему,
И вражія, острыя копья,
Минуя вонзалися въ тьму.
Но злобные, водные духи,
Рѣшили его погубить,
И сонные яды, старухи,
Колдуньи сумѣли сварить.
Гдѣ мраченъ извилистый берегъ,
Гдѣ шумно ярится волна,
Тамъ викингъ, довѣрчивый Эрикъ,
Испилъ золотого вина.
И злобные, водные духи,
Цѣпями его оплели,
И злыя колдуньи старухи,
Навѣки его закляли.

А. Карасевичъ.

ФЕЯ.

Не бросай меня добрая фея!
У меня погости и побудь,
Чтобы стало на сердцѣ свѣтлѣе,
Чтобъ вздохнула усталая грудь.
Мой подвалъ уберешь ты цвѣтами;
У тебя много розъ... орхидей
И враждуя съ ночными тѣнями
Ты зажжешь милліоны огней.
Ты разскажешь мнѣ дивныя сказки,
Ты споешь пѣснь родимыхъ лѣсовъ;
Подъ твоимъ обаяніемъ ласки
Я уйду въ царство радостныхъ сновъ.

К. Одинцовъ.

НОЧЬЮ.

Бѣлый мѣсяцъ синей сталью
На струяхъ рѣки дрожитъ,
Какъ серебрянной вуалью
Молчаливый міръ накрытъ.
Затаясь въ густыя тѣни,
Спятъ могильной тишиной
Пятна вымершихъ селеній
Въ свѣтломъ кругѣ подъ луной.
Синій сумракъ пахнетъ рожью,
Никнетъ влажная трава,
Гдѣ-то льется мелкой дрожью
Листьевъ смутная молва.
Ночь какъ призракъ, надо мною. .
И о чемъ она молчитъ?.
Обступила тишиною—
Ничего не говоритъ.
Свѣтитъ мѣсяцъ синей сталью
И съ хрустальной вышины
Сѣетъ бѣлою печалью
Сквозь серебрянные сны.

Алексѣй Масаиновъ.

1. ПѢСЕНКА О ЛИЗЕТТѢ.

Во дни зимы и лѣта,
Свѣтла и весела,
Невинная Лизетта
Играла и цвѣла.
Напрасно строить куры
Старались ей амуры—
Нѣтъ, нѣтъ, строгая Лизокъ,
Глядя въ шкафы и книжки,
Амуру-шалунишкѣ
Пришила язычекъ!
Ахъ! Ахъ! Томы и газеты,
Ахъ! Ахъ! Реторты и вѣсы,
Ахъ! Ахъ! Видны у Лизетты,

Видны у Лизетты въ вечерніе часы.
Въ ученой обстановкѣ,
Блюдущей этикетъ,
Пришлось моей плутовкѣ
Пропрыгать двадцать лѣтъ,
Но стукнулъ двадцать первый

И, посланный Минервой,—
Нѣтъ, нѣтъ, строгая Лизокъ,—
Признайся-ка заранѣ
Кто съ Лизой на диванѣ
Проводитъ вечерокъ?!
Ахъ! Ахъ! Шпоры, эполеты,
Ахъ! Ахъ! Рейтузы и усы
Ахъ! Ахъ! Видны у Лизетты,
Видны у Лизетты въ вечерніе часы!

Отдавшись тайнымъ чарамъ
Лизокъ ушла—да, да!—
Отпробовать съ гусаромъ
Запретнаго плода!
Въ дни пылкой диктатуры,
Крылатые амуры—
Ахъ! Ахъ! строгая Лизокъ,
Зовутъ за пылъ любовный
Невинную... виновной
И кажутъ язычекъ.
Ахъ! Ахъ! Томы и газеты!
Ахъ! Ахъ! Реторты и вѣсы!
Ахъ! Ахъ! Гдѣ вы у Лизетты,
Гдѣ вы у Лизетты въ вечерніе часы!

2. ЗИНА, КУЗИНА и БУЗИНА.

Влюбленный какъ поручикъ,
Отважный какъ лазутчикъ,
Найдя сердечный ключикъ,
Веселою весной.
Я съ Зиной три недѣли
Летѣлъ къ завѣтной цѣли,
Тамъ, тамъ, гдѣ пѣсни пѣли
Дрозды надъ бузиной.

Но, ахъ, но, ахъ мнѣ Зина!
Коварная кузина
Сказала:„—Образина!
„Такъ вотъ онъ гдѣ, да, ну?!"
И ночью, съ легкимъ скрипомъ
И дворникомъ Антипомъ,
Шипя змѣинымъ шипомъ,
Срубила бузину!!
Теперь напрасно трели,

Тамъ, тамъ, гдѣ мы сидѣли,
Дрозды несутъ безъ цѣли
Веселою весной.—
Унылая картина:
Ушла сердито Зина,
А гнусная кузина
Печь топитъ бузиной!

Кольцовскій.

ТИТАНЫ.

Мы люди и звѣри! Мы люди и боги!
Не знаемъ предѣловъ, не терпимъ границъ
Мы трубимъ и свищемъ и трубы и въ роги
И рушатся скалы и падаютъ ницъ.
И тайну за тайной, что скалы скрывали
Что боги хранили, чтобъ мучить людей
По трупамъ шагая и мы узнавали
Довольно позорить боговъ сыновей!
Намъ землю охотно отдали всѣ боги
Вражду и болѣзни посѣявши въ ней
А сами на небѣ убрали чертоги,
Чтобъ тамъ издѣваться надъ нами сильнѣй.
Мы люди и боги! Мы призраки, тѣни...
Не страшно намъ небо, ненужна земля.
Столѣтье столѣтій куемъ мы ступени,—
По нимъ мы взберемся и, Зевсъ, до тебя.
Ты помнишь титановъ! Мы тѣ же титаны,—
Но силою злобы мы ихъ превзошли...
Мы требуемъ мщенья за боли, за раны,
За годы неволи, что даромъ ушли
Мы люди и звѣри! Мы ангелы, черти!
Мы крайности крайностей носимъ въ себѣ.
Плюемъ мы въ лицо и уродливой смерти!
И грозной богинѣ,—всесильной судьбѣ.

Ада Чумаченко.

1. ГОРОДСКІЯ ТЕРЦИНЫ.

Къ воздушной кисеѣ бѣлѣющихъ гардинъ.
Прильнувъ глядятъ въ окно печальныя герани
И чахлый городской, поблекшій бальзаминъ.
Глядятъ на улицу въ желтѣющемъ туманѣ
На призраки домовъ, на мокрый тротуаръ.
На пятна фонарей въ нарядномъ ресторанѣ,
Гдѣ—красная звѣзда—огромный яркій шаръ,
Бросаетъ острый свѣтъ на пестрыя афиши...
А за угломъ—вдали; уходитъ въ ночь бульваръ...
Тамъ ярче звѣздъ огни, дома темнѣй и ниже,
Средь шепчущихъ вѣтвей и дрогнущихъ кустовъ...
Тамъ,—сердцу будетъ вновь и радостнѣй, и тише.
Туда,—изъ комнаты, отъ лепета часовъ,
Отъ книги, брошенной небрежно на диванѣ,
Отъ шума улицы, отъ вянущихъ цвѣтовъ
Мнѣ хочется уйти и скрыться тамъ,—въ туманѣ..

2.

Отзвенѣли звонкія капели
И протяжнымъ крикомъ журавлей
Зазвенѣлъ прозрачный синій воздухъ
Надъ просторомъ дышащихъ полей...
Слышитъ, слышитъ сердце зовъ весенній
И поетъ въ душѣ твоя свирѣль,
Пастушонокъ радостный и юный,
Полевой, смѣющійся апрѣль.

3. ИЗЪ „СКАЗКИ".

Я люблю прикосновеніе дѣтскихъ губъ и дѣтскихъ рукъ.
Смѣха, радостнаго смѣха серебристый, ясный звукъ,
И дрожащія росинки быстрыхъ, быстрыхъ дѣтскихъ слезъ,
И развѣянныя въ бѣгѣ пряди мягкія волосъ
Я люблю, уставъ отъ жизни, отъ тяжелаго пути
Отдохнуть съ ребенкомъ рядомъ; въ сказку вмѣстѣ съ нимъ уйти.

Лидія Лѣсная.

1. КРАСНАЯ НОЧЬ.

Мы сидѣли въ углу, у стола, въ красномъ залѣ,
Въ странномъ залѣ, гдѣ танго танцуютъ, гдѣ гротъ.
Я не помню того, что вы тихо сказали,
Но я помню, что былъ какъ граната вашъ ротъ:
Помню холодъ руки на горячемъ затылкѣ,
Голосъ—медъ золотой!—онъ напѣвно ласкалъ,
И косую зеленую надпись бутылки,
Изъ которой мы пили нашъ первый бокалъ.

Я забуду—и скоро—сонъ краснаго зала:
Темный гротъ, звуки танго—все время сотретъ.
Но на день, но на часъ я узнала—узнала
Голосъ—медъ золотой и гранатовый ротъ.

2.

Бываетъ часто такъ, что маленькое „да“
Звучитъ холоднымъ словомъ разставанья.
Но какъ мнѣ нравится услышать иногда
Въ едва замѣтномъ „нѣтъ“—полупризнанье.
Бываютъ часто незначительны слова,
Но ласковы зовущія улыбки—
И кружится въ истомѣ голова
Какъ будто отъ напѣва тихой скрипки.
Бываютъ странные волнующіе сны
И нѣжные разсвѣты пробужденья—
Какъ бѣлой ночи сѣверной весны
Подъ розовымъ закатомъ зарожденье.

Эммануилъ Германъ.

1. СИЛУЭТЪ.

Весь нарядъ крикливо-пестрый,
Звучный голосъ, дерзкій взоръ,
Черный волосъ, профиль острый,
Нестѣсненный разговоръ.
Стройность стана, стройность ножки,
Смѣхъ нахальный и живой—
Смѣхъ блудницы, поступь кошки,
Рѣзвость лани полевой.
Прочь—боюсь! не эти-ль чары
Сѣти рыцарямъ плели,
Къ замку сказочной Тамары
Сонныхъ путниковъ влекли?

2. БИБЛЕЙСКОЕ.

Вашъ грѣхъ не новъ ужъ. Я досель
Молчалъ и ждалъ. Но громъ мой грянетъ!
Отъ ложа временщикъ отпрянетъ
И задрожитъ Іезавель.
И смолкнетъ говоръ на пирахъ,
Въ лицо друзей не взглянутъ други;
И ницъ падутъ льстецы и слуги,
Дѣля господъ безумный страхъ.

Харламъ Роба.

1. ГРАДОБѢСЪ.

Тамъ съ ельникомъ олешникъ слитъ;
Шуршитъ какъ змѣй въ кустахъ рѣка,
И плачетъ нива ложняка.
Съ плывучихъ островковъ небесъ
Сверкнувъ глазами, Градобѣсъ
Надъ кругомъ нивъ грозой крылитъ
И грозно въ грудь крыломъ ударитъ,
И страхъ взойдетъ... Зной землю паритъ...
Ольху то въ жаръ, то въ дрожь ударитъ...
Надъ гнѣздьемъ воронье крылитъ...
И гнѣвно голымъ сбросить бѣсъ
Святыя ризы съ плечъ небесъ.
И въ мукахъ съ нивой ложняка
Сольется бѣдъ его рѣка...
Тамъ съ ельникомъ олешникъ слитъ.

2. ТЕМНЯКИ.

Осеннія тучи—глубокіе темняки
Темнятся по лику великому
Согбеннаго Неба
Печалью земли превеликою.
Тамъ слезы горючія, жгучія
Льютъ люди—осины скрипучія
По селамъ безъ хлѣба.
Осеннія тучи—могильные темняки
Стемнили сіянья манящія
Горящаго Неба,—
Дремали хлѣба радость мнящія...
Какъ палъ градобой, темь накатная—
Слиняла краса благодатная
Несжатаго хлѣба.

3. НА ВОЛОКУ.

Стонетъ снѣгъ... Однимъ-одна
Бьется кляча безъ упрека
Съ возомъ—кладью издалека.
Буркнетъ-уркнетъ старина;
Тишь застонетъ... даль темна;
Рѣзки звѣзды къ зовамъ ока!
Рѣжетъ вѣтеръ... ночь глубока,
Спитъ глухая сторона!

4. ЕЯ МЯТЕЛЬ.

Безумный бой въ пылу пожара
Проклятья стелетъ по землѣ.
Сто-сотъ свиней подъ свистъ удара
Реветъ и роется во мглѣ.
Поднялась вьюга. Вѣтеръ свищетъ
И умоляетъ и рычитъ,
То тать лихой спасенья ищетъ,
То лютый волкъ по полю рыщетъ
И дуетъ въ снѣгъ и въ дали мчитъ...
И лѣшій—лѣсъ и поле—горе...
Неужли къ небу поднялось,
Разящимъ градомъ разлилось
Въ грозу, рокочущее море!
Застылъ погостъ, пропало поле,
Дорога не лоснится болѣ—
Все алчной бурей обнялось,
И горькимъ плачемъ, дикимъ ревомъ
До небныхъ скиній потряслось...
Тамъ воютъ дѣвы своимъ зѣвомъ,
Познавши жизнь съ соблазнымъ древомъ,
И брызжутъ пѣной сатаны,
Кипящей, бѣшенной слюны...
Гдѣ верхъ? Гдѣ низъ? все стонетъ, плачетъ...
Все вертится, летаетъ, скачетъ...
И смерть усмѣшкой роковой
Благословляетъ дробный бѣгъ
Отпѣтой тысячи калѣкъ
И машетъ крышкой гробовой.

5. ГУЛЕНЬКИ-ГУЛИ.

Весеннія сумерки синія
Плетутъ паутины—сладкіе плѣны земли.
Внемли:
Подъ сѣнью наличниковъ кровли
Гулиньки-гули ликуютъ,
Цѣпь сплетаютъ любви
Въ огненной крови... Лови
Звукъ поцѣлуевъ въ весеннія сумерки синія!

Г. Шумская.

КУРИЛЬЩИКЪ ОПІУМА.

Онъ часто опіумъ курилъ
И потому былъ слабъ и хилъ,
Но передъ гордою толпой,
Онъ человѣкъ былъ не простой.
О, онъ богачъ, онъ царь, онъ богъ!
И какъ на видъ онъ не убогъ,
Но вѣдь для воспаленныхъ глазъ
Завѣса тайнаго не разъ
Уже рвалась.. И онъ узрѣлъ
Земного счастія предѣлъ.
И райское блаженство зналъ...
Онъ сладость грезы испыталъ,
Онъ былъ на небѣ, былъ въ раю,
И долю тяжкую свою,
На царскій, если-бъ даже могъ,
Не промѣнялъ-бы онъ чертогъ.
И смерть нисколько не страшна;
Лишь счастіе сулитъ она.
Она разсѣетъ рабства гнетъ,
Она на вѣки унесетъ
Въ міръ грезъ, свободный духъ его..
И не отниметъ ничего.

С. Гловацкій.

Когда въ огнѣ зари багровомъ,
Угаснетъ тихо ясный день,
И ночи трепетная тѣнь
Одѣнетъ бархатнымъ покровомъ
Въ объятьяхъ сна, умолкшій міръ;
Когда бѣгущій вдаль, зефиръ
Съ нежданной ласкою привѣта
Коснется дремлющихъ листковъ
И тихій шелестъ межъ деревъ,
Какъ лепетъ робкаго отвѣта,
Какъ грусти вздохъ промчится вслѣдъ;
Когда луны печальной свѣтъ,
Съ небесъ далекихъ упадая,
Алмазомъ чистымъ засверкаетъ
Въ цвѣтахъ, увлажненныхъ росой,
И говоритъ звѣзда съ звѣздой
И чутко имъ земля внимаетъ,—
Въ тотъ мирный часъ звучитъ стройнѣй
Для васъ напѣвъ любви моей;
Тогда легко и торопливо
Мои мечты стремятся къ вамъ,
Какъ волны моря въ часъ прилива
Къ недостижимымъ берегамъ.

Шиловъ.

ОЛЕОГРАФІЯ.
(Испанскій жанръ).

Склонились деревья надъ влюбленной парой...
Она сидитъ, багровѣя румянцемъ,
А онъ, какъ должно страстнымъ испанцамъ,
Стоитъ на колѣняхъ въ рукахъ съ гитарой.
Солнце по скаламъ свой хвостъ волочитъ
И вылѣзъ мѣсяцъ, улыбаясь глупо;
Лицо у него совсѣмъ какъ у трупа
И видно что дальше онъ лѣзть не хочетъ.
Коричневый купидонъ изъ-за забора
Цѣлится въ гитару стрѣлой любовной.
Внизу же написано четко и ровно:
„Печатано въ 7 красокъ. „Любовь Тореадора“.

Н. А. Андреевъ.

Юрій Анненковъ.

Посв. Тат.

1.
У меня на стѣнѣ Боттичелли,
У меня за окномъ качели,
У меня голубыя обои,
У меня на окнѣ левкои.
У забора колышется вѣтка..
Я цѣлую тебя такъ рѣдко!
Твои вѣки дрожатъ изъ-подъ фетра,
И трепещутъ левкои отъ вѣтра.
Я тебя ожидаю въ тревогѣ,—
Твои брови бываютъ строги...
Ахъ!
Ты приходишь въ кои-то вѣки,
И дрожатъ—то левкои, то вѣки!..

У меня на стѣнѣ Боттичелли,
У меня за окномъ качели,
У меня голубыя обои,
У меня на окнѣ левкои...

2. ВЕЧЕРОМЪ.

Той же

Оставивъ тонкія печали
У тонкой рюмки куантро
Твои глаза мнѣ обѣщали
Вернуться съ утреннимъ метро.
— „Мы на углу другъ друга встрѣтимъ"!..
Но ты раздумала придти,—
Я ждалъ тебя и въ два и въ третьемъ,
До четырехъ и до пяти!
Потомъ ушелъ къ твоимъ подругамъ,
Тянулъ въ раздумьѣ „марсала"...
И семицвѣтнымъ полукругомъ
Въ кафе горѣли зеркала.

3. ПРЕДЛОЖЕНІЕ.

Той-же

Одѣваю черный фракъ и бѣлыя перчатки
И еще астру прикрѣпляю къ петлицѣ.
Мои фразы будутъ ясны и кратки,
Какъ аллеи въ предмѣстьяхъ Ниццы,—
И сладки.
Подобный живописцу Францу Штуку
Отточенную мысль неумѣло крашу—
Желая превзойти любовную науку,
Осмѣлюсь просить... сердце Ваше
И руку.

4. RUE DE LA GAITE.

Мои глаза всегда остры, какъ совьи,—
Я проникаю весь бульваръ..
Вчера я близко видѣлъ капли крови
И въ черныхъ брызгахъ сѣрый тротуаръ
Я вытеръ ножъ моимъ крылатымъ шарфомъ,
Вдохнулъ бензинъ и пламенный просторъ,—
И, въ хорѣ звонкихъ спицъ, подобныхъ арфамъ,
Меня умчалъ невстрѣченный моторъ!
Вчера—прошло, какъ утомленный воинъ.
Я жду въ толпѣ возлюбленный беретъ...
Сегодня будетъ мой восторгъ удвоенъ
Звенящимъ блескомъ золотыхъ монетъ!
И ты пришла. Подъ эхо контрабаса
Я въ первый разъ тебя поцѣловалъ..
Мы пили грогъ въ тавернѣ Montparnass'a,
Въ моей душѣ метался карнавалъ.

Петръ Степановъ.

1.

Эту злую, бабью удаль,
Этотъ вихрь изъ лентъ и бусъ—
Пьяный Русью, позабуду-ль,
Или снова къ нимъ вернусь?..
Помню, помню взлеты тройки
И твой красный сарафанъ...
Въ снѣжномъ полѣ выли волки;
Въ снѣжномъ полѣ былъ туманъ...
Пронеслось все, все далеко...
Тройку не вернешь назадъ!..
Только бусы одиноко,
Какъ бубенчики звенятъ.
Только ленты стали краше,
Словно осенью цвѣты...
Въ лентахъ, въ бусахъ счастье наше
Пронеслось, а съ нимъ и... ты!..

2. ОБЫДЕННОСТЬ.

Постучишься, спросишь: „можно"?
Дверь откроешь и войдешь,
Взглянешь быстро и тревожно,
По глазамъ узнаешь ложь.
И затянемъ чинно, плоско
Нашъ ненужный разговоръ.
Задымится папироска,
Чтобы скрыть лицо и взоръ.
Замолчимъ неловко, глупо—
Все разсказано давно...
И церковный, красный куполъ
Бросить отблескъ на окно.
Задымишь опять безцѣльно,
Выжмешь пару скучныхъ фразъ
И журналъ еженедѣльный
Пересмотришь въ сотый разъ.
Скажешь: нехотя „прощайте"...
— „До свиданья"... я скажу,
Брошу кисло: „навѣщайте"!
И до двери провожу.

2. ЛѢТОМЪ.

Ни облачка—въ далекомъ небѣ.
Все льется, льется желтый блескъ.
А въ полѣ, въ порыжѣвшемъ хлѣбѣ
Кузнечиковъ короткій трескъ.
Маячатъ дали желтизною.
Рѣчная глубь—темна, густа...
И стала тощею отъ зноя
Тѣнь придорожнаго куста.
Стрижи проворные беззвучно
Ныряютъ въ золотистый жаръ.
Да тонко-тонко и докучно
Надъ ухомъ плачется комаръ.

3. БОЛЬНОЙ.

Среди больничныхъ мирныхъ коекъ,
Гдѣ каждый утомленъ и тихъ,—
Мнѣ снится бѣгъ безумныхъ троекъ
И пѣсни прадѣдовъ моихъ.
Я изнемогъ. Я словно птица,
Упавшая на камни вдругъ...
А тройка бѣшенная мчится
И холодѣетъ лунный кругъ.
Я знаю—не вернуть былого,
Что такъ влекло моихъ отцовъ,
Но забываясь, слышу снова—
Разгульный хохотъ бубенцовъ.
За сарафаномъ сарафаны
Мелькаютъ въ пляскѣ огневой.
И оснѣженныя поляны,
Порой, тревожитъ волчій вой.
Вотъ кто-то красной лентой машетъ
И бусами стучитъ въ окно...
Опять зоветъ цыганка Маша!..
Куда? Зачѣмъ? Не все-ль равно!..
Летитъ въ ночи морозной, тройка...
Но отчего такъ душенъ путь?!.
И въ страхѣ падаю на койку,
Какъ птица раненая въ грудь...

4. КОЛЫБЕЛЬНАЯ.

Прихожу я въ бѣломъ саванѣ
И, баюкая, пою,—

Тѣмъ кто ищетъ тихой гавани,
Колыбельную мою.
Я—съ солдатами, съ матросами;
Я покой несу для всѣхъ...
Кто томится надъ вопросами,
Кто забылъ утѣшный смѣхъ,—
Съ опечаленными взорами
Обращаются ко мнѣ...
Всѣ уйдутъ, погаснутъ зорями,
Обрѣтутъ покой во снѣ.
Безпечальный и безрадостный,
Долгій сонъ ко всѣмъ придетъ...
Спи, мой милый, спи, мой сладостный,—
Наступилъ и твой чередъ...
Ахъ, сама давно устала я—
День и ночь косить должна..
Струйка крови темно-алая
На губахъ твоихъ видна...
Истомленный неразгаданнымъ,
Ты вернулся въ мой пріютъ.
Спи-же, спи—овѣютъ ладаномъ,
Память вѣчную споютъ.
Съ исцѣляющими ядами
Прихожу къ усталымъ я,
Успокаиваю взглядами;
Странна пѣсенка моя:
Зеленѣла гдѣ-то вѣточка.
Кто-то вѣточку сломалъ...
Струйка крови словно ленточка,
На щекахъ румянецъ алъ...
Корабли вернутся въ гавани;
Будутъ всѣ въ родномъ краю...
Я пришла. Я въ бѣломъ саванѣ.
Баю-баюшки-баю...

Николай Носарь.

ЧАСТУШКИ.

1. ВАНЯ—ГЛАДКАЯ ГОЛОВУШКА.

У Иванушки головушка гладка,
Гладко, гладко призачесанная.
Зачесала Ваню матушка,
Завила его божатушка.
Завивала, приговаривала:
„Пусть полюбятъ Ваню дѣвушки,
Пусть голубятъ Ваню красныя,—
У Иванушки головушка гладка!"

2. КУЗЯ ИЗЪ ДЕРЕВНИ ДУЙ.

Я сегодня въ Дуй деревнѣ была,
У миленка домикъ выглядѣла.
Домикъ Кузи на горѣ—на высотѣ,
Государи! На какой, на красотѣ!
Дворъ то полый—вся скотинка на дворѣ:
Буро-пѣгій жеребецъ на той порѣ,
Двадцатипятирублевая овца...
Полюблю теперь я Кузю молодца!

3. ПѢСНЯ ПРО ЖИТЕЛЕЙ ДЕРЕВНИ КОБЕЛИ.

Не форсите кобелята безъ ума!
Ваши сгнили недостроены дома.
Вы по задворкамъ живете въ склепъ-углахъ.
Вмѣсто хлѣба—тараканы на столахъ.
Вы богаты: гдѣ ни ступишь—золотъ-кладъ...
На кафтанахъ по сто семьдесятъ заплатъ...
За рѣкою стали курицы роптать:
Не умѣютъ кобелята работать...

ТАИНЫЙ ПУТЬ.

Занесло пути-дороженьки снѣжкомъ.
Мнѣ нельзя итти къ сударушкѣ пѣшкомъ.
На лошадкѣ—заругаютъ домосѣдки,
По слѣдамъ саней узнаютъ всѣ сосѣдки.
Подожду я блѣдной зорьки. Вечеркомъ
Просинѣю къ серебринкѣ соколкомъ.
Я закончу тайный путь ея свѣтелкой,
И слѣдочки замететъ метель метелкой.

5. ЕЩЕ ВЕРБУШКА ЦВѢТЕТЪ.

Не одну я зиму къ Надѣ снѣгъ мѣсилъ:
Два кафтана голубые износилъ,
Шубу новую по буднямъ исфорсилъ,
Трои валянки съ калошами стопталъ..
Но хорошей нѣжной Нади не досталъ.
Я сказалъ:—Довольно вербушкой цвѣсти—
Лучше къ молодцу лебедушкой зайти!..
— Я нейду, нейду! Не думала итти!

6. СОНЕЧКА СТРОЦКАЯ ОТКАЗАЛА.

Парень я молодъ, парень хорошъ.
Строю я избы, сѣю я рожь...
Вотъ я несчастливъ долей сиротской:
Вылилъ я душу Сонечкѣ Строцкой.
„Въ замужъ мнѣ рано!"—вмигъ прошептала.
Сердце упало, холодно стало...
Парень я молодъ, силы кипятъ...
Строю я счастье, строю опять!

7. КАТЮША УТѢШАЕТЪ.

Породила меня мама на бѣду.
Полюбилъ я сорокъ дѣвокъ на году,
Сорокъ первую—Катюшеньку,
Полюбилъ Катюшу-душеньку.
Мнѣ Катюшенька да плакать не велитъ.
Какъ мнѣ молодцу не плакать, слезъ не лить—
Парня дѣвицы не любятъ, не глядятъ,
Раскрасавицы платками не дарятъ,
Задушевныхъ, тайныхъ словъ не говорятъ!..

8. ЗЛОЕ ГОРЮШКО.

Даша дѣвица лукавая была:
Полну избу молодежи назвала,—
Тутъ его спихнули молодца съ крыльца...
Падалъ молодецъ... Заплакалъ, зарыдалъ.
Два словечушка онъ любушкѣ сказалъ:
„Выбрось, Дашенька, портянки, сапоги...
Я съ полуночи въ разбой хочу итти—
Убивать людей и грабить на пути".

9. ПОСЛѢДНІЙ ВЫХОДЪ.

Я послѣдній разъ по Холую иду.
Я иду, въ гармонь наигрываю,
Пѣсню модну выговариваю,
Маню милую выманиваю,
На крылечушко выкликиваю,
Два словечушка выпытываю!
— Что, разлукушка, не косишь на лугу?
— Полюбила—заболѣла, не могу!..

10. КРАСНЫЯ ЯГОДКИ.

Погуляйте вы, дѣвушки!
Погуляйте вы, красныя!
Неоднако взамужъ выйдется,
Неоднакой мужъ навяжется.
Еще старый, либо малый попадетъ,
Либо дерзкій, либо мерзкій мужъ найдетъ...
Еще старое—удушливое,
Молодое—недолюбливое!

11. ЗОЛОТО ВЪ МЫСЛЯХЪ.

Золото звонкое—дѣвка Аксинья!
Портитъ ее лишь сестренка ея,—
Кукишъ поставила бѣсъ-Афросинья!
Крендель дала мнѣ Аксинья моя...
Завтра явлюсь передъ нею съ часами.
Прихоть исполнилъ... Эхъ, счастье—любовь!
Сани съ покупками катятся сами,
Капаетъ золото зорьки на бровь!..

12. МАШИНА НЕВЗГОДА.

Сегодня праздникъ новый годъ—
Раздача счастья и невзгодъ.
Машу вычесала матушка,
Косы выплела божатушка
Изъ колечушка въ колечушко...
Маша вышла на крылечушко:
Невзгода въ самое лицо—
Уѣхалъ миленькій въ сельцо.

13. ВѢЖЛИВАЯ ХОЗЯЮШКА.

Заскочить было на пень высоко,
Поглядѣть было въ лѣсъ далеко.
Тамъ не заяцъ осинку грызетъ...
Мою милку нелегкій несетъ.
Какъ моя Улита ласковая
За волосье Тита таскивала!
Что хозяюшка вѣжливая
На свиньѣ къ обѣднѣ ѣзживала!

14. ДУМЫ БЕЗНАРЯДНИЦЫ.

Неужели мнѣ кумасника не смѣнятъ!
Неужели мнѣ съ уборкой не сошьютъ!
Неужели казачка не заведутъ!
Безъ тулупа добра-молодца не женятъ.
Безъ жакетки дѣвки взамужъ не возьмутъ.
Безъ атласника самой мнѣ тамъ не быть—
Безнарядницѣ семнадцать разъ измѣнятъ...
А для батюшки—лишь только съ хлѣба сбыть.

15. ЖИЗНЬ.

Такъ-сякъ я по утру встаю.
За обѣдомъ страшно очень устаю.
Послѣ отдыха на улицу гляжу.
За чаечкомъ трехъ часочковъ не сижу.
По вечорѣ музыканта найму—
Музыкантовой печали не пойму.
На рѣченку не ходила, не пойду.
Солдатенка не любила, не люблю.

16. ОЛОВЯННОЕ ГОРЕ.

Полюбила паренька изъ-за рѣки.
Отдала колечко-олово съ руки.
Отдала кольцо—раскаялась,
Въ ножки милому накланялась:
Ты отдай, отдай колечико назадъ,
Ненадолго—отцу-маткѣ показать...
— Пофоршу еще недолечка!..—
Мнѣ отвѣтилъ ясный дроличка.

17. НЕЛЬЗЯ ГОВОРИТЬ.

Мнѣ миленочекъ зажалъ уста—
Мои губы любитъ пить.
„Отпусти меня пожалуста—
Мнѣ пора коровъ доить...“
Не могу сказать—и рада же!
„Ну цѣлуй скорѣй! Вѣдь надо же
Масло таить, хлѣбы печь,
Щи варить, капусту сѣчь!..“

18. ВЕСНА-НАГУШКА.

Здравствуй, Проничка пригожій!
Не дивись на нашу прыть,
Отпусти скорѣй рогожи—
Надо къ Пасхѣ избы мыть;
Выставлять мы станемъ рамы,
Бѣлить печи... Приходи—
Натирать начнемъ съ утра мы—
Насъ нагушекъ погляди!

19. ГОЛУБИ ВОРКУЮТЪ.

— Сядемъ, крошка подъ окошко
На заваленку мою!
— Сядемъ, милый! Про лукошко
Хочешь я тебѣ спою?
— Спой, голубка въ черевичкахъ—
Птичка лучшая во птичкахъ!
— Милый мой, пригоженькій,
Въ лапоткахъ хорошенькихъ!..

Дебютъ Валентина Франчичъ.

1. БАЛЛАДА О ЧЕРНОМЪ МОНАХѢ.

Мнѣ снилось, что я испанецъ,
Что шляпа моя съ перомъ—
Среди веселыхъ пьяницъ
Сидѣлъ я за столомъ.
Звенѣли весело кубки.
Задорный шелъ разговоръ,
И взоры безъ уступки
Вонзалися во взоръ.
Но въ самый разгаръ веселья
Умолкъ вакханальный шумъ,
И каждый какъ съ похмелья
Сталъ блѣденъ и угрюмъ.
Но боль грядущей потери
Заныла во всѣхъ сердцахъ,
Когда открылись двери,
И къ намъ вошелъ монахъ.
Онъ сѣлъ за столъ безъ стѣсненья,
Онъ въ кубокъ вина налилъ
И, полонъ вдохновенья,
Свой тостъ провозгласилъ,
И, словно порвавши цѣпи,
Попойка ликуетъ вновь;
Слова звучатъ нелѣпѣй,
Огнемъ струится кровь
Вино, опьяняя, льется.

И слезъ непонятный страхъ,
И дьявольски смѣется
Загадочный монахъ.
Смѣется монахъ туманно.
Холоденъ спокойный смѣхъ,
Насмѣшливо и странно
Онъ созерцаетъ всѣхъ.
Смѣется, и веселится,
И кубкомъ стучитъ о столъ...
Но снова блѣдны лица,
И страхъ въ сердца вошелъ.
Раздался и смолкъ мятежный
Разбитыхъ бокаловъ звонъ,
Когда рукой небрежной,
Онъ сбросилъ капюшонъ.

2. ДИКАРЬ.

Я кару каждый день несу,
Твердя: „азъ, буки, вѣди“,
Но все-жъ дикарь—въ моемъ носу
Кольцо изъ красной мѣди.
Къ чему мнѣ пошлый грузъ наукъ,
Когда моя стихія—
Копье, стрѣла да гибкій лукъ,
Да степи голубыя.
Лети мой конь, гремя уздой,
Дави копытомъ травы,
И вѣтеръ—братъ свисти и пой
Мнѣ про величье славы.
Я грозный вождь всѣхъ деревень.
Дрожатъ мои сосѣди.
Но каждый день, ахъ каждый день
Твержу: „азъ, буки, вѣди“.

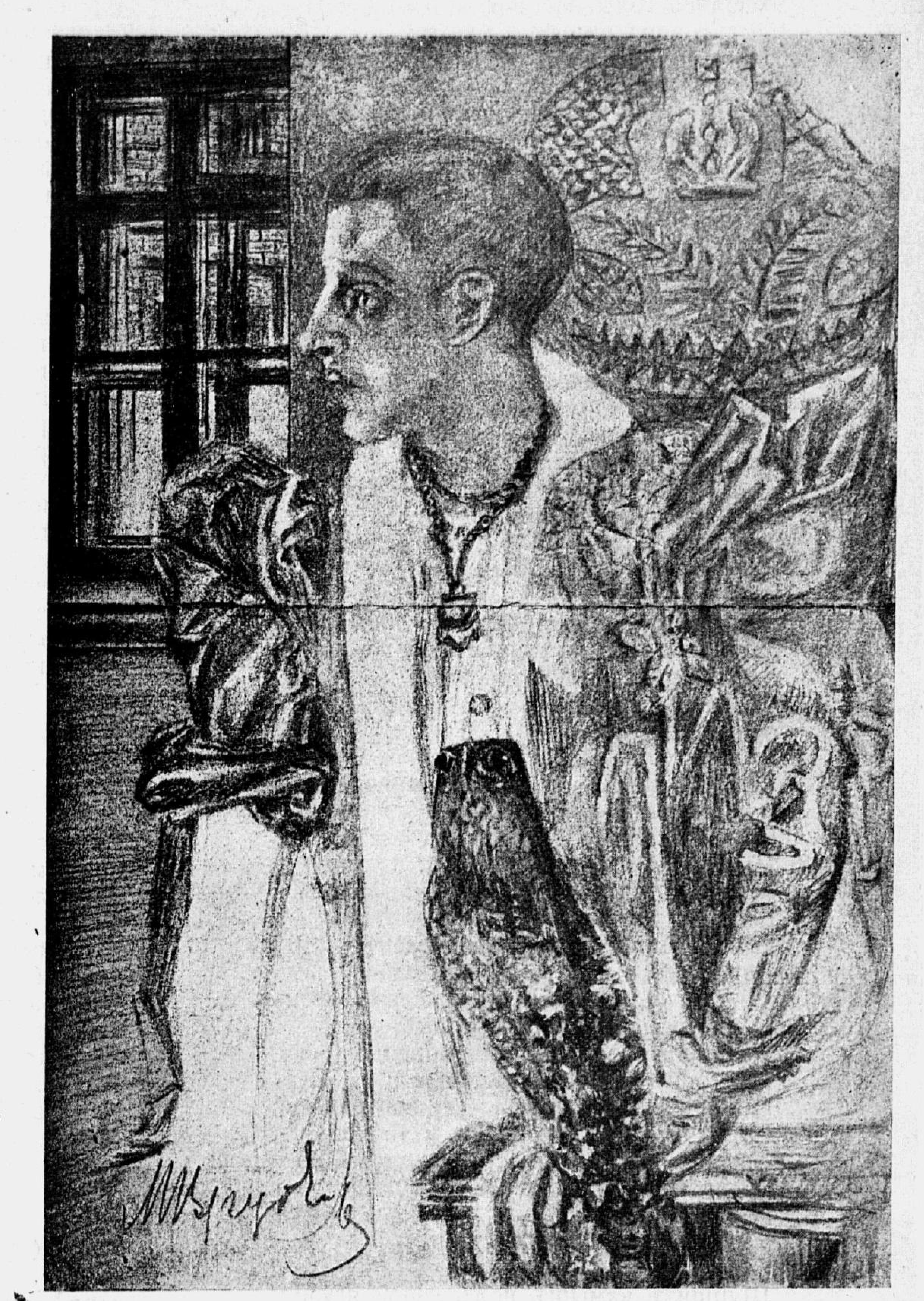
3. МОРЕХОДЫ.

Не играли пѣнистыя воды,
И кругомъ вечерній былъ покой
Въ часъ, когда на берегъ мореходы
Выходили шумною толпой.
Корабли на якоряхъ дремали
Въ тихой бухтѣ. Словно краткій сонъ
Огоньки въ пучинѣ возникали,
Озарить безсильны небосклонъ.
Черныхъ мачтъ печальные узоры
Отражалъ небесъ вечернихъ фонъ.
Пѣли звѣздъ загадочные взоры
О просторѣ четырехъ сторонъ.
Свѣтъ костровъ пугалъ ночныя тѣни—
Убѣгали тѣни отъ костровъ.
Моряки полны вечерней лѣни,
Говорили сказки у котловъ.
Все дышало тайной безгранично.
Было все безгласной красотой,
И слова звучали необычно
Въ тишинѣ надъ сонной водой.

4. ЧУМА.

По городамъ, гдѣ все въ смятеніи,
Опустошая ихъ дома,
Идетъ какъ ангелъ разрушенія
Подруга ужаса—чума.
Людскіе взгляды озабочены:
Насъ не помилуетъ она!
Прошла и окна заколочены,
И тишина и тишина.
Повсюду трупы почернѣвшіе..
Вотъ слышенъ псовъ голодный вой...

М. А. Врубель.



Они, на вѣкъ осиротѣвшіе,
Бредутъ по улицѣ пустой.
Въ закатный часъ,—печально-радостный
Не слышно пѣсенъ и рѣчей.
Умолкъ растаялъ говоръ благостный
Багряно-купольныхъ церквей.
И гладь рѣки, дремотно-ясную
Не возмутитъ ничье весло.
Никто не вспомнитъ быль прекрасную
И не вздохнетъ о ней тепло.
И только стаи перелетныя,
Встрѣчая весело весну,
Метнутъ призывы беззаботные
Въ опустошенную страну.

5. МОТЫЛЬКИ.

О чемъ я думалъ,—не знаю, не знаю
Въ тотъ вечеръ. То было зимой.

Умчались годы. Я гасну и таю
Какъ солнца привѣтъ золотой.
Ты слышалъ пѣсни весны безпечальной?
Онѣ отзвенѣли давно.
Роятся звуки толпой вакханальной...
Въ душѣ холодно и темно...
Забытый всѣми, въ тревогѣ безсилья,
Во власти несбыточныхъ сновъ
Я гасъ печально. Вдругъ бѣлыя крылья
Мелькнули въ окнѣ мотыльковъ.
И нѣжно ихъ было крыльевъ сверканье
На фонѣ безцвѣтныхъ громадъ,
И такъ хотѣлось любви и признанья
Вкусить опьяняющій ядъ.
Воздушнымъ роемъ они прилетали
Изъ глуби свинцовыхъ небесъ,
Кружились тихо, потомъ упадали
На мертвыя зданья, на лѣсъ.
Былъ полонъ воздухъ ихъ стаей безпечной,
И крылья—какъ яблони цвѣтъ
Сплетались дико въ борьбѣ безконечной,
Затмивъ догорающій свѣтъ.
Бѣлѣло небо, и люди какъ тѣни
Шли въ сумракъ остывшаго дня...
Молчанье было; лишь пѣли ступени
За дверью, къ чему то маня.

6. БАХЧИСАРАЙ.

Каждый вечеръ съ вышки минарета
Въ тишинѣ, умолкнувшихъ долинъ
Вѣрныхъ слугъ Аллы и Магомета,
Призываетъ старый муэдзинъ.
Воздухъ тихъ, печаленъ, ало нѣженъ,
Воздухъ полонъ запаховъ цвѣтовъ,
И зоветъ и тайно—безнадеженъ
Хороводъ давно забытыхъ словъ.
Но сгораютъ словъ прекрасныхъ звенья,
И уходитъ мраченъ и одинъ
Преклонить колѣно для моленья
На коврѣ мечети муэдзинъ.
И молчитъ онъ, чтобы утромъ рано
Снова въ небо съ болью и тоской
Бросить цѣпь жемчужныхъ словъ Корана
О любви и красотѣ иной.

7. МЕКСИКАНСКІЙ ВЕЧЕРЪ.

Шуршитъ камышъ подъ лапой ягуара—
Пятнистый хищникъ виденъ у рѣки.
Нырнулъ кайманъ. Рѣзвятся пауки.
Плывутъ струи болотистаго пара.
Пьетъ воду звѣрь, внимательно бросая
По сторонамъ голодно-быстрый взоръ.
Тамъ далеко померкли выси горъ;
Здѣсь тишина томительно нѣмая.
Плавучей лиліи и камышей узоры
Отчетливо родились на водѣ,
И запахи вечерніе вездѣ.
И вздохи дальнихъ птицъ какъ тихіе укоры
Роятся комары на неба чистомъ фонѣ.
Мѣняетъ краски сонная рѣка.
Разбросаны въ лазури облака
И звѣзды кое гдѣ горятъ на небосклонѣ.

8.

Если хочешь знать кто я,
Посмотри на лучъ заката;—
Какъ закатъ душа моя
Изъ пылающаго злата.
Если хочешъ знать кто я,
Приходи на край провала;—
Какъ провалъ душа моя,
Рокового въ ней не мало.
Если хочешъ знать кто я,
Слушай грохотъ водопада;
Водопадъ душа моя,—
Уноситъ ея услада.

9.

Я бросилъ вамъ въ лицо мое презрѣнье!
Все кончено. Отвѣтъ угаданъ мной.
Излишне выражать словами возмущенье:
Я принимаю вызовъ роковой.
Безъ трепета, безъ глупой жажды мира,
Безъ грусти ядовитой какъ змѣя
Вонзится въ вашу грудь моя рапира
Безжалостнѣй внезапного огня.
О знайте: все погибло для меня.
Улыбки женщинъ, мысли стройной звенья,
Пылающій костеръ воображенья...
И, какъ напѣвъ, играя и звеня,
Изъ голубой страны предвѣчнаго молчанья
Мнѣ шлютъ привѣтъ нежившія созданья.

10.

Цвѣты благоуханные,
Цвѣты души моей
Упали бездыханные
Къ ногамъ чужихъ людей.
И ароматы, нѣжные
Какъ легкій фиміамъ,
Ушли въ долины снѣжныя
Къ загадкамъ и мечтамъ.
Слезами неутѣшными
Надъ вами плакалъ я,
Прекрасными, безгрѣшными
Вы были для меня.
Вы были мнѣ желанными
Какъ облики друзей,
Цвѣты благоуханные,
Цвѣты души моей.

Дебютъ А. Сумарокова.

ИЗЪ ЦИКЛА „НЕВЕЧЕРНІЙ СВѢТЪ“.

(Посвящаю Софи Подгорской).

1.

Весь день былъ тусклъ, и вдругъ въ дыму
Открылась огненная дверца,
И ближней рощи бахрому
Прожегъ сквозной хрусталь озерца.
Еще свѣжо, хотя близки
Тѣ дни, когда подъ вешнимъ солнцемъ
Деревьевъ острые гвоздки
Блеснутъ зеленымъ волоконцемъ.
Но свѣтъ погасъ, и изъ пустынь
Янтарный отблескъ не струится,
И дымная, густая синь
На мертвомъ озерѣ ложится.

2.

Потемнѣли бѣлыя тропинки.
Въ полдень тихо и тепло.

Подъ ногами стынущія льдинки
Разбиваясь блещутъ, какъ стекло.
Скоро, скоро вешнимъ свѣтлымъ утромъ
Въ глубинѣ рѣчныхъ зеркальныхъ плитъ
Будутъ зори яркимъ перламутромъ
Зажигать зеленый малахитъ.
Вотъ придетъ и станетъ невидимкой,
Упадетъ съ далекихъ облаковъ
Голубою тающею дымкой,
Серебромъ звенящихъ жемчуговъ.
И замретъ, притихнетъ, какъ на стражѣ,
И въ окно, сквозь сѣтку тополей,
Заблестятъ хрустальные миражи
Въ синевѣ дымящихся полей.

3.

До поста осталось двѣ недѣли,
И весны я умиленно жду.
Ахъ опять звенящія капели
Побѣгутъ по голубому льду!
Хорошо подъ гулъ вечернихъ звоновъ
Уловить, какъ отзвукъ старины,
Въ покаянномъ пѣньи меѳимоновъ
Ароматъ ликующей весны;
А потомъ въ раздумьи и тревогѣ
Изъ родного теплаго гнѣзда
По туманной тающей дорогѣ
Забрести Богъ вѣдаетъ куда.

4.

Голубѣютъ сосулки стеклянныя.
Плачутъ крыши, сверкая капелями.
Смотритъ солнце безпечно недѣлями
На поля и дороги туманныя.
Засвѣтились, зардѣли прогалины,
Зазвенѣли, ликуя бубенчики,
И подснѣжниковъ бѣлые вѣнчики
Одѣваютъ сырыя проталины.
Даль томитъ непонятными зовами.
Пахнетъ снѣгомъ и рѣчками талыми.
Стали зори вечернія алыми,
А утра—бирюзовыми.

5.

Пришла она съ первой зеркальной, хрустальной капелью,
Съ звенящей, скользящей, дымящейся влагой земли,
Съ влекушей, зовущей серебряной птичьею трелью
Въ лазурной безбрежной дали.
Съ сверкающей, тающей, бьющейся, рвущейся пѣной.
Лѣсныхъ и нагорныхъ журчащихъ, горящихъ ручьевъ.
Запѣла чарующей, нѣжной, мятежной сиреной
Забытыхъ, померкнувшихъ сновъ.
Я зову безкрайному, тайному, сладкому внемлю
И съ тучкой, летящей по ясной лазури, играя, бѣгу.
Смотрю на родимую тихую, вешнюю, здѣшнюю землю
И глазъ отъ нея оторвать не могу.

6.

Люблю я въ лунные ущербы
Смотрѣть, какъ съ розовыхъ стволовъ
Дымится бѣлый бархатъ вербы
Подъ дальній звонъ колоколовъ.
Бродя въ глуши, по захолустью,
Такъ хорошо душѣ моей
Заворожитъ весенней грустью
Просторъ оттаянныхъ полей.

7.

Отъ солнечныхъ лучей въ струящейся крови
Горятъ сквозь стекла лепестки азалій.
Поетъ весна въ безумствѣ сатурналій
О вѣчной юности, о счастьѣ, о любви.
И дни прозрачнѣй, ярче и нѣжнѣй
Глядятся въ золотистые заливы.
Таятъ тоску весенніе призывы
Въ звенящемъ хрусталѣ сверкающихъ дождей.
И каждый вечеръ тонкій ароматъ
Струится дымной, животворной влагой.
Обвѣяны поля мечтательною сагой,
И красятъ зори пурпуромъ гранатъ.

8.

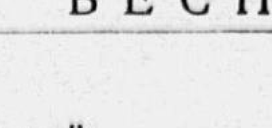
Пьянитъ весна и въ сердце кружь
Ея загадочныхъ обѣтовъ.
А въ синевѣ хрустящихъ лужъ
Весенній вечеръ фіолетовъ.
Звенятъ ручьи. Дымится снѣгъ,
Въ душѣ, водѣ, на небѣ луны,
И будитъ рдѣющій побѣгъ
Еще невидимыя струны.
Пусть одинокъ и теменъ ты,
Я говорю: „Живи воскресни!
Тебѣ пою свои мечты,
Свои мерцающія пѣсни!“

9.

Весенній день свѣтлѣй, раздольный
Глядитъ сквозь яркіе лучи,
Какъ надъ старинной колокольней
Чернѣя, носятся грачи.
Звенящей влагою изжаленъ
Раздался снѣгъ, и тонкій дымъ
Надъ черные прѣющихъ проталинъ
Нависнулъ пологомъ сѣдымъ.
Поютъ ручьи, струятся рѣчки
И съ свѣтлой, синей высоты,
Какъ загорѣвшіяся свѣчки,
Блестятъ церковные кресты.
И видятъ звѣзды темной ночью,
Какъ нарушая шумомъ тишь,
Сползаетъ тихо къ узорочью
Послѣдній снѣгъ со скользкихъ крышъ.
И счетъ веду я днямъ, недѣлямъ
И жду, когда въ нѣмой глуши
Весна коснется ярымъ хмѣлемъ
Моей тоскующей души.

10.

Просыхаютъ желтыя дорожки,
И деревьевъ бурыхъ дымныя верхушки
Окружили роемъ золотыя мушки
И цвѣтныя легкія сережки.
Зеленѣютъ изумрудныя тропинки.
Изъ болотъ несутся остро крики цапли,
Какъ расплавленныя золотыя капли,
На цвѣтахъ шмелей мелькаютъ спинки.



Коры сосенъ плачутъ янтарями.
Бѣлоствольной, стройной, шепчущей березкой,
Выкрашеной бѣлою извѣсткой,
Вѣтерокъ любуется зарями.

11

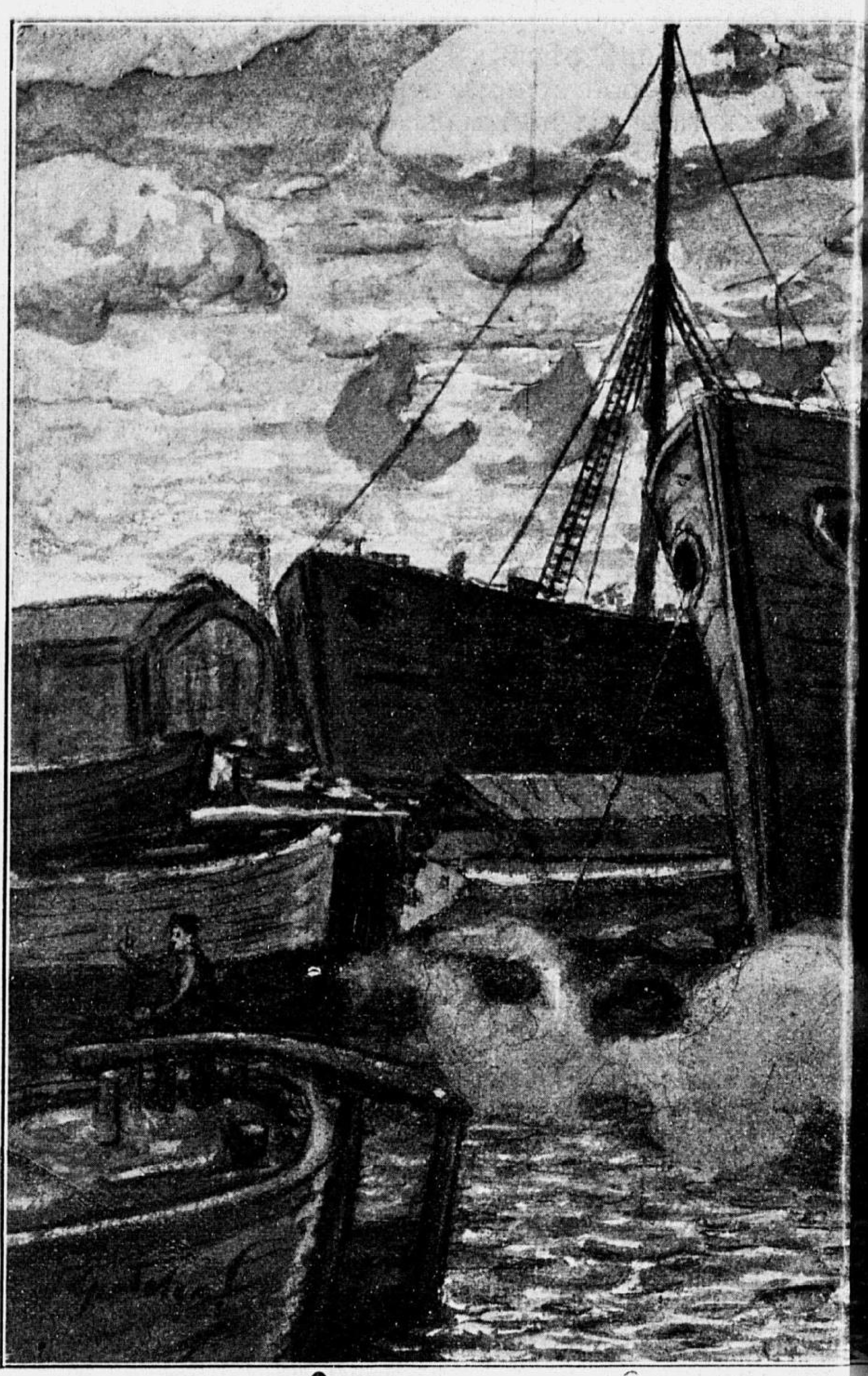
Отъ встрѣчъ, отъ споровъ отъ приличій,
Отъ всей житейской суеты,
Ушелъ я слушать голосъ птичій
И рвать весенніе цвѣты.
И вотъ скользя въ рѣчномъ узорѣ,
Встрѣчаю звонкія утра,
Янтарно—розовыя зори
И голубые вечера.
Любуясь золотымъ затономъ,
Когда спокойно дремлетъ онъ
И тихимъ вешнимъ нижнимъ звономъ
Хрустальный воздухъ напоенъ.
Брожу неслышно на полянахъ,
Слѣжу за пѣной облаковъ,
Плыву въ серебряныхъ туманахъ
Черезъ моря безъ береговъ.
Молюсь озерамъ и долинамъ,
Пою о счастьѣ, о веснѣ,
И эхо голосомъ звѣринымъ
Изъ темныхъ далей вторитъ мнѣ.
И зову сладкому я внемлю,
И здѣсь, одинъ, въ глуши дубравъ,
Я стерегу родную землю
Подъ тихій шелестъ спящихъ травъ.
Тамъ, въ городахъ, я гость случайный,
Тамъ—гибнетъ молодость моя,
А здѣсь я связанъ вѣчной тайной,
Великой тайной бытія.
Тамъ, въ городахъ, моя пустыня,
Тамъ мнѣ погибнуть суждено,
А здѣсь она, моя святыня,
И съ ней я связанъ, какъ звено.
О, мать земля! Чужда мнѣ злоба,
Тобой дышу, тебя пою,
И сохраню навѣкъ, до-гроба
Любовь нетлѣнную мою.

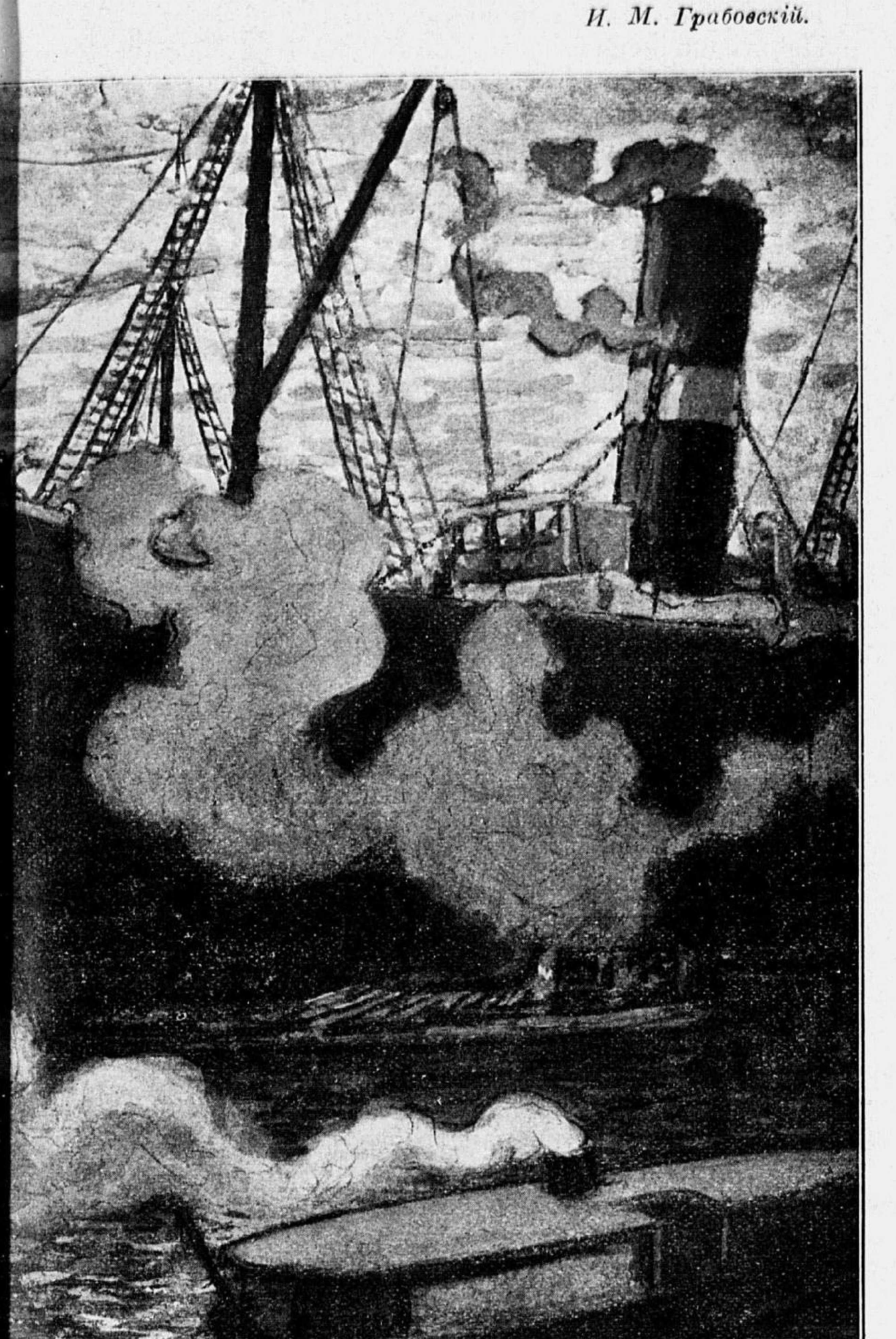
12.

Въ весеннемъ вечерѣ неясная дремота,
И нѣжно, нѣжно таетъ на водѣ,
Померкнувшей зари рѣзная позолота,
И тишина и сонъ вездѣ, вездѣ.
Туманы, какъ снѣга, бѣлѣютъ на оврагѣ,
Ихъ бѣлою каймой лѣсъ темный обойденъ:
Онъ дремлетъ одинокъ въ воздушномъ саркофагѣ
Въ тоскливыя мечты угрюмо погруженъ.
И лишь луны таинственной и зыбкой,
Изъ кружевъ облаковъ, сквозь длинный хризолитъ,
На тихія поля ласкающей улыбкой
Неясный свѣтъ мечтательно разлитъ.

13.

Въ травѣ—огонь лиловыхъ глазокъ.
Въ глубокомъ снѣ дремучій боръ.
И открываетъ ландышъ вазокъ
Благоухающій фарфоръ.
И тихо здѣсь. Здѣсь все—въ дремотѣ,
Спокоенъ день и вечеръ алъ,
И звѣздъ огни горятъ въ болотѣ,





И. М. Грабовскій.

Въ зловѣщемъ сумракѣ зеркалъ.
Здѣсь по ночамъ грустятъ русалки,
И ихъ сверкающій пріютъ
Березки, бѣлыя весталки,
Въ глухую пору стерегутъ.
Блестятъ невиданныя бусы,
И лунный свѣтъ изъ-за листвы
Манитъ въ зеленыя чарусы
На темный шелкъ сырой травы.

14.

Люблю я шумъ летящей птицы,
Осенній сумракъ багряницъ,
И невечерніе зарницы
Въ стеклѣ немеркнущихъ криницъ,
И тихій звонъ поющихъ сосенъ,
И голубой просвѣтъ въ глуши,
И красоту нетлѣнныхъ весенъ
Твоей загадочной души.

15.

Плыву въ туманѣ голубомъ
Зеркальной лентою излучинъ,
И зыбкимъ, звонкимъ серебромъ

Течетъ луна, подъ скрипъ уключинъ.
Какъ грустно здѣсь! Въ глухую даль
Стремясь свободно, безъ усилій,
Сквозь затуманенный хрусталь
Смотрю на стебли, спящихъ лилій.
А ночь тиха, и міръ, какъ храмъ,
Зоветъ въ спокойствіи забыться,
Чтобъ лучезарнымъ вечерамъ
Съ тоской весеннею молиться...

Дебютъ Сергѣя Михайлова.

1.

Пути мои свѣтлы весною...
Къ простору ключъ—моя клюка.
И крестъ съ истлѣвшею сумою
Надѣнетъ блѣдная рука.
Ухабы-вешніе пороги
И развалившійся плетень
Мои душистые чертоги,
Весною царственная сѣнь.
Тронѣ земной конецъ сегодня.
Вечерній близится закатъ.
Иду на трепетныя сходни
Держась за вымокшій канатъ.
А въ пароходномъ мрачномъ трюмѣ
Узнаю что кого то жаль.
И въ армякахъ худыхъ угрюмо
Искать начну свою печаль.
Я покачнусь къ простой скамейкѣ,
Заплачетъ прежняя тоска,
Позеленѣвшую копѣйку
Уронитъ вялая рука.
Никто, узнаю, не разскажетъ
Въ путяхъ моихъ возвратный путь,
Рукою властной не развяжетъ
Зарокомъ связанную грудь.

2. ВЕСНОЙ.

За станціей закатъ кровавитъ кручи,
Какъ Апокалипсиса конь.
О льды зеленые порѣзала въ излучинахъ
Весна душистую ладонь.
А ночью заморозки, холодно...
Хотя смѣшны уже угрозы;
Вѣдь утромъ кованое золото
Разрушатъ звонкія полозья...

3. ДЕВЯТЫЙ ДЕНЬ

Осень за окномъ была раздѣта,
Снѣжный саванъ готовая принять.
Погасла желтая четкость паркета.
Въ домѣ тихо пѣли опять.
Загорѣлись свѣчи дымными кругами,
На минуту запахло Пасхой.
Но черна была риза съ бѣлыми цвѣтами
И блѣднѣло лицо подъ ладанной маской.
Когда пѣли канонъ печальный
Понѣжнѣли, тихо рыдая, басы,
А въ столовой вдругъ погребально
Пробили четыре часы.
Уходя толпились молча у порога.
Отъ цѣпочекъ лампады почернѣла тѣнь.
Кто то сказалъ, вспомнивъ Бога:
„Давно ли... а девятый ужъ день“.

4. КОРАБЛИ.

Далеко, далеко отъ земли,
Въ небѣ синемъ, неслись корабли.
И шептала, потемнѣвшая трава
Вечерѣющія, печальныя слова.
Ихъ таясь подслушала роса
И поутру поднялась на небеса.
Вѣтеръ сталъ ея рулемъ,
Обернулась,—стала бѣлымъ кораблемъ.
И съ зари вечерней до утренней зари
Зажигали облачинки звѣзды-фонари
И траву увядшую, кошенной земли
Цѣловали брызгами, сѣдые корабли.

5. КАНУНЪ БОГОЯВЛЕНІЯ.

Нынче снѣгъ раскинулъ пряди
На часовнѣ, склепахъ и крестахъ.
Зажигаю красную лампаду
На могилѣ у лика Христа.
Вечерѣетъ... Сини стали ели...
Тихъ и благостенъ чей то приходъ.
Широки чисты купели
Іорданскихъ водъ.
Заледенѣли фонарныя стекла
Закрываю дверцы, обломкомъ гвоздя.
Горитъ на небѣ блекломъ—
Богоявленская звѣзда.

Дебютъ Марка Талова.

ИЗЪ МИРНАГО ЦИКЛА „ЯСНОСТЬ“.

1.

Я увидѣлъ себя
Изломаннымъ.
Я себя не узналъ въ зеркальномъ стеклѣ.
Я по комнатамъ брелъ,
Брелъ клоуномъ.
Я оставилъ цвѣтокъ на длинномъ столѣ.
Я такъ трепетно шелъ,
Измученный—
Словно вышелъ мертвецъ изъ тихихъ могилъ,
Чтобы снова узрѣть
Изученное,
Чтобы свѣтъ замерцалъ и снова застылъ.

2.

Будь зеркальцемъ моимъ, чтобы въ тебѣ
Я могъ увидѣть самого себя.
И поклонюсь измѣнчивой судьбѣ,
Душою всей болѣя и скорбя.
Какъ скользкій лучъ, тони въ моей мольбѣ
И какъ—траву—полынь лучъ выпью я.
Будь зеркальцемъ моимъ, чтобы въ тебѣ
Я могъ увидѣть самого себя.

3. ЖАРКОЕ ЛѢТО.

Ѣду полемъ. Дышутъ зноемъ разскаленныя дороги.
Нескончаемыя дали разбѣжались въ глубь и въ ширь.
А навстрѣчу подплываютъ хлѣба скошеннаго стоги
И уходятъ. грустно молвя: „Молъ, пронесся богатырь!..“
Жарко. Душно. Сухо—сухо... Безгранично и далеко.
Подъ колесами вдругъ что-то тонко—тонко зазвенитъ.
Пролетитъ скворецъ надъ полемъ къ дали синей и глубокой,
Уплыветъ къ краямъ далекимъ—онъ безбрежно съ ними слитъ.
Жажда мучаетъ. Вотъ если-бъ ручеекъ сверкнулъ оттуда!
Духота. Я ѣду полемъ, оставляя пыль столбомъ.
Эхъ!.. полилъ-бы грустный дождикъ во сверканьяхъ изумруда;
Раскатился-бы да грянулъ грозный, звонкій лѣтній громъ.
Я оглядываюсь. Поле ярымъ солнцемъ пооблито.
Не играетъ влажнымъ блескомъ бирюзовая трава
Да лишь рытвины навстрѣчу... Раскаленностью обвиты,
Даль съ дорогою обнялись, затеревъ свои слова...
Ѣду полемъ. Вотъ и всполье! Уходящія дороги,
Уплывающія дали... Рядъ молоденькихъ березъ...
Застывающія пѣсни. Всполья знойные пороги.
Умирающіе вздохи заскрипѣвшихся колесъ...

4.

Темнымъ вечеромъ въ душу запала
Приболотная мгла.
И свирѣль по сумерочкамъ грала
Да пѣсню несла.
Заструилося издали поле.
Расплекалася дрожь.
Пріуныла въ невѣдомой долѣ
Высокая рожь.
И взгрустнули широкія степи
Да поникла трава.
На рѣкѣ пѣли зыбкія цѣпи. .
Звенѣла молва...

5. ПѢСНИ О МОРЕ ГАЛЕВИ.

А.

Позабывъ зачатья сѣни,
Я оставилъ прежній домъ.
Отдаюсь тебѣ я, море!
Валъ, неси меня крыломъ...
Ты-жъ, мой другъ, попутный вѣтеръ!
Унеси мою ладью.
Къ берегамъ хочу причалить.
Сердце рвется къ бытію.
Унеси меня ты съ миромъ,
А затѣмъ плыви назадъ.
Передай привѣтъ былому,
Разскажи, что я такъ радъ...

Б.

Море грозно разыгралось
И бушуя разошлось.
Разсердилося внезапно,
Разорвалось въ брызгахъ слезъ.
Вотъ ужъ бѣгаютъ навстрѣчу,
Въ бѣлой пѣнѣ разъярясь,
Волны—жизни, волны—змѣи
Рвутся, въ нѣдрахъ зародясь...
Вотъ открылся зѣвъ бездонный.
Валъ горою взвился въ высь.
Рвитесь, снасти! гнитесь, мачты!
Ты-жъ, душа моя крѣпись!..
Ты имѣешь въ небѣ Бога:
Разсѣкаетъ Онъ моря.
Въ бурю Онъ тебя возноситъ
Въ заповѣдные края.

6.

Не припасалъ для васъ я пѣсенъ
Собраньемъ долгихъ дней, ночей.
Въ моей душѣ томится плѣсень—
—Въ избыткѣ творческій елей.
Мы неужель изъ сердца вырвемъ
Сосущій, худосочный плѣнъ?
Гдѣ вы, поля, моря? Ахъ миръ, вамъ!
Средь городскихъ умру я стѣнъ.
Къ чему затерянныя мысли?
Вѣдь пѣсня міра не нова.
Ты, Время! взборони, исчисли
Мои убогія слова.
Слова утратили значенье
За безконечнымъ ходомъ лѣтъ
И ризой ихъ свое видѣнье
Не облечетъ уже поэтъ.
Я духомъ и любовью нищій.
Я жажду музыки—и все!
Я въ одиночествѣ всѣхъ чище,
И все-жъ верчу я колесо...

7. ВОСКРЕСЕНІЕ.

Полыхалась зоренька вдали,
Возвѣстила сердцу воскресенье,
Уповаю къ Богу. Исцѣли!
Ниспошли, Господь, благоволенье!
Въ воскресенье я Тебѣ молюсь.
Какъ святыню, чту я свѣтлый отдыхъ.
Молодѣетъ и бодрится Русь,
Забывая мысли о заводахъ.
Въ церковь я къ заутренѣ хожу.
Дымный ладанъ умиряетъ душу.
Нищаго къ амвону подвожу,
Но святыни храма не нарушу.
Съ клироса хвала восходитъ въ высь.
Къ Господу взойдетъ-ли пѣсня мира?
Передъ Богомъ нищій духъ смирись!
Молотъ—въ прахъ, а въ море брось—сѣкиры! .

8. БЛѢДНЫЙ МѢСЯЦЪ.

Блѣдный мѣсяцъ вѣтками изрѣзанъ
И по лику расползлись морщины.
Дремлетъ лѣсъ. Онъ чутко притаился.
Ждетъ, чтобъ вѣтеръ разсмѣялся въ листьяхъ.
Слышно, какъ чуть плещетъ Днѣстръ привольный.

Зыбь плыветъ въ серебрянныхъ колечкахъ,
Моетъ и ласкаетъ тихій берегъ,
Надуваясь сонными боками.
Надъ Днѣстромъ промчится-ль вѣщій воронъ—
И поганымъ голосомъ прокаркнетъ.
Выскочитъ-ли изъ воды лягушка—
Заклянетъ она, какъ баба, мѣсяцъ.
Мѣсяцъ! блѣдный мѣсяцъ! не дрожи такъ.
Мѣднымъ блескомъ заколдуй лягушку.
Заколдуй ты ворона дурного,
Чтобъ не каркалъ голосомъ поганымъ!.

9. НА РАЗСВѢТѢ.

Улицы воздухомъ синимъ окутаны.
Въ стеклахъ домовъ—предразсвѣтный туманъ.
Крыши и стѣны едва вырисованы:
Въ тускломъ разсвѣтѣ онѣ какъ обманъ.
Изрѣдка мчится лошадка съ телѣгою
Да дребезжитъ по большой мостовой.
Вздрогнутъ оконца и дрожью разсыпятся.
Камни вздохнутъ съ одинокой мольбой.
Чудится—зори вдали затаилися,
Скрытыя, давящимъ пологомъ тучъ.
Тучи разсѣются, росы воскурятся—
Солнце багровое вышлетъ свой лучъ.
Вотъ протянулись по сѣрому городу
Пѣсни—не пѣсни, а стоны гудковъ
И показалися въ блузкахъ рабочіе:
Шли они сонно на будничный зовъ.
Плавало солнце расплавленнымъ золотомъ.
На море легъ пламенѣющій мостъ.
Рѣяли въ небѣ багрянные сполохи
Слившейся дрожью колеблемыхъ звѣздъ.
Тѣни дома пробужденные бросили.
Грохотъ немолчный прорвался вездѣ.
Гулъ разростался и крики мятежные
Пѣснь возглашали о вѣчномъ трудѣ!..

10. ТОСКА.

По тебѣ я тоскую, свобода
По тебѣ я горюю, земля.
Въ этой тяжущей пыли завода
Позабыты былыя поля.
Вспоминаю я стараго друга-ль
Иль врага—кровь взыграетъ во мнѣ.
Спотыкаюсь о доски, объ уголь,
А въ глазахъ только слезы однѣ.
Окруженный машинами гнѣвно
Да въ визжаніи вѣчномъ пилы
Я раздолью молюся напѣвно,
Воздаю дикой волѣ хвалы.
Мой заводъ—словно алчущій Молохъ.
Ничего непонятно ему,
Когда я запѣваю о долахъ,
Погружаясь въ колючую тьму.
Ахъ, вернусь-ли когда-нибудь къ волѣ—
Видно знаетъ единый нашъ Богъ,
Но что къ смерти иду я въ неволѣ
Кто-бы этого видѣть не могъ?

11. УТРЕННЯЯ ПѢСНЬ.

Солнце выглянуло огненнымъ щитомъ
Надъ раздавшимся и въ глубь и въ ширь просторомъ.

Солнце шествовало пламеннымъ путемъ.
И помчалось засинѣлымъ косогоромъ.
Спокойно спали рѣки,
Сомкнувъ нестройно вѣки,
Но въ зыбь упали стрѣлы
И солнце въ ней запѣло.
Облиты были рощи
Тѣнями ночи тощей,
Но встало солнце яро
И тѣнь сожгло въ пожарѣ.
Въ ночи лежали наги
Поляны да овраги—
Простились съ тьмой унылой:
Ихъ солнце—князь будило.
Уныло свѣсивъ кисти,
Молчали ночью листья,
Но утречкомъ проснулись
Да солнцу улыбнулись.
И солнце вышло въ поле,
Гдѣ въ ширь разлилась воля—
Колосья, златомъ полны,
Качалися какъ волны.
Вблизи сверкнули косы.
Вѣдь косы ждутъ покоса.
А росы грали въ травахъ,
Въ зелененькихъ, въ лукавыхъ...
О, щитъ! О, стрѣлы солнца!
Стрѣла въ моемъ оконцѣ...
О, Мать, о, Русь!.. Воскресни!..
Глянь—какъ богаты пѣсни!
Солнце выглянуло огненнымъ щитомъ
Надъ раздавшимся и въ глубь и въ ширь просторомъ.

Солнце шествовало пламеннымъ путемъ
И помчалось засинѣлымъ косогоромъ.

12. ЛѢТНЕЕ УТРО.

Разлилось солнце Божье
Багряно алой дрожью
Надъ золотою рожью
Что на поляхъ растетъ,
И дымками тумана
Дохнули росы пьяно.
Зеленая поляна
Къ себѣ меня зоветъ.

Вблизи идетъ дорога
И ластится нестрого
Ко ржи—ея такъ много!
И пахнетъ черноземъ.
Мы снимемъ рожь косою
Въ палящемъ лѣтнемъ зноѣ.
Мнѣ грустно, что косою
Мы скоро хлѣбъ сожнемъ!..

13. СКАЗКА.

Паркъ дремалъ. Повѣялъ холодъ.
На аллеи ночь легла.
Былъ я нѣженъ. Былъ я молодъ,
Но тоска со мной была.
Блѣдный мѣсяцъ стлалъ дороги.
Сномъ меня околдовалъ.
Снились древніе чертоги.
Вѣтеръ кудри цѣловалъ.
Вотъ раздвинулися стѣны.
Ѣдетъ витязь на конѣ.
До свиданья, теремъ плѣнный!
Поклонился кто-то мнѣ.
Я ужъ витязь. Я, вѣдь, витязь!
Пѣсня удалью звенитъ.
Вы, поля мои, кружитесь..
Тамъ, далече кладъ зарытъ.
Полночь... Папоротникъ... Вотъ онъ!
Я хочу его сорвать,
Но землею вмигъ заметанъ—
И въ степи лечу опять
Не найти мнѣ видно счастья.
Буду я одинъ во вѣкъ.
Горько прожить безъ участья,
Не сомкнувъ тяжелыхъ вѣкъ...

14. ТЫ.

Твой свѣтлый лобъ какъ облачко весеннее
Твои глаза скитаются въ тоскѣ.
Ты смотришь вглубь и видишь отцвѣтеніе.
Листочекъ желтый вянетъ вдалекѣ.
Такъ нѣтъ весны! Уплыла, золотистая.
Вернулась осень въ золотѣ полей.
Въ тебѣ твоя душа, что зыбь струистая.
Въ ней грусть больнѣй... Печаль свою развѣй.
О, не грусти! вернется невозвратное...
О, уходи съ холоднаго окна
И солнышко далекое, закатное
Освѣтитъ лобъ твой:—вспомнится весна!..
Тамъ облачко послѣднее, вечернее
Пылаетъ... Звонко молится закатъ...
Въ твоей душѣ уснутъ шипы и терніи
И упадетъ листочекъ въ скорбный садъ.
Ты, нѣжная, притихшая, усталая,
Уходишь отъ мятежно-шумныхъ бурь.
Зазыблилась въ щекахъ улыбка алая
И на небѣ повѣяла лазурь.

15. ТЕРЦИНЫ.

Въ аллеѣ грустной парка многолюднаго
Бродилъ я, незамѣченный толпой,
И грезилъ о сіяньи въ мірѣ чуднаго.
Загрезилась аллея, вся зеленая,
Облитая пурпурною волной
И солнцемъ огневымъ въ тиши плѣненная.
Забыты были вмигъ мои страданія,
Когда взглянулъ на млѣющую даль.
И созерцая, я застылъ въ молчаніи...
Здѣсь тишь запала на душу торжественно
И извлекла изъ глубины печаль,
А сквозь деревъ закатъ пылалъ божественно.
И отъ избытка чувствъ воздалъ я пламенно
Хвалу святому таинству свободъ...
Въ рукахъ держалъ я нѣжные цикламены
И надо мной Веснѣ молился сводъ!..

16. ВЕСНА ВЪ ГОРОДѢ.

Своды душные. Камень на камнѣ.
  Башни церковныя.
Стонетъ колоколъ тамъ... Что слеза мнѣ?..
  Стѣны безкровныя.
Налегли сѣрымъ пологомъ тучи.
  Городъ задавленный.
Стоны яростны, бурно кипучи.
  Шагъ ихъ отравленный.
Крикъ безумный изъ города рвется—
  Вырвется радостно.
Душный городъ весною упьется
  Буйно и сладостно.
Гой ты, городъ—похитчикъ постылый!
  Гдѣ ты, спасеніе?
Людямъ душно надъ черной могилой...
  Гдѣ ты, весеннее?..
Люди блѣдны. Изсохли ихъ вѣжды,
  Зноемъ спаленные.
Истомились они безъ надежды,
  Вѣчно согбенные.
Городъ выпилъ изъ пурпурной чаши
  Молодость нѣжную.
Городъ отнялъ спасеніе наше—
  Волю безбрежную.
Своды каменны. Мраморный городъ.
  Башни высокія.
Стонетъ колоколъ:—кто опозоритъ
  Стѣны широкія?..

17. КАЗНЬ.

На казнь спѣшимъ мы по ступенямъ
И близокъ лобный эшафотъ.
Мы тонемъ въ холодѣ осеннемъ.
Насъ пытка гибельная ждетъ.
Вдали сверкнула гильотина,
Какъ молніи змѣистый блескъ
И стало вдругъ въ душѣ пустынно
И слился міръ въ беззвучный плескъ.
Какъ мачты, сломанныя бурей,
Не ждемъ мы сказочныхъ чудесъ.
Разорванъ вѣтромъ парусъ бурый
И развернулась грань завѣсъ.
Наполнилъ сердце мракъ и холодъ.
Вся наша жизнь—тяжелый крестъ
И сказка въ жизни—вѣчный голодъ
И дни какъ скучный рядъ невѣстъ.
Несутся крики о побѣдѣ.
Въ устахъ враговъ—звѣриный кличъ.
Звенящій голосъ желтой мѣди
Не могъ молчанія постичь.
Ужъ меркнетъ день, рождая тѣни.
Крадется въ сумракѣ печаль.
Дрожатъ холодныя ступени
И душу сковываетъ сталь.

Мадонна неизвѣстнаго художника (Тьеполо?)

Дебютъ Юрія Зубовскаго.

ТОСКА МАГДАЛИНЪ.

У пьянаго поэта — слезы,
У пьяной проститутки — смѣхъ.
Александръ Блокъ.

1. ВЪ ГОРОДСКИХЪ КВАРТАЛАХЪ.

Только снѣгъ лишь становится талымъ
И весенній рождается Крестъ,
По заброшеннымъ, темнымъ кварталамъ
Я встрѣчаю вечернихъ невѣстъ.
Пусть идутъ эти дѣвушки къ трону
Поклониться величью Креста,
Но онѣ потеряли корону
И забыли, забыли Христа.
И не вспомнить имъ въ смутномъ забвеньи
Позабытыя въ дѣтствѣ мечты—
Помнятъ, были разорваны звенья
И не стерты обмановъ черты.
Не узнать по запутаннымъ вѣхамъ
Заповѣдныхъ, нездѣшнихъ долинъ
И я слушаю съ болью и смѣхомъ
Огневыя слова Магдалинъ.
Вотъ опять въ глубинѣ ресторана
Улыбнулось знакомо лицо
И я кованъ обманчиво, странно
Въ неизбѣжное, злое кольцо.
А на утро въ угарныхъ страданьяхъ
Я съ тоской зарыдаю одинъ,
Прокляну ненавистныя зданья
И распутно-хмѣльныхъ Магдалинъ.

2. МАГДАЛИНА.

Ты была печальной, грѣшной Магдалиной,
Ты ждала грядущаго, юнаго Христа,
Вѣрила, что скоро надъ земной долиной
Засверкаетъ знаменье новаго Креста.
Грустно и довѣрчиво ты мнѣ разсказала
О безгранной боли молодой тоски...
Въ шумѣ полупьяномъ радостного зала
Стали мы томительно и свѣтло близки.
Пѣли переливисто скрипки о весельѣ,
Юныя цыганки пѣли о веснѣ...
Ты была въ старинномъ темномъ ожерельѣ
Грустная принцесса въ смутномъ полуснѣ.
Серебрились звѣзды надъ земной долиной,
Вѣрили мы въ знаменье новаго Креста...
Ты была печальной, грѣшной Магдалиной,
Ты ждала грядущаго юнаго Христа.

3. ПРЕДРАЗСВѢТНОЕ.

Вся томилась... Туманилась страстью
И ждала, и ждала до зари,
А надъ уличной, сѣрою пастью
Потухали вокругъ фонари.
Бродяжилъ разсвѣтъ перекрестками,
Пробудился и ожилъ кварталъ,
Проходилъ гимназистъ съ папироской,
Робкій взглядъ ей въ окошко послалъ.
Одиноко... Ждала, не дождалась
И ушла, и пошла отдохнуть...
Жизнь надъ городомъ чутко рождалась,
Разливая весеннюю муть.

4. ИСПОВѢДЬ МАГДАЛИНЫ.

Я была такъ часто новобрачной
Въ этой комнатѣ, гдѣ яркая герань
На окнѣ со шторою прозрачной
Заплетала радостную ткань.
Гдѣ луна чертила арабески
На рисункахъ красочныхъ обой
И бросала мраморные блески
На картину въ рамѣ голубой.
И ко мнѣ покорно обнаженной
Приходили ночью женихи
И владѣли мною утомленной,
Затаившей горе и грѣхи.
Приходили съ радостью во взорѣ
Непонятнымъ трепетомъ горя
Съ юной страстью бурною, какъ море,
Молодой, какъ свѣтлая заря.
Приходили старцы съ сѣдиною,
Съ тусклымъ взглядомъ сѣренькимъ, какъ дымъ
И владѣли съ жадностью больною
Моимъ тѣломъ странно-молодымъ.
И жила я въ комнатѣ невзрачной
Молодая, грустная жена—
И была я часто новобрачной,
И была со всѣми и одна.

5. СМЕРТЬ МАГДАЛИНЫ.

Было зимно... Пѣли вьюги...
Хоронилили Магдалину,
Цирковую балерину...
Провожали двѣ подруги,
Двѣ подруги-акробатки...
Шелъ и клоунъ,
Закрывалъ лицо перчаткой.
Пѣли вьюги... На кладбищѣ
Снѣгъ былъ чище
И призывнѣй городского...
Вотъ зарыли Магдалину,
Цирковую балерину
И ушли отъ смерти снова.
Вечерѣло... Городъ никъ
Къ темнымъ, сумеречнымъ тѣнямъ...
Поднялъ клоунъ воротникъ
И упавши на колѣни
Плакалъ клоунъ,
Старый клоунъ...
Было зимно... Пѣли вьюги,
Ночи пьяныя подруги.

. БРЫЗГИ СНА.

Зимній гномикъ ловкій, юркій
Смотритъ бѣленькой снѣгуркѣ
Въ серебристое лицо.
Разсыпаетъ свѣтлый иней
Непонятьой сѣтью линій
На карнизъ и на крыльцо.
Я откинулъ занавѣски;
Всюду искры, всюду блески,
Всюду бѣлый, бѣлый мѣхъ,—
И звучитъ въ душѣ влюбленной,
Бѣлизною напоенной
Серебристый звонкій смѣхъ.

7. СМЕРТЬ.

Скоро, скоро умрешь... Мой прекрасный, люби-
мый такъ скоро...
Будутъ плакать любившія женщины въ темныхъ
вуаляхъ...
Вспоминать искрометно-влюбленную ласковость
взора,

Молодую любовь, погребенную въ траурныхъ
даляхъ.
Золотые покровы лежатъ на осеннихъ дорожкахъ,
Золотыя убранства застыли въ послѣднихъ свер-
каньяхъ
И виднѣются смутно въ далекихъ, высокихъ
окошкахъ
Лица женщинъ грустящихъ о нѣжныхъ, прекрас-
ныхъ лобзаньяхъ.
Позолота спадетъ... На глазахъ твоихъ темныхъ
и грустныхъ
Будутъ смерти осенней печальныя, блѣдныя тѣни...
Будетъ ночь... Будетъ мутная ночь... такъ мучи-
тельно пусто...
Слезы... Грусть... Неразгаданность свѣтлыхъ и
юныхъ моленій.

8. БЕРЕГОВАЯ ЛЮБОВЬ.

Ты сидишь у окна и вяжешь
Узоры изъ темнаго гаруса...
Отчего-же ты мнѣ не разскажешь
Про плаванье бѣлаго паруса.
Ты знаешь зачѣмъ издалече
Къ намъ приходятъ хмѣльные матросы:
Ихъ зовутъ твои бѣлыя плечи
И лучистыя, черныя косы.
Ты знаешь долго останется
Цѣловать твое юное тѣло
Молодой и разгульный пьяница,
Твой избранникъ отважный и смѣлый.
Ты вѣдь знаешь, что онъ не вѣрный,
Что быть можетъ онъ самый порочный,
Но что будетъ онъ въ нашей тавернѣ
Коротать свои пьяныя ночи.
Ты украдкою смотришь на парусъ,
На закатныя, алыя тѣни
И скользитъ нераспутанный гарусъ
И ложится къ тебѣ на колѣни.

9.

Я никому не подражаю
Пѣвучей яркостью стиха,
Я самъ томлю, я раздражаю
Призывомъ нѣжнаго грѣха.
Въ сплетеньяхъ свѣтлыхъ и незримыхъ
Созвучьемъ радостнымъ дыша,
Какъ красота неуловима
Скорбитъ безсильная душа.
И въ ней прекрасной и зеркальной,
Храня небесныя черты
Живетъ въ тоскѣ маніакальной
Невѣста грустной красоты,
Живетъ и блѣдная тревога
Рождаетъ грусти и грѣхи...
Невѣста молится предъ Богомъ
За одинокіе стихи.
Я крѣпкимъ замкомъ окружаю
Мою мечту... Душа тиха...
Я никому не подражаю
Пѣвучей яркостью стиха.

10. ЖЕМЧУГЪ СЛЕЗЪ.

Иннѣ Жемчужиной.

На чернь старинняго браслета
Упали двѣ больныхъ слезы,
Какъ отблескъ гаснущей грозы,
Какъ двѣ жемчужины разсвѣта...
То плачетъ юная Сюзетта
О юномъ графѣ Де-Люзи.
И чернь старинняго браслета
Впитала тонкій ядъ слезы,
Какъ тайну горестной стези,
Какъ сказку нѣжнаго обѣта
Прекрасной, трепетной Сюзетты,
Любившей графа Де-Люзи.

Дебютъ Любови Матвѣевской.

ИЗЪ ПѢСЕНЪ ВОСТОКА.

1.

Ароматовъ сирійскихъ пьянящіе вздохи разлейте,
И на пламень виссона янтарныя розы разсыпьте,
Пойте знойныя пѣсни, танцуйте, играя на флейтѣ..
Я прекрасна, рабыни, я царственный лотосъ въ
Египтѣ!
Я свѣтла, какъ улыбка росистаго, пышнаго утра,
Въ темномъ взорѣ печаль огневая Ливійской пус-
тыни,
Ароматное, гибкое тѣло блѣднѣй перламутра,
Но моей красоты онъ не видитъ, не хочетъ, ра-
быни!
Ночь молчитъ и плыветъ съ сладострастной го-
рячей тоскою,
Волны Нила родного таинственно, трепетно сини...
Плачетъ арфа подъ смуглой въ звенящихъ за-
пястьяхъ рукою...
Онъ не любитъ меня, онъ не любитъ меня, о,
рабыни!

2.

Заломивъ трепещущія руки,
Опустивъ пылающія очи,
Я пляшу въ истомѣ сладкой муки,
Въ синихъ чарахъ упоенной ночи
Гибкій станъ окутанъ алой тканью,
Въ косахъ свѣтятъ желтые тюльпаны
Будь покоренъ моему желанью,
Пойте звонче, арфы и тимпаны!
Плачутъ вздохи страстные кротала
Манитъ взоръ бездонный фараона.
Въ вихрѣ пляски упаду устало
У подножья блещущаго трона.
Я люблю тебя, о, смуглолицый!
Я сожгу тебя огнемъ заклятій,
Подымаи пушистыя рѣсницы,
Я хочу тоски твоихъ объятій!
Юный богъ ликующихъ сказаній,
Свѣтлый Горъ, жемчужина Востока
Я хочу огня твоихъ лобзаній,
Будь покоренъ повелѣнью Рока!
Я цѣлую прахъ твоихъ сандалій,
Пальцы рукъ въ рубинахъ и алмазахъ.
Лепестки пурпурные азалій
Умираютъ въ драгоцѣнныхъ вазахъ.
Я плету таинственныя чары,
Я хочу плѣнительнаго чуда...
Ты дрожишь... и въ золотѣ тіары
Грозно блещетъ пламя изумруда.
Ты блѣднѣешь... ты любовью раненъ.
Пойте страстно, пламенные звуки!
Гордый взоръ безсильемъ отуманенъ,
И призывно протянулись руки.
Ты—мой рабъ! Пылай, огонь заклятій,
Знойнымъ ядомъ опьяни жестоко!

Я сгорю въ кольцѣ твоихъ объятій,
Юный царь, жемчужина Востока!

3.

Смѣялись фонтаны серебрянымъ звономъ,
Взметнувши къ лазури жемчужныя слезы
И вились по стройнымъ, воздушнымъ колоннамъ
Янтарныя, алыя, бѣлыя розы.
Томящее солнце въ парчѣ златоалой
Сверкало надъ міромъ кровавыхъ сказаній
И сонные маки склонились устало
Сожженные нѣгой полдневныхъ лобзаній.
И зноемъ дышали узорныя плиты,
И чудились страстные вздохи кимвала.
И грезы томили безумьемъ повиты
Подъ лаской языческой Солнца Ваала!

4.

Убаюкало солнце меня золотыми лучами,
Опьянилъ меня воздухъ дыханіемъ смерти и тлѣнья,
И смотрѣли въ лицо мнѣ пустыми нѣмыми очами
Изваянья боговъ изъ тумана временъ и забвенья.
Головою усталой прильнувши къ груди изваянья,
Что разбитымъ на плитахъ узорнаго пола лежало,
Я уснула... О, сонъ мой! о, знойнаго солнца сіянье,
О, безумья нездѣшняго жгучее сладкое жало!..
Въ алой дымкѣ тумана мелодія систра звенѣла,
Страстный голосъ сливался съ гудѣніемъ арфы пѣвучей,
Яркой тканью обвито сверкало янтарное тѣло,
И объятья томили меня своей нѣгою жгучей.
Глазъ глубокихъ сіянье—бездонныхъ и жгучихъ проваловъ,
Пламень губъ—алыхъ маковъ кровавыя, жадныя краски
Вихрь огня... поцѣлуй.. безконечные стоны кимваловъ...
О, мой сладостный сонъ, о, Востока волшебныя сказки!
Вы ужалили юную гордую душу жестоко,
Вы зажгли въ моемъ сердцѣ мечты о богахъ Вавилона
О, кровавыя, жгучія, страстныя сказки Востока,
Вы томили меня, какъ нѣмое дыханье циклона.

5.

Ты царицей на знойномъ Востокѣ была
Въ очарованной безднѣ временъ,
Въ колесницѣ сверкающей гордо плыла,
Осѣненная славой знаменъ.
Надъ пылающей бронзой душистыхъ кудрей
Возвышалась тіара, горя.
Безпредѣльнымъ просторомъ земель и морей
Ты владѣла, жестоко царя.
Мановеніемъ трепетной смуглой руки
Легіоны бросала ты въ бой
И дрожали уста, какъ цвѣтка лепестки—
Ты смѣялась надъ грозной Судьбой!
Ты тонула въ объятьяхъ сирійскихъ шелковъ,
Въ украшеньяхъ таинственныхъ странъ.
Надъ тобой колыхался пурпурный покровъ,
Благовоній клубился туманъ.
Ты любила меня... ты лобзаньями жгла,
Опьяняла, какъ дикій цвѣтокъ!
Ты царицей жестокой и страстной была
И тебѣ поклонялся Востокъ.

6.

Этой ночью—страстной и зеленой
Въ легкой дымкѣ дремлятъ пирамиды
Жду тебя за стройною колонной,
Въ храмѣ свѣтлой благостной Изиды
Поблѣднѣлъ огнистый пурпуръ далей.
Дрогнулъ Нилъ, окутанъ тканью лунной
Слышу шорохъ... легкій стукъ сандалій
Это ты, мой радостный, мой юный?
О, цѣлуй, цѣлуй меня скорѣе,
Дай мнѣ счастье дивнаго миража!
Знаю я: въ подземной галлереѣ
Ждетъ меня твоей царицы стража
Я уста къ твоимъ устамъ прижала.
Съ болью сердце трепетное бьется.
Знаю я: что лезвіе кинжала
Поцѣлуемъ въ грудь мою вопьется!
Я сегодня тонкій станъ царицы
Обвивала шелкомъ златоалымъ
И грозяще дрогнули рѣсницы
На лицѣ надменномъ и усталомъ...
Впились пальцы въ украшенья трона,
Съ устъ слова зловѣщія сорвались:
„Слишкомъ долго очи фараона
„Красотой твоею любовались!"
Я горю въ огнѣ ея проклятій,—
Смерть грозитъ изъ темныхъ глазъ царицы!
И открылъ мнѣ жадныя объятья
Саркофагъ базальтовый въ гробницѣ.
Жги самумъ послѣдняго лобзанья
Знойной страстью дремлющей пустыни!
Пусть сплетутъ звенящіе сказанья
Имена владыки и рабыни.

7.

Тебѣ—гирлянды розъ! Тебѣ благоуханья
Я воскурю, молясь у бронзы алтарей.
Пусть нѣжатъ опахалъ павлиньихъ колыханья
Извивы пышные эбеновыхъ кудрей!
Тебѣ—виссонъ и шелкъ могучаго Сидона,
Рубины алые для блещущихъ перстней
Тоска моей любви безгранна и бездонна,
Мечты мои что мигъ, то ярче и властнѣй!
Пусть нѣжитъ опахалъ павлиньихъ колыханье
Черты надменнаго, прекраснаго лица.
Тебѣ—вся жизнь моя! Тебѣ мое дыханье—
Тебѣ—моя любовь безъ мѣры и конца!

8. ГРЕЗЫ.

Посвящается В. С. С.

Я мечталъ о тебѣ на сожженной землѣ Вавилона
У развалинъ таинственныхъ мрачнаго храма Ваала

Надо мной развернулась, сіяя, парча небосклона,
Безпощадное солнце смертельныя стрѣлы бросало

Я мечталъ... ты мнѣ грезилась стройной, прекрасною жрицей,

Вся окутана дымкой сверкающей ткани восточной,
У подножья кумира кружась разъяренной тигрицей

Ты звала и пьянила своею улыбкой порочной!
Я мечталъ о тебѣ подъ готическимъ сводомъ собора,

Гдѣ блаженные лики грустили въ тиши углубленій.
Ты сіяла въ туманѣ подъ звуки далекіе хора
И, колеблясь, скользила надъ облакомъ грустныхъ моленій.
Ароматныхъ кудрей золотистыя пряди змѣились,
Были дѣвственно строги глубокія складки хитона,
Скорбно сжаты уста и бездонныя очи свѣтились.
Я молился тебѣ, моя свѣтлая греза, Мадонна!
Я мечталъ о тебѣ эти долгіе годы разлуки,
Безнадежность нѣмая усталую душу сковала.
И летятъ мои грезы, сожженыя пламенемъ муки
Все къ тебѣ, о, Мадонна, о, грозная жрица Ваала.

Дебютъ Константина Грекова

1. МОЛИТВА.

Ты, чей ликъ мнѣ въ небѣ пламенѣетъ,
Чей вѣнецъ властительный тамъ рдѣетъ,
Чья скрижаль на блещущемъ столбѣ.
Ты, чье имя сплелъ съ священнымъ „Ave!".
Мой рѣзецъ на храмномъ архитравѣ,
О, внемли торжественной мольбѣ!
Я Твой бардъ. Серебрянныя струны
Мнѣ плетутъ напѣвовъ дивныхъ руны,
О Тебѣ, чье имя—Красота.
Я Твой пажъ. Надъ складками виссона
Я склоненъ къ ступенямъ гордымъ трона,
Трона Той, чье царство—Высота.
Надо мной предъ битвою кровавой
Стягъ Твой блещетъ огненною славой,
На щитѣ несу Твои цвѣта:
Надъ зеркально—выпуклою сталью
Рдѣетъ Кровь багряною эмалью,
Крови цвѣтъ дарятъ Твои уста.
Я Твой вождь. Твои цѣлуютъ взоры
Письмена, что вьютъ свои узоры
Въ синевѣ отсвѣтнаго меча.
Вотъ я шлю мольбу къ Тебѣ, Прекрасной,
Будь далекой, гордой, дивной, властной,
О, Дитя Небеснаго Луча!
Будь вѣнцомъ Земли и всей Вселенной
И звѣздой красы Твоей нетлѣнной
Мнѣ свѣти сквозь злобу черныхъ тучъ.
И къ Тебѣ пѣвецъ Твой одинокій
Звѣздный путь пустынный и высокій
Поведетъ свободенъ и могучъ.

2. AD ASTRA.

Я звѣремъ былъ. Палима жгучимъ гладомъ
Кипѣла кровь, напоенная ядомъ,
Багрянецъ злой въ зрачкахъ моихъ сверкалъ.
Дитя борьбы, кровавый хмѣль впивая,
Побѣдный ревъ по чащамъ разливая,
Я жилъ одинъ и... радости не зналъ.
Я богомъ былъ. Въ извивахъ исступленныхъ
Себя ласкалъ на ложахъ раскаленныхъ,
Собой горѣлъ, свою же страсть впивалъ.
Изъ нѣдръ своихъ—своимъ-же вождѣлѣньемъ
Я породилъ творенье за твореньемъ;
Я былъ творцомъ и... радости не зналъ.
Я Рокомъ былъ. Горя нетлѣнной славой,
Надъ міромъ шелъ съ усмѣшкой величавой,
Я Рай и Адъ пятой моею смялъ.
Надъ Зломъ, Добромъ, богами и твореньемъ
Гремѣлъ мой Смѣхъ, напоенный презрѣньемъ...

Я Смѣхомъ былъ и... радости не зналъ
Я былъ—Ничто... внѣ Времени, Пространства...
И надо мной незримыя убранства
Извѣчный Мракъ такъ благостно соткалъ.
Покой и Ночь надъ юдолью Печали...
Глядѣли въ Тьму невѣдомыя дали...
Я былъ—Ничто и... радости не зналъ.
Я—Человѣкъ... я на тропѣ сомнѣній...
Въ толпѣ тѣней, средь смутныхъ пѣснопѣній
Твой образъ дивный взоръ мой повстрѣчалъ.
Весь мой Порокъ, всю Святость воплощая,
Ты—весь мой міръ, Душа моя! Святая!..
Тебя узрѣлъ и... радость я узналъ.

3. ГРЯДУЩЕЙ.

Ты грядешь ко мнѣ, я знаю. Ты изъ племени морей.

Ты изъ края, гдѣ взметнулся къ небу родъ богатырей.

Изъ страны могучихъ пѣсенъ, пѣсенъ—бѣлыхъ лебедей.

Пѣсенъ скальдовъ, гордыхъ скальдовъ, дикихъ сѣверныхъ людей.

Да, Тебя я вижу, вижу! Ты изъ замка Скалловей,
Ты сойдешь ко мнѣ съ утесовъ грозной родины Твоей.

Ты изъ пѣны волнъ Полночи, кольца дѣвственныхъ кудрей
Разметала по кольчугѣ, поясъ свилъ Тебѣ Борей.
Вотъ въ рукѣ Твоей, увитой блескомъ златныхъ обручей,

Лезвее копья сверкаетъ, будто тысячи мечей.
Вороненный, окрыленный меркнетъ шлемъ въ игрѣ лучей.
И горитъ, какъ изенблинки, синій ледъ Твоихъ очей.
Бѣлый конь распѣнилъ гриву, конь изъ сумрачныхъ морей,
Крень дробитъ, прядетъ ушами, паръ изъ бѣшенныхъ ноздрей.
Ты придешь ко мнѣ и скажешь: Я несу тебѣ Огонь...
Какъ давно мы ждемъ героя, Я и вѣрный бранный конь.
Въ жадномъ сердцѣ вспыхнетъ пламя, лишь коснусь его копьемъ.
Наше сѣверное знамя мы побѣдно разовьемъ.
И сплетенною тропою, Мать и сынъ и мужъ съ женой,
Мы уйдемъ туда, гдѣ Полюсъ надъ танцующей волной.
Мы пойдемъ все выше, выше! Кинемъ долы за собой...
Тамъ, у Грани, на Высотахъ, ждетъ извѣчный грозный бой.
Мы, Лишенные Отчизны, принесемъ Тиранамъ въ даръ
Пламя мести, ужасъ тризны, вспыхнетъ гибельный пожаръ.
Рухнетъ гордая Валгала, станетъ пепломъ Игдрозилъ—
За Униженную Землю мстить завѣтный часъ пробилъ.
Слышу поступь бранной Дѣвы, гордой Дѣвы гордыхъ дней
И поютъ, поютъ мнѣ струны сагу вѣщую о Ней.

4. ГОРОДЪ.

Страшенъ Городъ, мраченъ Городъ;
Тѣни—люди въ немъ живутъ,
Тѣни—мужи, тѣни—жены...
Всѣ сердца пусты, сожжены...
Тамъ не пляшутъ, не поютъ.
Солнце встанетъ, тускло глянетъ
Внизъ сквозь дымное стекло,
Видитъ—спущены гардины
И спѣшитъ уйти въ долины,
Тамъ открыто, тамъ свѣтло.
Крыши, крыши... выше, выше,
Будто лѣстница для Бѣдъ,
Будто черныя ступени,
Гдѣ поруганныя тѣни
Къ небесамъ ведутъ свой слѣдъ.
Всюду трубы, черны, грубы—
То побѣги злыхъ лѣсовъ...
Будто ринулись лавины?—
То гремятъ, ревутъ машины
Въ дикой смутѣ голосовъ.
Страшный Городъ, черный Городъ,
Городъ—Спрутъ, кошмаръ Морей,
Злое дымное созданье
Льетъ отравное дыханіе,
Губитъ радости полей.

Дебютъ И. Романова.

1.

Къ намъ весна пришла съ цвѣтами... раскрывайте окна шире!
Пойте гимны Воскресенью и прекраснымъ небесамъ!
Много радости весенней, много счастья въ нашемъ мірѣ,
Міръ нашъ, храмъ любви небесной, необъятный Божій храмъ.
Къ намъ пришла Весна-царица въ зелень яркую одѣта,
По полямъ звеня струятся золотые ручейки.
Всѣ мы молоды, прекрасны, всѣ мы сотканы изъ свѣта,
Мы рѣзвимся и порхаемъ межъ цвѣтовъ какъ мотыльки.
Пьемъ мы воздухъ ароматный и цвѣтовъ благоуханье,
Въ мірѣ грезъ и пѣсенъ буйныхъ жизнь летитъ какъ свѣтлый сонъ.
Въ нашемъ мірѣ вѣчный праздникъ, всюду пѣсни ликованье
И по всей землѣ прекрасной льется тихій, нѣжный звонъ.

2.

Отцвѣтала, потухала въ небѣ радуга-дуга
А о ней волна вздыхала, размывая берега.
Эти вздохи страсти знойной повторилъ сухой тростникъ.
Съ ними вѣтеръ безпокойный въ сердце чуткое проникъ.
Струны сердца задрожали и напѣвности полны
Въ нѣжной пѣснѣ разсказали о страданіяхъ волны.

3. ОСЕННІЕ СНЫ.

Въ эти ночи осеннія, въ эти ночи безлунныя
Мнѣ скитальцу бездомному снятся сны непонятные.
Снятся стѣны высокія, цѣпи, двери чугунныя,
Чьи-то тихія жалобы и рыданья невнятныя.
Снятся гордые витязи на разсвѣтахъ убитые
И царевны прекрасныя на позоръ обреченныя;
Снятся черныя площади, черепами покрытыя.
И цвѣты ярко-алые, алой кровью смоченные.
Снятся страшныя пропасти и кладбища безвѣстные,
Гдѣ бурьянъ разростается надъ глухими могилами,
Гдѣ во мракѣ склоняются на могилы безкрестные
Бѣлокрылые ангелы съ золотыми кадилами.
Снятся длинныя улицы и движеніе шумное
И мольбы и проклятія и улыбки развратные...
Истерзали, измучили мое сердце безумное
Въ эти ночи безлунныя, эти сны непонятные!

4. РОДНОЙ УГОЛОКЪ.

Деревушка бѣдная. Улица заросшая
Низкимъ подорожникомъ, муравой-травой.
На краю избушечка крѣпко въ землю вросшая
Съ тусклыми оконцами, съ крышею гнилой.
За дворомъ тычинушка хмѣлемъ перевитая
Среди цѣпкой заросли сиротой стоитъ.
Заросла лопушникомъ тропочка забытая,
За плетнемъ разрушеннымъ макъ цвѣтетъ-горитъ.
За плетнемъ черемуха съ яблоней кудрявою
Въ кружево зеленое заплели листы;
Въ полѣ ветлы старыя никнутъ надъ канавою.
И кругомъ колышутся все цвѣты, цвѣты.
Тамъ волнама легкими, рожь переливается,
Навѣвая тихую, свѣтлую печаль.
Узкая дороженька вьется-извивается
Чуть замѣтной ленточкой убѣгая въ даль.
У холма зеленаго берегами скованный,
Весь заросшій тиною дремлетъ старый прудъ,
Лишь порою ласками вѣтерка взволнованный
Онъ на берегъ съ шепотомъ сыплетъ изумрудъ.
На горѣ виднѣется въ рощицѣ березовой
Колокольня бѣлая съ золотымъ крестомъ;
Въ небесахъ чуть движутся цѣпью свѣтло-розовой
Тучки какъ кораблики въ морѣ голубомъ.

Дебютъ Эммануила Германа

1. ЭЛЕГІЯ.

Солнце садится. Въ саду ни души.
Зыбкой стѣною стоятъ камыши.
Тишь. Утомившійся плавать,
Лебедь скрывается въ заводь.
Замокъ старинный заброшенъ и пустъ;
Громкое слово не просится съ устъ.
Строго взираютъ изъ рамокъ
Тѣни покинувшихъ замокъ.
Ночь боязливо глядитъ въ зеркала...
Старая дама въ покои пришла;
Дочка, откланявшись чинно,
Сѣла мечтать за піанино.
Руки дрожатъ... Усидѣть ей не въ мочь...
Каждую ночку хозяйская дочь
Въ садъ незамѣченной сходитъ,
Тихо у заводи бродитъ.
Каждую ночь въ боязливой тиши,
Тамъ, гдѣ тоскливо поютъ камыши,
Кто-то, шмыгнувъ чрезъ ограду,
Быстро проходитъ по саду.

2.

Небесный сводъ водами стянутъ—
Надъ бездной бездна; ширь и гладь.
Лучи хмѣльные не устанутъ
Листву прозрачную лобзать
О, какъ мила твоя игривость!
Твой голосъ иволги звучнѣй,
И волнъ играющихъ болтливость
Не заглушитъ твоихъ рѣчей.

3. ПѢСНЬ ПѢСНЕЙ

Я рано изъ дому ушла;
Въ поляхъ, лугахъ, въ лѣсу земномъ
Тебя искала—и нашла.
Алоэ, муррой, кинамономъ
Свое я ложе облила,
Коврами пышно убрала.
Я жду. Въ покоѣ благовонномъ
И миръ и нѣга. Ночи мгла
На рощи сонныя ложится...
Прійди любовью насладиться!

4.

Ночь цѣлуетъ стекла оконъ...
Я бъ душой умчаться радъ,
Но куда? Давно поблекъ онъ,
Чрезъ безумныхъ пышный садъ.
И ловлю тоскливый шумъ я...
То не осени листы
Гонитъ вьюга,—вихрь раздумья
Гонитъ мертвыя мечты.

5.

Я позабылъ черты твои, желанная,
Но въ этотъ день хмѣльной,
Со мною ты: твоя улыбка странная,
Твоихъ волосъ волна благоуханная,
Твой голосъ молодой.
Что сердцу въ томъ, что въ сказкѣ много ложнаго,
Что ты—мой пьяный бредъ!
Однѣ мечты не знаютъ невозможнаго...
Душа полна предчувствія тревожнаго;
Не вѣрить мнѣ—не слѣдъ.
Ты вновь со мной, о юность ароматная,
Минувшее—туманъ...
Ты вновь со мной, мечта моя закатная,
И я, какъ встарь, прекрасная, развратная,
Тобой и солнцемъ пьянъ.

6.

Когда надежды умирали,
Когда въ объятьяхъ темноты
Послѣднимъ пламенемъ играли
Угасшей юности мечты;
Когда дремали непробудно
Желанья сладостной поры
И я, безумецъ, безрасудно...
Терялъ безцвѣтные дары;
И полонъ скрытой смѣхомъ муки,
Надеждой жалкой и смѣшной
Хотѣлъ разсѣять скорбь разлуки
Съ послѣдней радостью земной,—
Душѣ не вѣрившей въ угоду
Я звалъ лукавую мечту:
Давно желанную свободу
Цѣной богатствъ я обрѣту.
И вотъ взгляни: стою теперь я
Увы! Свободенъ и одинъ—
Въ странѣ безумнаго безвѣрья
Рабу подобный властелинъ
И въ пробужденіи суровомъ
Слѣда, минувшаго ищу
И, рабъ свободный, по оковамъ,
Какъ встарь, по вольности грущу.
И множитъ горькія страданья
Души очнувшейся укоръ,
И умъ лепечетъ оправданья
И въ нихъ читаетъ приговоръ.

7.

Стройные кони размѣренно топали,
Гравій омытый хрустѣлъ,
Дѣвственно пахли душистые тополи,
Листъ жемчугами блестѣлъ.
Сладостный запахъ дождя предзакатнаго
Плылъ отъ земли и чинаръ,
Съ запахомъ тѣла, какъ май ароматнаго,
Въ сладкій сливаясь угаръ.
Свѣтлое небо надъ зеленью клейкою,
Солнце, любовь и цвѣты!
Ты, что газель съ бѣлоснѣжною шейкою,
Всюду, желанная, ты.

8.

Я помню вечеръ дивный... О-бокъ
Мы шли съ тобою. Ветхій мостъ
Скрипя дрожалъ. Твой взоръ былъ робокъ,
Нарядъ твой—радостенъ и простъ.

Ты молча шла, рукой небрежной,
Откинувъ пышную вуаль;
Въ твоихъ очахъ, въ улыбкѣ нѣжной
Читалъ я скрытую печаль.
Чернѣли тѣни. Лучъ закатный
На дальнихъ кровляхъ умиралъ:
Ласкаясь, вѣтеръ ароматный
Твои одежды цѣловалъ.
Такъ чистъ былъ ликъ твой шагъ такъ ровенъ,
Такъ ясенъ взоръ твой голубой,
Что мнѣ казалось: я виновенъ—
Не знаю въ чемъ—передъ тобой.
И полонъ сладкаго смущенья,
Стыдомъ вины питая страсть,
Я, гордый, злой, съ мольбой прощенья
Хотѣлъ къ ногамъ твоимъ упасть.
Но такъ свѣтло, свѣтло и свято
Глядѣла ты... Я не посмѣлъ.
Мы шли въ молчаньи. Лучъ заката
Предсмертной лаской пламенѣлъ.

9.

Нашъ челнъ скользитъ по зеркалу рѣки...
Знакомо все: и бѣлой ночи мгла,
И дальніе за рѣчкой огоньки.
И мирный взмахъ скрипучаго весла;
И дѣвушки волнистая коса,
И тихій плескъ и шорохъ надъ водой,
И юные грудные голоса,
И пѣснь—тоска по жизни молодой.
Лукавитъ тишь: не слышишь, міръ поетъ,
О часъ чудесъ! И мгла уже—не мгла:
Дрожитъ туманъ,—и прошлое встаетъ
Подъ мѣрный шумъ скрипучаго весла.
Такая жъ ночь... Такая же рѣка
И свѣтъ луны волнистой полосой...
Такая же безумная тоска
И дѣвушка съ распущенной косой.

10.

Я—горечь сомнѣнья, ты—сладость
Надежды и вѣры святой;
Я—скорбь вѣковая, ты—радость,
Ты—смѣхъ окрыленный мечтой.
Я—путникъ, стоящій у гроба,
Ты—вихрь, убѣгающій въ даль;
Я—ночи безрадостной злоба,
Ты—свѣтлаго утра печаль.
Я—пламень губительной битвы,
Я—кровью сверкающій мечь;
Ты—шопотъ смиренной молитвы
Въ сіяньи, немеркнущихъ свѣчъ
Любви своей, другъ, я не мѣрю,—
Я вѣкъ предъ тобою въ долгу;
Любви твоей—грѣшенъ—не вѣрю,
Не вѣрить своей—не могу.

11. ИЗЪ МЕЛОДІИ ВОЕЖАКА.

Ложатся бѣлые туманы
На горъ темнѣющихъ зубцы.
Въ ворота входятъ караваны,—
Вдали лепечутъ бубенцы
И ты пришелъ. Ты гордъ и строенъ,
Отвагой дерзкой—леопардъ;
Но ты усталъ... Мой домъ спокоенъ,
Пьянитъ и нѣжитъ пряный нардъ.
Стряхнувши прахъ безумныхъ древній,
Сказавъ „прости“ былымъ мечамъ,
Я шелъ отъ бѣдъ грозы послѣдней
Къ давно желаннымъ берегамъ.
Но странно; горькой укоризной
Безумье прошлаго черня,
Я тайно плакалъ. Горькой тризной
Былъ жданный праздникъ для меня.

12. ПѢСНЬ ПѢСНЕЙ.

Горе мнѣ, горе! Стада разбѣгаются,
Темная близится ночь;
Съ пастбищъ пустынныхъ туманы вздымаются...
Кто мнѣ здѣсь можетъ помочь?..
— Дѣва, одна ты? Лукавая жадная
Тьма набѣгаетъ. Домой
Путь твой не близокъ... Куда, ненаглядная?
Дѣва, желанная, стой!
Стадо бѣжало... Уста твои алыя
Гибельный высушилъ зной,
Руки безсильно упали усталыя,
Въ рощѣ-жъ—пріютъ и покой.

13.

Забывъ душою правду Божью,
Кружатся люди, какъ въ аду;
Всегда съ ихъ маленькою ложью
Ихъ крошка правда не въ ладу.
Но на страницахъ Божьей книги
Смѣшалось все: любовь и гнѣвъ,
И скорби сумрачные миги,
И вѣчной радости напѣвъ.
Тамъ нѣтъ ни словъ безспорно ложныхъ,
Ни недозволенныхъ страстей,
Ни дѣлъ, желанью невозможныхъ,
Какъ нѣтъ заказанныхъ путей.
Умѣй-же съ жадностью проникнуть
Къ колодцамъ мудрости живой,
На все взглянуть, во все проникнуть
И все оставить за собой.

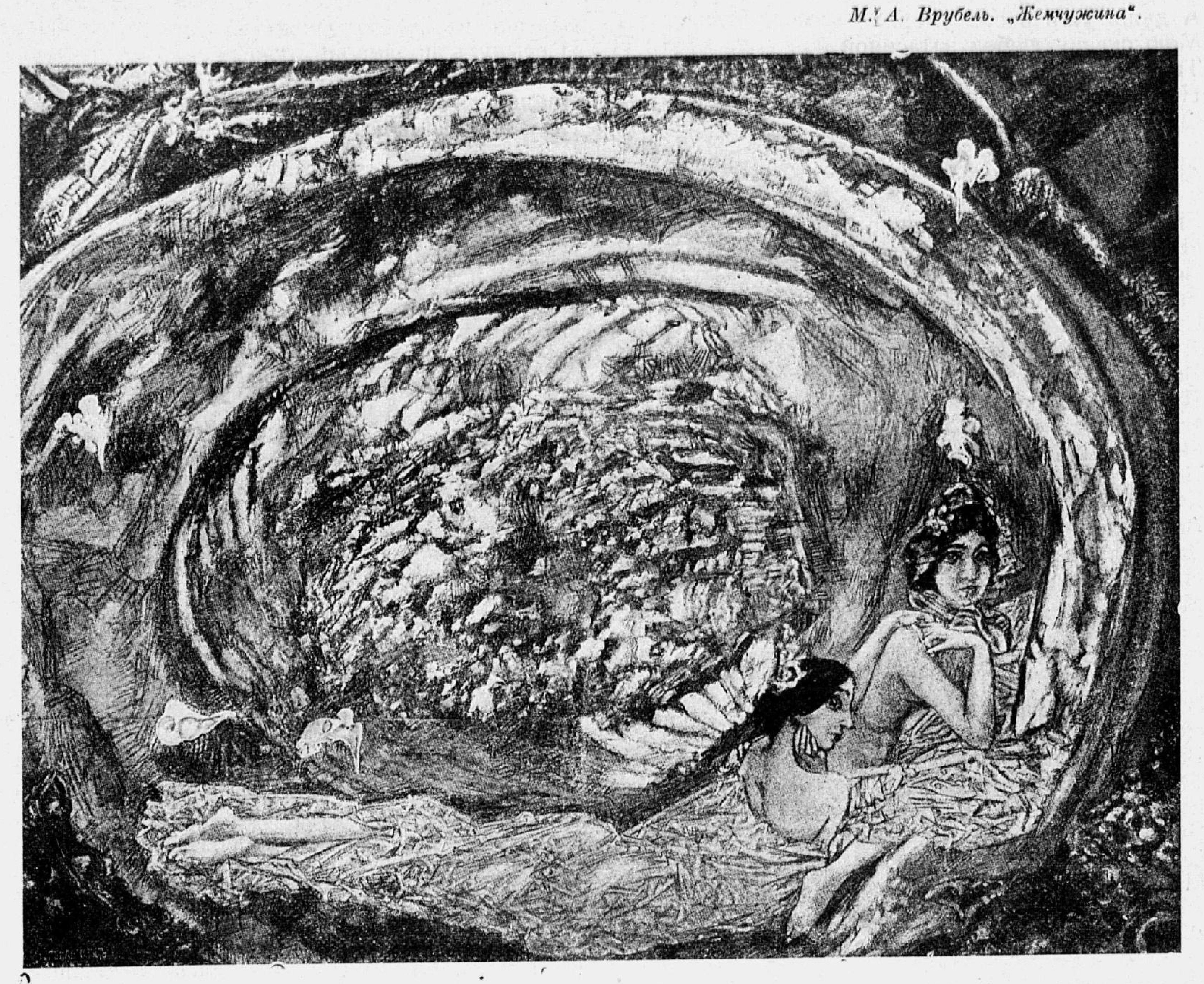
14. У НЕВѢДОМЫХЪ ВРАТЪ.

Есть минуты: жизнь постыла,
А за черной пеленой
Смерть ворота растворила
Въ міръ далекій, міръ иной.
Червь докучный сердце гложетъ:
Путь свободный предъ тобой!
Сердце хочетъ и не можетъ
И терзается борьбой.
Ужъ рука на двери къ счастью,—
Что-жъ раздумье на челѣ?
И стоишь, безвѣстной властью
Вдругъ прикованный къ землѣ.

15.

Тебя я видѣлъ только разъ,—
Мы въ жизни разъ лишь близки къ чуду;
Но взоръ твоихъ, пьянящихъ глазъ
Я не забылъ и не забуду.
Они подвижны, какъ и ты,
Они какъ ночь страны восточной.
Въ нихъ нѣга прелести порочной
И прелесть чистой красоты.

М. А. Врубель. „Жемчужина“.



16.

Куда-бъ мечта теперь ни звала,
Мы ей не вѣримъ. Богъ исчезъ.
Увы! Безслѣдно миновала
Пора пророковъ и чудесъ.
И гордый міръ отвыкъ молиться,
Какъ встарь, землѣ и небесамъ,
И пусть чудесное свершится,—
Мы не повѣримъ чудесамъ.

Дебютъ Венедикта Соколова.

1. ЕЩЕ ВЕСНА!..

Весна идетъ къ полямъ безплоднымъ,
Напѣвъ любви поетъ весна,
Апрѣльскимъ вечеромъ холоднымъ
Къ тебѣ стучится у окна.
Напѣвъ задумчивый свирѣли...
Ты въ сердцѣ гостью пріюти!
На сѣверъ птицы полетѣли,
Чертя небесные пути.
Призывно рѣки зазвенѣли,
Гоня послѣдній талый ледъ...
Ужъ шепчетъ вкрадчивыя трели
Березъ зеленыхъ хороводъ.
Рука сіяющаго мая
Цвѣты разсыплетъ на поля;
Въ истомѣ сладкой замирая,
Проснется старая земля.

2.

Лишь въ мечтахъ—обладатели рая,
Мы томимся всю жизнь, какъ въ аду...
Это грустно, моя дорогая,
Вспомнить въ вешнемъ цвѣтущемъ саду!
Мы о счастьи мечтать и не смѣли!..
Лишь весенней порой соловьи
Обмануть насъ упорно хотѣли,
Распѣвая о вѣчной любви.
Знаю—многихъ они погубили,
Какъ черемухи были въ цвѣту!..
Они душу мою отравили,
Поселивъ въ ней о счастьи мечту.
И весной зашумятъ лишь березы,
Забѣлѣетъ черемухи цвѣтъ,
Пробуждаются нѣжныя грезы,
Для которыхъ—и имени нѣтъ!

3.

Дождь по крышѣ стучитъ похоронно...
Раскрывъ свои сѣрыя крылья,
Надъ землею повисла тоска...
Дождь и сердце стучатъ монотонно.
О, безцвѣтность, раздумье, безсилье!..
Безнадежно ползутъ облака.
То печальныя сѣрыя дѣвы,
Что не знали любви никогда,
Идутъ, плачутъ покорно, безъ гнѣва...
О, теки, дождевая вода!
Умираетъ пейзажъ истомленный..

А душа ужъ вчера умерла—
Мою сказку любви затаенной
Ты въ началѣ сама порвала!
Небо стынетъ, тоску затая...
О, короткая сказка моя!

4. ВЕЧЕРОМЪ.

Еще разъ часы отзвучали...
И небо кровавитъ закатъ,
Померкшія синія дали
Загадкою тайны страшатъ.
Въ поля разбѣгаются тѣни,
Ползетъ по долинамъ туманъ...
Весь полонъ о днѣ сожалѣній
Думъ тихій идетъ караванъ.
Отъ думы, повитой печалью,
Остался изъ золота слѣдъ
Надъ тьмой, надъ безмолвною далью
Къ истоку исчезнувшихъ лѣтъ.
Вновь черная птица упала,
Замкнутъ заколдованный кругъ...
И сказка души отзвучала—
Меня ты не любишь, мой другъ!

5.

Въ тучкахъ играютъ отливы опала,
Небо застыло прозрачно и сине,
Взоръ мой печальный, потухшій устало
Тонетъ въ безмолвьи холодной пустыни.
Было—и лѣто, и шумныя грозы..
Были—и страсти приливы, отливы!..
Сердце хоронитъ волшебныя грезы.
Мертвый туманъ выползаетъ на нивы.

6.

Вкругъ мракъ нависаетъ угрюмый,
Все тонетъ въ предсумрачной мглѣ.
О, пойте! о, пойте – потухшія думы
На мертвомъ безгласномъ челѣ!..
Звучите, звучите, рыданья—
Цвѣты помертвѣли въ поляхъ. .
Угасшаго солнца—прощанья
И листъ пожелтѣвшій въ лѣсахъ!..
Несутся проклятыя тѣни,
Рыдаютъ въ безлунной ночи...
Хаосъ запредѣльныхъ видѣній!..
Безумное сердце, молчи!

7.

И опять, и опять вьется шелковый газъ,
И опять, и опять свѣтитъ ласковость глазъ!..
И бѣлѣетъ атласная роскошь грудей,
И зоветъ: „приходи, насладись и убей!..“
Не тобой ли растоптаны, смяты цвѣты?
Не твои ль были жестки, суровы черты?
А сегодня, какъ встарь, страстью голосъ звенитъ...
Хоть кого обольститъ, хоть кого опьянитъ!
Но дѣвичья краса ужъ давно сорвана,
Но мечты оживить тебѣ власть не дана!

8.

Сегодня облачныя дали
Прорѣзалъ огненный закатъ.
Пронизаны огнемъ печали
Березки въ золотѣ дрожатъ.
И стынутъ по дорогѣ лужи,
И листья мертвые шуршатъ...
Предвѣстникъ вьюгъ и зимней стужи
Пылаетъ пламенный закатъ.

9.

Она зашла, перевернула
На полкахъ рядъ томовъ,
Откинувъ станъ на спинку стула,
Сказала пару словъ.
На шляпѣ перьями качнула...
Прочти ихъ тайный знакъ!
Въ глазахъ зарница промелькнула,
Прорѣзавъ черный мракъ.
Твоей души очарованье
И мой глубокій вздохъ
Ужель слились въ одномъ желаньи
На грани двухъ дорогъ?

Дебютъ Юрія Косъ.

ВЕНЕЦІЯ.

М. И. Травчетову.

Какъ сладко вспоминать въ безжизненныхъ стѣнахъ,
Въ объятьяхъ скучнаго, нѣмого заключенья,
Венеція, твой пышный, твой волшебный прахъ,
Твои дворцы, напѣвы и волненья;
Вновь унестись къ тебѣ скорбящею мечтой,
Вновь чувствовать тебя такъ близко предъ собою,

Быть полоненнымъ вновь твоею красотой
И съ нею слиться грустною душою.
Вотъ ночь, благая ночь такъ тихо низошла;
Дворцы загадочны; какъ призраки гондолы;
Безмолвенъ легкій всплескъ послушнаго весла;
Волшебны звуки дальней баркароллы...
И замолчала пѣснь... И снова тишина...
На безграничномъ небѣ звѣздное свѣченье;
Въ водахъ струящихся колеблется луна
И фонарей змѣятся отраженья...
Прекрасный, чудный мигъ! Загадоченъ, какъ сонъ,
Его живой восторгъ, святой и углубленный,
И кажется, что я случайно занесенъ
Въ надзвѣздный міръ, въ эѳирѣ затаенной.
Ни злобы, ни вражды. На сердцѣ, какъ весной
Проснулись и цвѣтутъ мечтательныя розы,—
И таетъ, какъ миражъ неволя предо мной
Въ живыхъ волнахъ зовущей душу грезы.

2. ВЪ ГОЛУБОМЪ ГРОТѢ.

Посв. Варѣ Волгиной.

Суровой землею забытый,
Далекъ отъ людской суэты,—
Одинъ въ челнокѣ я качаюсь
Въ чертогахъ лазурной мечты.
И страсти, и скорби заснули,
И весь я—святая душа.
И вся она, вся изъ лазури
Мечтаетъ, лазурью дыша.
Тамъ дальше за синимъ окошкомъ
Сражаются вихри съ волной—
Но здѣсь, какъ на небѣ апрѣльскомъ,
Но здѣсь, бирюзовой покой.

Здѣсь воды, какъ въ заводи тихой,
Цѣлуютъ во снѣ небосводъ,
И сны ихъ о небѣ лазурномъ
Ласкаютъ лазурью весь гротъ.
И весь онъ, какъ дальнее небо
Въ весенній ликующій часъ,
Зажженъ бирюзовымъ сіяньемъ
Безчетныхъ мечтательныхъ глазъ.
Мнѣ кажется, кто то забытый,
Поруганный злою толпой,
Живетъ въ этомъ гротѣ небесномъ
И дышетъ его синевой,
Мнѣ кажется, кто то прекрасный,
Небесной мечтою согрѣтъ,
Души моей тихой и нѣжной
Шлетъ свой свѣтлосиній привѣтъ.
Любовно ее охраняетъ
Въ своемъ голубомъ полуснѣ.
И шепчетъ ей съ кроткой улыбкой
О чудной лазурной странѣ.

3. У ФІОРДА.

Посв. О. А. Флориной.

Надъ тихимъ фіордомъ мечтаетъ луна,
О чемъ, мнѣ никто не разскажетъ, не знаю—
Но только, какъ будто къ далекому раю
Зоветъ изболѣвшее сердце она.
Но гдѣ этотъ рай, гдѣ пути золотые,
Къ нему, что приводятъ чужихъ на землѣ?—
Стою у фіорда. Вверху въ полутьмѣ
Яснѣй загораются звѣзды святыя.
Зачѣмъ онѣ блещатъ въ небесныхъ моряхъ,
Кому тамъ слагаютъ нѣмыя молитвы?..—
На сердцѣ, уставшемъ отъ скорби и битвы
Невольно растетъ непредвидѣнный страхъ.—
Что если весь міръ только тихая греза,
И я только чей-то таинственный сонъ?—
Послышатся пѣсни моихъ похоронъ,
И все расплывется, какъ въ дымкахъ наркоза?—
Душа непонятнымъ томленьемъ полна,
Отвсюду бѣгутъ къ ней полночныя тѣни...
Какъ призракъ далекихъ, забытыхъ мгновеній,
Надъ тихимъ фіордомъ рыдаетъ луна...

4. ВЪ ЗОЛОТОМЪ ЧЕЛНОКѢ.

Посв. Майи Херманрудъ.

По жемчужнымъ волнамъ въ золотомъ челнокѣ,
Словно призраки первыхъ разсказовъ весны,
Мы съ тобой поплывемъ по лазурной рѣкѣ,
Молодою, горячей отвагой полны.
Гдѣ-то тихо проснется далекій напѣвъ,
Золотая струна запоетъ, задрожитъ
И въ далекомъ молчаньи, во снѣ поблѣднѣвъ
Надъ уснувшей рѣкою луна загоритъ.
Выйдутъ молча русалки на берегъ рѣки.
За кустами въ лѣсу замяучитъ сова,
Что-то тихо зашепчетъ во мглѣ тростника,
Будутъ странны, невнятны ночныя слова
Будемъ думать о свѣтлыхъ, волшебныхъ краяхъ,
Будемъ вмѣстѣ глядѣть на ночной небосклонъ...—
Можетъ быть въ недалекихъ прибрежныхъ кустахъ
Чей-то тихій, молящій послышится стонъ...
Встрепенемся, вглядимся;—на бѣлой волнѣ
Улыбнется русалка печальнымъ лицомъ,
Будетъ что-то шептать, говорить въ тишинѣ,
Послѣ снова разстаетъ въ мракѣ ночномъ...
Ты покрѣпче прижмешся головкой къ плечу,
Ты обхватишь мнѣ шею горячей рукой—
И цѣлуя тебя, какъ во снѣ замолчу,
Какъ во снѣ буду дальше скользить я съ тобой...
По жемчужнымъ волнамъ въ золотомъ челнокѣ
Словно призраки первыхъ разсказовъ весны,
Мы съ тобой поплывемъ по лазурной рѣкѣ
Къ берегамъ, зачарованной счастьемъ страны!..

5. ВЪ ТЮРЬМѢ.

Товарищу по заключенію А. Шагиньянцу

Ни сѣрыя тучи плывутъ надъ землею,
Ни черныя птицы скользятъ въ полутьмѣ—
То дни мои юные, полные горя
Проходятъ и таютъ въ тюрьмѣ;
Ни желтыя листья спадаютъ съ деревьевъ,
Ни въ холодѣ осени сохнутъ цвѣты—
То блекнутъ мои молодыя надежды
Здѣсь въ царствѣ нѣмой темноты;
Ни голубь воркуетъ надъ другомъ умершимъ,
Ни вѣтеръ, рыдая, травой шелеститъ.—
То сердце мое, изболѣвшее сердце
О солнцѣ и волѣ груститъ.

6.

Былъ красивъ расцвѣтающій нѣжный нашъ садъ,
Были бѣлы, какъ снѣгъ благовонныя розы,
Насъ въ зеленой бесѣдкѣ скрывалъ виноградъ,
Мы тонули въ волнахъ опьяняющей грезы.
Сколько нѣжныхъ, красивыхъ и ласковыхъ словъ
Наши тихія души другъ другу сказали.
Сколько свѣтлыхъ таинственно-сказочныхъ сновъ
Добрый другъ, мы съ тобою тогда увидали.
Ты, какъ ласточка, тихо припала ко мнѣ,
Заглянула мнѣ молча въ счастливые очи—
И я замеръ отъ счастья въ нѣмой тишинѣ,
Осѣненный крылами божественной ночи...
И потомъ... такъ внезапно исчезло все вдругъ,
И на сердцѣ такъ тяжко, такъ сумрачно стало...
О когда же опять мы увидимся, другъ?—
„Никогда“—мнѣ незримая тѣнь прошептала.

7. ВЪ ИЗГНАНІИ.

Я сидѣлъ у окна. Въ молчаливой тиши
Кто то нѣжный вѣнки заплеталъ золотые..
Было тихо и грустно на лонѣ души,
Вспоминались лѣса и равнины родныя
Тамъ вдали серебрился заснувшій заливъ,
Тамъ летали, кружились вечернія тѣни—
Было тихо кругомъ; вечеръ былъ такъ красивъ,
И казался намекомъ забытыхъ видѣній..
Сердце молча грустило въ объятьяхъ мечты,
Но мечта поблѣднѣвшая сердца не грѣла...
Изъ густого тумана кивала мнѣ ты
И въ мятежную душу, больная, глядѣла..
За видѣньемъ, видѣнье являлось ко мнѣ,
Подходило, смѣялось, и таяло снова...
Я сидѣлъ у окна. Предо мной въ тишинѣ
Расплывались слова непонятнаго зова...

8. МѢСЯЦЪ.

Посв. Сигнѣ Брюнъ.

Мѣсяцъ, мѣсяцъ—злой волшебникъ,
Міръ полночный освятилъ,
Сердце, полное печали,
Свѣтлымъ сномъ заворожилъ—
Ты опять со мною вмѣстѣ..

Поцѣлуй и поцѣлуй...
Сердце млѣетъ отъ восторговъ,
Въ сердцѣ трепетъ теплыхъ струй...
Тихій шопотъ... жаръ объятій...
Блескъ колдующихъ очей...
Золотыя обѣщанья
Быть царевною моей...
Огневая пѣсня страсти...
Раскаленныя мечты...
Погружаемся и тонемъ
Въ царствѣ знойной красоты...
Плещутъ солнечныя волны,
По волнамъ мы вдаль плывемъ,
Обнимаемъ и цѣлуемъ
И горимъ горимъ огнемъ...
Всѣ страданья позабыты
Міръ печали глухъ и нѣмъ...
Передъ нами знойно дышитъ
Вѣчно-праздничный эдемъ ..
Неизвѣстныя растенья...
Золотыя скалы горъ...
И таинственные зовы
Тихо плещущихъ озеръ...
Все какъ въ сказкѣ... Все какъ греза...
И такъ счастливъ я съ тобой
Въ этомъ мірѣ страсти нѣжной
И любови молодой...
Вдругъ все скрылось въ мглѣ тумана,
Міръ волшебный потонулъ...—
Мѣсяцъ; мѣсяцъ злой волшебникъ
Насъ съ тобою обманулъ...

И. М. Грабовскаго.

Борисъ Эффимъ.

1. ЗЕЛЕНИНА УЛИЦА.

Теперь здѣсь есть уже большіе, многоэтажные дома, рестораны и кинематографы, уже снесли кое-гдѣ длинныя заборы съ большими щелями и маленькіе деревянные хибарки.

Но комнату и сейчасъ здѣсь можно найти очень приличную, рублей за семь, съ мебелью и въ тихомъ семействѣ...

У Эммы Карловны есть дочь Эльза... Она очень любитъ вышивать и читать книжки... Господинъ студентъ можетъ быть совершенно покоенъ... У насъ такъ тихо, что всѣ даже удивляются...

У господина студента очень серьезный видъ, онъ сосредоточенно разсматриваетъ крохотную каморку, и замѣтивъ въ углу темное пятно тщательно прощупываетъ его пальцемъ хмуритъ брови, ехидно улыбается, качаетъ головой и торжествующе произноситъ:

— Ага!

Эмма Карловна не понимаетъ, что это значитъ, не находитъ-ли онъ здѣсь чего-нибудь дурного..

— Дурного то ничего нѣтъ, но комната-то.. сыровата...

Эмма Карловна возмущенно всплескиваетъ руками...

— Ѳуй... Что вы говорите? Эта комната такая сухая и теплая какъ баня!..

Осмотръ продолжается долго... Господинъ студентъ смотритъ на потолокъ, на стѣны и горько ухмыляется... У него видъ очень безразличный,—комната не нравится ему...

— И сколько вы хотите за нее?..

Эмма Карловна говоритъ, что прежніе жильцы платили 8 рублей...

— Ско-о-о-олько?..

Глаза у студента дѣлаются большими и брови ползутъ кверху...

— Восемь рублей!..

Они совершенно расходятся въ ея оцѣнкѣ... Платить за эту комнату 8 рублей, когда Колька Сержаковъ за палаццо на Англійской набережной платитъ 6...

— Простите сударыня... Это невозможно!

Сдѣлка заканчивается на семи рубляхъ...

Немного спустя постоялецъ появляется въ сопровожденіи хмураго, волосатого colleg'и, который сердито отдуваясь тащитъ корзину..

И когда они остаются вдвоемъ, шепотомъ передаютъ свои впечатлѣнія...

— Опять же свѣтлая!..

— Входъ, братъ, прямо адскій!..

— Какъ въ лучшихъ домахъ... Ого-го-го!..

— И за семь рублей .. Ловко!

Но когда они говорятъ громко, хмурый colleg'a находитъ, что комната дрянь, сырая и маленькая .. За эту цѣну можно найти прелестную комнату...

— Да сталъ я братъ изъ-за хозяйки... Такое симпатичное лицо... И не назойливая, терпѣть не могу назойливыхъ...

Эмма Карловна ставитъ самоваръ и внимательно слушаетъ ихъ разговоръ...

— Неужели не заплатитъ!

На другое утро жилецъ пытается проскользнуть незамѣченнымъ...

Но Эмма Карловна съ милой улыбкой, выплывая изъ кухни желаетъ ему добраго утра..

— Какъ спали?

— Благодарю васъ. Прекрасно... У васъ тихо чертовски!—онъ дѣлаетъ паузу и торопливо надѣваетъ калоши...

— Въ университетъ тороплюсь... Опоздалъ... Бѣжать надо... Занятія...

Эмма Карловна сочувственно улыбается и мягко говоритъ, что надо заплатить деньги за комнату... У нихъ платятъ впередъ...

— Деньги... Да... Это ужъ конечно... Это мы устроимъ... Вотъ сейчасъ съѣзжу получу.. Ужъ извините пожалуйста.. Сегодня часа въ 4...

Эмма Карловна сердито хлопаетъ дверью и угрюмо ворчитъ...

Жизнь зеленинца началась...

* * *

Когда они бываютъ юными, безусыми только, что пріѣхавшими изъ маленькихъ глухихъ городковъ, гдѣ оставили милые записки, дневники и гимназистку въ бѣломъ фартучкѣ, у нихъ хмурыя брови, хриплый голосъ и разочарованность въ жизни.

Они платятъ аккуратно за квартиру, читаютъ книги и ищутъ дѣвушекъ съ ясными глазами и съ серьезными умственными запросами.

Когда они встрѣчаются, они долго говорятъ о томъ, что жизнь...—жизнь... это ерунда, батенька!..

Батенька, которому 18 лѣтъ, и который такъ же хорошо знаетъ цѣну радостямъ... Пожимаетъ плечами и задумчиво пускаетъ дымъ къ потолку...

— Этотъ каналья Нитше правъ въ концѣ концовъ!

Потомъ разговоръ переходитъ на предметы болѣе низменныя.. Обѣды адски дороги и скверны... женщины... ни... стоитъ-ли о нихъ говорить...

— Вчера, понимаешь прихожу къ Ленѣ, а у ней сидитъ какой-то пшютъ, говоритъ невыносимыя банальности, пошлость, слушать противно, а она смѣется...

О какъ они близки въ этомъ...

Дѣло въ томъ, что и Костя...

— Ты знаешь товарищъ Костя, вѣдь она была въ ревизіонной комиссіи...

Такъ она поѣхала съ какимъ идіотомъ въ Маріинку... Досталъ билетъ... Пришелъ я къ ней... А онъ сидитъ у нее въ этакомъ понимаешь ты фракѣ и говоритъ... Вы вѣроятно очень недавно окончили г. студентъ...

А она понимаешь ты смотритъ на меня и за меня краснѣетъ... Стыдно ей видите-ли... Да говоритъ... Мы вмѣстѣ... Ну а я его тоже срѣзалъ...

— Молодецъ!

— Да, братъ, не на таковскаго напалъ... Смотрю этакъ небрежно и говорю, что да-съ недавно, г штатскій...

— Здорово!.. Молодчага!.. Такъ прямо и сказалъ?.. Ловко!..

И они довольные хохочутъ и радуются побѣдѣ надъ невиданнымъ врагомъ...

— Ну, а она?..

— Что-жъ она... Поѣхала... Онъ извозчика взялъ.

Въ концѣ концовъ, они разочаровываются и въ разочарованности въ жизни, и въ ясныхъ глазахъ дѣвушки съ умственными запросами и перестаютъ платить за квартиру...

Уплываютъ книги, а дѣвушка, которая стоитъ слишкомъ дорого, благодаря проклятымъ Маріинкамъ (чортъ-бы ихъ подралъ!) становится далекимъ сказочнымъ существомъ.

У Ѳенички, правда, слабо въ области умственныхъ запросовъ, но глазки у ней ясные и вмѣсто Маріинки, можно сходить въ кинематографъ гдѣ этотъ милый смѣшной Максъ...

— Что онъ только дѣлаетъ... Господи! Конечно иногда бываетъ такъ скучно въ маленькой каморкѣ Зелениной улицы...

Хорошо было-бы сейчасъ сидѣть вдвоемъ съ умной и красивой дѣвушкой и слушать музыку.

Тонкіе звуки сладостно щекочутъ сердце... Тихая печаль будитъ милые, забытые образы...

А потомъ когда они возвращаются съ ней, по замолкнувшимъ улицамъ... Можно будетъ сказать о нѣжности и любви...

— Эхъ-ма дядя... Брось... Не твое это!.. Ѳеничка измѣнитъ ему, разумѣется... У Вани—парикмахера—проборъ, золотая цѣпочка и онъ можетъ ее каждый день угощать пирожнымъ...

А студентъ...—конечно Петичка славный... Да что-жъ!..

Она придетъ къ нему въ послѣдній разъ, будетъ трогательно всхлипывать... И скажетъ...

— Вы меня извините Петичка... Не приду я больше!..

Онъ долго будетъ ходить по комнатѣ... заложивъ руки въ карманы и насвистывая мрачныя вещи...

Наконецъ онъ остановится передъ ней, протянетъ руку и скажетъ...

— Что-жъ.. Прощай!

Вечеромъ, они соберутся гдѣ нибудь въ мрачной пивной,и забывая о невзгодахъ будутъ говорить о будущемъ...

Колька поэтъ прочтетъ стихи...

— Талантище у этого Кольки, адскій!

Завтрашній день это упоительное сочетаніе красокъ... пройти поскорѣе по этимъ сѣренькимъ днямъ... Дойти до этого роскошнаго лучезарнаго завтра и начать жить...

— Заживемъ братцы... А?..

— Красота!..

Они поютъ gaudeamus и долго убѣждаютъ сумрачнаго городового, что молодость бываетъ разъ, какъ весна разъ въ году...

— Вы поймите образъ... Образъ-то какой городовой... Молодость и весна...

Въ маленькихъ каморкахъ ворчатъ Эммы Карловны, отворяя двери, пищатъ разбуженные шумомъ дѣтишки... сыро... холодно...

На Васильевскомъ комнаты дороги и тамъ живетъ добродѣтельная аристократія... Они получаютъ изъ дому деньги, аккуратно распредѣляя ихъ на цѣлый мѣсяцъ и у нихъ чистенькія тужурки, новенькіе книги и курсистка Аня, съ которой можно говорить объ умномъ и цѣловать изрѣдка...

Когда наступаетъ весна... Они ѣздятъ на острова и въ лѣсной, большими, веселыми компаніями... У курсистки Ани, мягкій блескъ глазъ...

— Вы такая... милая Аня...

Аня осторожно склоняетъ голову къ нему на плечо...

Не Зелениной улицѣ весна бываетъ другой... Онъ просыпается утромъ и видитъ, что робкій солнечный лучъ, пробиваясь въ окно освѣтилъ красненькіе цвѣточки обоевъ...

— Знатно! Чортъ возьми! Солнце растягиваетъ губы въ невольную улыбку и хочетъ смѣяться...

На улицахъ женщины, которыя одѣли новыя пальто и кажутся по весеннему свѣтились... солнце блещетъ въ стеклахъ магазиновъ, на трамвайные рельсы и кажется весь міръ натянулъ солнечную фату и улыбается..

— Послушайте милая дѣвушка... Такой ослѣпительно солнечный день... такое синее небо!..

Дѣвушка строго смотритъ на него, что-то ворчитъ себѣ подъ носъ и быстро идетъ впередъ...

Сорвалось!

Тщательно скрывая въ карманахъ, потрепаные рукава пиджака, онъ идетъ медленно, принявъ небрежный видъ...

Скверно то что ѣсть хочется и весною... солное, красныя дѣвушки, аппетитъ по прежнему...

Если встрѣтится хмурый и сосредоточенный colleg'a, они говорятъ объ убожествѣ современной жизни, о хозяйкахъ, о томъ, что будто въ Германскихъ университетахъ нѣтъ никакихъ взносовъ за правоученіе и учатся тамъ люди, если только хотятъ...

— А вотъ говорятъ есть на биржѣ такія акціи по 5 рублей за штуку... Сегодня стоятъ пять рублей... Завтра глядь 100...

— Опять же на бѣгахъ можно выиграть!.. Когда утомились улицы, они возвращаются въ свои каморки.

Эльза вышиваетъ... она высокая, худая, въ угряхъ... У ней бѣлесоватые, сбитые въ кудель волосы, ей 30 лѣтъ и отъ нея пахнетъ кухней и кошками...

— Добрый вечеръ Эльза!

Эльза говоритъ что мама ушла и она скучаетъ...

— Милая Эльзя... Вы такая красивая!.. Эльза говоритъ что г. студентъ ошибается... просто говорятъ комплименты... Вѣдь у нихъ такъ много красивыхъ барышень...

— Что Вы Эльза...

Онъ обнимаетъ ее и она склоняетъ голову къ нему на грудь...

И въ этотъ мигъ сонная Эльза кажется ему красивой принцессой изъ старой сказки...

— Милая, милая, Эльза...

За окномъ мартовская ночь... Луна играетъ въ подмерзшихъ лужицахъ.

Гдѣ-то громко, съ отчаяніемъ вопитъ котъ.

2. МЫ И НИНА.

Всѣмъ, конечно, извѣстно, что студенты перваго курса немного разочарованы въ жизни и „адски хорошо знаютъ женщинъ".

И я былъ студентомъ перваго курса.

Жили мы на линіи Острова и среди нашей коммуны только я одинъ былъ такимъ юнымъ и разочарованнымъ.

Волосатый и косматый „дѣдъ" естественникъ, отъ котораго нехорошо пахнетъ разными кислотами, Саша поэтъ и Миша—этотъ англичанинъ изъ глуши Воронежской губерніи — брѣетъ усы и смотритъ на насъ презрительно: у насъ нѣтъ никакого понятія о государственности, мы наивны, какъ дѣти, и восторженны, какъ телята.

У „дѣда" — очки и нелѣпо растерзанная борода, онъ говоритъ, что міръ это только соединеніе элементовъ, но потихоньку отъ насъ читаетъ Бальмонта и пишетъ стихи.

...Баранки восхитительно хороши на Васильевскомъ Островѣ—пухлыя и мягкія!

И когда чай—съ масломъ и сыромъ, всѣмъ проклятымъ вопросамъ гораздо дальше до разрѣшенія, чѣмъ тогда, когда чай съ обыкновеннымъ ситнымъ.

Послѣ чая восторженно гремитъ „дѣдъ" о значеніи науки. читаетъ свои сонеты Саша, а Миша, этотъ англичанинъ, тихо пиликаетъ на скрипкѣ сентиментальные вальсики. А я сижу и слушаю. Мнѣ хочется иногда тоже говорить красивыя слова или болтать вздоръ, но... эхъ! и безнадежно машешь рукой: юность ушла, женщина обманула... Я—былъ студентомъ перваго курса...

И вотъ однажды за стѣной прошмурыгали сапоги дворника и заскрипѣла, грузно поставленная на полъ, плетеная корзина. Чей-то дѣвичій голосокъ все время разсыпалъ звонкое серебро и въ нашей угрюмой квартирѣ сдѣлалось свѣтлѣе...

— Чаю! Мнѣ ужасно хочется пить!

Стѣны тонкія и у насъ все слышно... У Юліи Ивановны только одинъ самоваръ и онъ у насъ.

Мы всѣ какъ-то притихли и слушаемъ, даже не скрывая этого другъ передъ другомъ. Минуту спустя я стоялъ передъ незнакомкой и, опустивъ глаза въ землю, говорилъ, что у насъ самоваръ, но, не будучи знакомы, тѣмъ не менѣе имѣемъ честь и проч.

— У васъ самоваръ, collega, и вы хотите меня напоить чаемъ, это такъ мило, право! Я очень благодарна!

„Она не рѣшается, думая, что я одинъ", — предположилъ я...

— Насъ тамъ много, сударыня: Дѣдъ, Саша Миша и я!

Когда она вошла, въ комнатѣ стало свѣтло и запахло хорошими духами.

— Васъ, дѣйствительно, много!—разсмѣялась дѣвушка...—И всѣ вы такіе юные!

Дѣдъ подошелъ къ лампѣ и спросилъ, въ упоръ, строго глядя на дѣвушку:

— И я?

Но она не испугалась, и не сконфузилась, а только еще серебристѣе и звонче сталъ ея смѣхъ..

— И вы, несмотря на свою страшную бороду и отвратительные очки!

— Годы еще не есть абсолютное мѣрило человѣческой жизни! замѣтилъ Миша.

Мы узнали, что ее зовутъ Ниной, что она курсистка и больше ничего. Но она была умна и прекрасна. Ея дивные волосы, повязанные посрединѣ красной ленточкой, были цвѣта воронова крыла и, вѣроятно, мягкіе, какъ пухъ, потому что нѣсколько непослушныхъ волосиковъ, упавшихъ на лобъ, легко подымались отъ каждаго движенія.

Она говорила безъ умолка, смѣялась и шутила, но очень обидѣла Сашу, когда тотъ предложилъ ей прочесть свой сонетъ: она сказала, что не любитъ доморощенныхъ поэтовъ.

— Каждый поэтъ доморщенный, сударыня!—пробурчалъ Саша.

Когда она ушла спать, въ комнатѣ остался запахъ ея духовъ и шелестъ ея платья. А мы очень долго ворочались на своихъ постеляхъ, кромѣ Саши, который опредѣ ленно рѣшилъ, что „дѣвка—дура", и тихо спалъ.

У „дѣда"—химія, и онъ уходитъ рано, Саша встаетъ лѣниво, долго пьетъ чай и уходитъ, Миша спитъ. Я отлично знаю, что Миша сдѣлалъ изъ одѣяла искусный брустверъ и слѣдитъ оттуда за мной. Я тоже сплю. Медленно натягиваю одѣяло, мычу что-то нечленораздѣльное и тоже устраиваю себѣ прикрытіе.

— Странная, однако, манера спать съ открытыми глазами!..—слышится недовольный голосъ Миши.

Но я не уступаю.

— Не менѣе странно наблюдать за этимъ, укутавшись съ головой въ одѣяло...

Мы подымаемся оба вмѣстѣ.

Мнѣ начинаетъ казаться, что у этой толстоносой морды—узкіе, свиные глаза и все это англоманство—грубая карикатура.

За стѣной что-то стукнуло.

Конечно, тамъ, у себя на родинѣ, мы ходили по кривымъ улицамъ, мы ждали у темныхъ воротъ, мы знали, что дѣвушекъ принято цѣловать въ губы, но то—дома, а здѣсь...

Ниночка проснулась и умывается...

Миша смотритъ въ стѣну и, дѣлая видъ, что разговариваетъ со мной, произноситъ отчетливо и громко:

— Разумъ. Только разумъ холодный и острый есть творецъ жизни. Острыми щипцами беремъ мы сгустокъ бѣдной жизни...

Мнѣ кажется, что это красиво и должно произвести на Ниночку впечатлѣніе. Мнѣ досадно и завидно.

— Послушайте,—говорю я напрягая всю силу своихъ легкихъ,—послушайте, неужели, вы думаете, что мнѣ интересно слушать старыя, давно надоѣвшія, слова. Вы зазубрили ихъ годъ тому назадъ и таскаетесь, какъ нищій съ писанной торбой!

Все это я произношу, внимательно разглядывая противоположную стѣну, и только мелькомъ взглядываю на Мишу.

— Взялъ?..

„Милая Ниночка, я крѣпко, крѣпко возьму тебя за руку и буду любить всю жизнь... всю жизнь... А когда буду милліонеромъ или знаменитымъ юристомъ, ты будешь тогда самой счастливой женщиной въ мірѣ... Я такъ люблю тебя, Ниночка!..“.

„Миша убьетъ меня сейчасъ... Онъ возмущенъ, убитъ, но ничего не можетъ сказать, кромѣ тихаго:

— Очень глупо!

Ниночка стучитъ къ намъ черезъ стѣнку:

— Не ссортесь, colleg'и!..

Взять бы ее на руки, качать и пѣть тихую колыбельную пѣсню

— Баю-бай! бай!

Вдругъ кто-то стучитъ къ ней въ дверь. Входитъ и... мы слышимъ крѣпкіе, звонкіе поцѣлуи.

Мы съ Мишей долго не говорили...

Онъ пиликалъ свои тихіе васильки... А я еще больше разочаровался въ жизни.

3 НА СЕДЬМОМЪ ЭТАЖѢ.

У меня въ комнатѣ такъ много солнца... А когда закатъ бываетъ ярко пурпурнымъ и крыши домовъ мистическими силуэтами выступаютъ на его фонѣ, я пишу стихи... Дивныя строфы, на которыхъ редакторъ ставитъ короткую помѣтку —„обратно“.

Но... вѣдь Золя тоже жилъ на седьмомъ этажѣ...

Большую часть мѣсяца я питаюсь кипяченой водой.

Это—питательно и гигіенично,

Не пейте сырой воды, господа,—вы можете заболѣть холерой или тифомъ и умереть, а въ жизни—такъ много красокъ, въ особенно на седьмомъ этажѣ... Смерть—это вздоръ!

Когда у меня есть керосинъ, я пишу ароматныя, нѣжныя сказки о звѣздахъ, объ іюньскихъ ночахъ, о дѣвушкахъ.

Но я эту роскошь могу позволять себѣ не часто:

Надо имѣть бумагу, чернила, перья...

Но... вѣдь Золя тоже писалъ свои произведенія на бумажныхъ воротничкахъ...

Когда у меня нѣтъ керосина, я жду, когда загорятся окна противоположнаго дома и смотрю въ нихъ.

Подглядывать нехорошо, разумѣется, но...

Вотъ, какъ разъ напротивъ, живетъ курсистка... Она приходитъ въ бѣлой вязанной шапочкѣ, зажигаетъ лампу и долго долго сидитъ за книжкой. Къ ней иногда приходитъ студентъ, высокій угловатый, съ длинными волосами и такой широкой улыбкой...

Я тогда подставляю стулъ къ окну и смотрю въ открытую форточку... Онъ неуклюже размахиваетъ руками и рукава нижней сорочки постоянно высовываются...

Онъ ихъ прячетъ и конфузится.

Когда онъ уходитъ, дѣвушка долго не спитъ, она садится за книжку, но быстро закрываетъ ее, что-то пытается писать и рветъ бумагу.. И я думаю:

— А что если бы ты поцѣловалъ ее, милый!..

..А вонъ тамъ, ниже, мнѣ видны розовыя занавѣски... О! Тамъ живетъ красивая женщина.. Она долго сидитъ въ своемъ будуарѣ и передъ ней раскрытая книга. Это—стихи очень молодого и очень талантливаго поэта. Она понимаетъ ихъ такъ чутко и относится къ нимъ такъ бережно.

Разумѣется, этотъ поэтъ—я.

Мнѣ, право, было больно узнать, что въ этой квартирѣ живетъ какой-то электро-монтеръ, его женѣ лѣтъ 40 и ихъ—только двое...

... Хозяйка у меня—рыхлая, сырая и добрая старушка. Когда бьетъ 4 часа, она вноситъ въ мою комнату графинъ кипяченой воды и говоритъ.

— А вы такъ заработались, что совсѣмъ забыли объ обѣдѣ!

А и въ самомъ дѣлѣ... Я, торопясь, одѣваю пальто и иду обѣдать.

Долго хожу по улицамъ.

Хорошо бы сейчасъ найти сто рублей или свертокъ съ колбасой.

Если положить въ ротъ кусокъ хорошо прожареннаго бифштекса и крѣпко сжать его зубами, въ небо брызнетъ сокъ...

Впереди меня идетъ дѣвушка. Черное бархатное манто небрежно обволакиваетъ тонкіе контуры ея фигуры. Хорошо-бы подойти къ ней и сказать:

— День ослѣпительно солнечный. Вы молоды и прекрасны. Не поѣхать намъ покататься, мой автомобиль къ вашимъ услугамъ!

...Мой автомобиль...

Я медленно плетусь за нею. Здѣсь, гдѣ властвуетъ золото, гдѣ вмѣсто любви—купля-продажа, здѣсь, милая дѣвушка, мои пѣсни цѣнятся слишкомъ мало...

Я догоню ее, посмотрю въ ея глаза и навсегда оставлю ихъ въ своемъ сердцѣ... Я догоняю... я наравнѣ съ ней... Взглядываю... и, насвистывая небрежный романсъ, останавливаюсь у магазинной витрины...

Старая, высохшая дѣва, которая прожила не менѣе полувѣка... Но дороже всего всего стоила ея кокетливая улыбка...

— До свиданья!

Въ концѣ концовъ, все это не такъ ужъ плохо...

Я долго ищу сто рублей, но, вѣроятно, ихъ нашелъ кто-нибудь раньше меня, или никто не терялъ ихъ.

Когда я прихожу домой и разговариваю съ моей старушкой, я бываю всегда очень раздраженъ: эти возмутительныя столовыя, гдѣ все такъ дорого и такъ скверно. Право лучше немного переплатить и обѣдать въ ресторанѣ я, кажется, такъ и сдѣлаю...

Вечерами ко мнѣ часто приходитъ поэтъ. У него, какъ и у меня, очень длинные волосы и очень мало бороды и усовъ.

Мы читаемъ другъ другу свои произведенія, мы создаемъ новыя литературныя теченія, мы несемъ въ этотъ убогій міръ блѣдныхъ лицъ и недоваренныхъ суповъ свѣтлую радость искусства... Когда поздно ночью вы идете по улицѣ и увидите одинокій свѣтъ въ окнѣ седьмого этажа благоговѣйно снимите шляпу...

У каждаго изъ насъ есть прошлое.

Кто-то милый и грустный длинными, тонкими пальцами играетъ въ твоихъ золотистыхъ волосахъ и тихо говоритъ:

— Какой ты глупый, мой шалунишка! Какой ты глупый!

Но мамины пальцы сбросишь невольно и только тихо цѣлуешь ихъ... Дальше, тамъ—свѣтлое...

— Да здравствуетъ соціализмъ и люблю я васъ, Зиночка, безумно!..

Все это—мальчишество, сентиментальность и вздоръ. Въ маленькой каморкѣ седьмого этажа готовится радость жизни и когда мы ее, мой милый поэтъ, понесемъ людямъ, у насъ будутъ цвѣты, любовь и шампанское...

...Я говорю ей:

— Здравствуйте, Ида!

Ида хочетъ ѣхать на острова, закаты тамъ упоительны...

— Это пошлость, Идочка! Разряженныя дамы, сытыя физіономіи мѣщанъ, это—такое уродство!

Идочка одна ѣдетъ на острова...

Я найму автомобиль, я приглашу самую красивую женщину въ мірѣ, украшу ее розами и мы поѣдемъ мимо Иды...

И когда Ида улыбнется мнѣ привѣтливо и обѣщающе, я только медленно и почтительно раскланяюсь съ ней.

А потомъ я посвящу ей сонетъ... Это будетъ дивное сочетаніе музыки и красокъ. Объ этомъ сонетѣ говоритъ весь міръ, газетныя статьи посвящены мнѣ, книга моя раскупается нарасхватъ...

А я пойду къ Идѣ, стану передъ ней на колѣни и буду цѣловать ея крошечныя ручки... И я скажу ей:

— Моя королева! Весь міръ—мой! Самыя красивыя женщины будутъ принадлежать мнѣ, если только я захочу этого... но я люблю только васъ, моя жестокая, прекрасная королева.

Ида улыбается задумчиво и нѣжно,—такъ, какъ можетъ улыбаться только Ида, и будетъ своей точеной рукой ласково путать мои кудри...

. . . .

Я свищу бодрый, бравурный маршъ и тщательно свертываю вечернюю „Биржевку“.

Умѣнье жить, это—все-таки самое главное.

Я вкладываю газету въ ботинокъ и тамъ, гдѣ на мѣстѣ подметки зіяла дыра, аккуратно выглядываютъ печатныя строки.

Если идти, опираясь только на правую часть ступни, это будетъ походка немного усталаго человѣка и больше ничего...

Это даже красиво...

Воротничекъ я очень удачно перевернулъ на обратную сторону, а тамъ, гдѣ сѣрѣли рукава моего пиджака, я кладу мягкіе чернильные мазки...

...У Иды гости...

Если бы я былъ одинъ, я намазалъ бы.. масломъ огромный кусокъ хлѣба, положилъ сверху пласть ветчины и...

Это—правда, что, когда думаешь о кушаньяхъ, ротъ наполняется слюной... Ее выдѣляютъ какія-то железы...

Но у этого чистенькаго студентика—такой насмѣшливый взглядъ...

Я только что пообѣдалъ и мнѣ совершенно не хочется ѣсть, очень благодаренъ... Чаю? О, да! Съ удовольствіемъ!..

Однако, этотъ чистенькій студентикъ ѣстъ ветчину довольно оживленно и смѣется громко и раскатисто.

А Ида смотритъ на него очень благосклонно...

Какъ онъ отвратительно чавкаетъ!

У длинноволосаго, суроваго художника очень независимый видъ и ѣстъ онъ очень мало.

Мнѣ кажется, что у него тоже не все благополучно обстоитъ съ ботинками.

Когда Ида начинаетъ разговаривать со студентомъ о Шаляпинѣ, мое сердце сжимается и тихо падаетъ... Мнѣ остается одно.

Я отрицаю музыку, я терпѣть не могу оперы, а этотъ Шаляпинъ просто зычный крикунъ.

А Ида смѣется и говоритъ:

— Но вы достанете мнѣ билетъ. Не правда-ли? Вы поэтъ, у васъ литературныя связи... Вамъ это такъ легко!.

...Я ухожу, а студентъ остается. Ида хочетъ ему прочесть ему какое-то забавное письмо...

Художникъ идетъ со мной и тщательно обходитъ лужи.

Ты тоже идешь создавать новыя цѣнности. Ты нарисуешь глаза Иды, и, когда весь міръ будетъ говорить о твоей картинѣ, ты придешь къ Идѣ и скажешь:

— Моя королева...

Это такъ знакомо, мой милый, такъ знакомо!..

...Я тихо иду по улицамъ... Сѣтка дождя... Туманныя пятна фонарей...

Вода пробирается сквозь бумажную подметку и щекочетъ пальцы...

Но... какой вздоръ...

Вѣдь Золя тоже ходилъ въ порваныхъ ботинкахъ.

3. ИХЪ ПРАЗДНИКЪ.

У юнаго лирика были длинные волосы, печальные глаза и скверное настроеніе.

На улицахъ были толпы народа и разноголосый шумъ, въ которомъ рѣзко выдавались трамвайные звонки, поднимался къ небу. Всѣ были возбуждены и радостны и цѣпкая предпраздничная суета юрко бѣгала по улицамъ, щекоча сердца.

Юный лирикъ купилъ ветчины, бутылочку коньяку и коробку маринада. Сдѣлалъ онъ это, конечно, не потому, что завтра Рождество, а просто—„эти прохвосты считаютъ себя въ правѣ лѣнтяйничать и всѣ столовые будутъ закрыты“.

— Чепуха на постномъ маслѣ!

У него въ комнатѣ, маленькой каморкѣ седьмого этажа, было прибрано и на окна повѣшена новая гардина...

Юный лирикъ гордо ухмыляется, видя такую роскошь.

— Такъ... Такъ... Цѣлый годъ можемъ жить въ грязи, а теперь надо чиститься... Очищеніе... Праздникъ!.. какъ же можно!

Онъ хочетъ написать сильное и скорбное стихотвореніе объ этихъ скотахъ, которые изгадили жизнь... Но ему грустно и звучныя строфы совсѣмъ не идутъ изъ-подъ пера...

Слышно, какъ въ сосѣдней комнатѣ хозяйка

говоритъ своему мужу, что у ней чуть было не подгорѣли пирожки.

Лирику, который такъ тонко понимаетъ людей, досадно отъ этого разсказа...

— Пирожки, это—праздникъ... Это—радость ихъ жизни! Эхъ... толпа!

Когда-то дома, въ маленькомъ городкѣ, въ этотъ день убирали столы... Была ветчина, поросенокъ, икра...

— Хлѣбъ намазать икрой, сверху тоненькій кусочекъ индѣйки...

Лиряку хочется ѣсть, но онъ сумрачно тушитъ лампу и ложится спать.

— Завтра успѣется!—думаетъ онъ.

II.

На окнѣ морозъ нарисовалъ картину. Тропическій лѣсъ—стройныя пальмы, среди густыхъ папоротниковъ

— Ишь-ты! думаетъ лирикъ, разглядывая рисунки.—Талантъ. На душѣ—свѣтло, оттого, что праздникъ, и, кажется, что этотъ день принесетъ какую-то большую радость...

Когда онъ умывается въ кухнѣ, хозяйка говоритъ, что на улицахъ — гибель народа — „все идутъ, все идутъ“.

Потомъ она приноситъ ему къ какихъ-то пирожковъ съ вареньемъ.

— Кушайте, голубчикъ! Небось одному-то не сладко въ праздникъ!

Лирикъ краснѣетъ и, низко наклонившись къ столу, благодаритъ.

— Разнѣжничались тоже, — бубнитъ онъ, когда хозяйка ушла. — Очень нужно! Просили!

— Эти мѣщане понаставили себѣ въ жизни лубочныхъ картинъ и радуются. Тьфу.

Кто-то позвонилъ, простучали звонкіе шаги въ коридорѣ и дѣвушка въ осеннемъ пальто и дешевой шапочкѣ вошла въ комнату. Она покраснѣла, остановилась у порога и сказала конфузливо:

— Здравствуйте, Коленька! Съ праздникомъ!

Лирикъ, сдѣлалъ видъ, что отрывается отъ какихъ-то, ему одному извѣстныхъ думъ, говоритъ разсѣянно:

— Ахъ, это ты, Шура... Здравствуй! Раздѣвайся!

Шура принесла пирожковъ и немного телятины... Только пусть онъ не сердится... Совсѣмъ немного... Вѣдь онъ столько разъ угощалъ ее...

Лирикъ сердито машетъ рукой:

— А-а... ну, васъ!

Отъ Шуры пахнетъ морозомъ и духами.

— Вотъ я кофточку сама сшила! Нравится?

Аляповато. Бантъ какой-то кричащій и эти полоски—совершенно лишнія. Шура печалится и говоритъ, что она споретъ полоски... Это—ничего. А бантъ?.. Какъ же безъ банта?

Потомъ они пьютъ чай и Шура разсказываетъ, что въ мастерской передъ праздниками—уйма работы... Даже въ кинематографѣ ни разу не была...

Лирику хочется сказать, что ему грустно, но Шура не пойметъ, да и ныть передъ бабьемъ не въ его правилахъ.

— Коленька! — говоритъ дѣвушка, благоговѣйно смотря на лирика,.. — Коленька, прочитайте мнѣ ваши сочиненія!

Лирикъ небрежно, будто нехотя, роется въ бумагахъ и говоритъ:

— Не сочиненія, а стихи... Поняла?

— Ну, стихи... Никакъ не упомню!

Лирикъ читаетъ, что на коврѣ у фонтана сидѣла прекрасная гречанка, обрывала лепестки розы и бросала ихъ въ басейнъ.

Шура слушаетъ и ей такъ радостно и свѣтло сейчасъ...

— Коленька такой умный... Такой умный...

Она смотритъ, какъ раскрывается его ротъ, какъ сморщиваются иногда его брови и дрожатъ волосы.

Когда онъ кончилъ, Шура глядитъ на него, счастливо улыбаясь...

— Страшно трогательно!

Лирикъ досадливо бросаетъ бумаги на столъ и откупориваетъ коньякъ.

Они закусываютъ и лирикъ говоритъ, что хотя она ничего не понимаетъ, но, когда онъ будетъ знаменитымъ, онъ покатаетъ ее на собственныхъ рысакахъ...

Потомъ онъ разсказываетъ ей о Христѣ.. О томъ, что пришелъ Онъ къ людямъ злымъ и несправедливымъ и сказалъ имъ: Вы живете не такъ, надо любить другъ друга.

Разсказываетъ, что когда онъ родился и къ нему пришли мудрецы одѣтые въ бѣлые хитоны...

— Ты знаешь, что такое хитонъ?

— Нѣтъ!—отвѣчаетъ Шурочка и конфузится.

— Эта такая длинная, бѣлая мантія... Вотъ какъ дьяконъ носитъ въ церкви!

— Какъ капотъ! догадывается Шурочка.

Лирикъ сердится, но продолжаетъ говорить о томъ, что они принесли ему ладонъ, злато и смирну... какъ царю и Богу... Это было восхитительно красиво...

Когда поздно ночью Шура возвращается къ себѣ, она приклеиваетъ на страничкахъ своего дневника трамвайный билетъ и пишетъ каракулями „Сегодня съ этимъ билетомъ я ѣздила къ нимъ. Они мнѣ читали свои сочиненія ..“. Шура спотыкается, тщательно зачеркиваетъ „сочиненія“ и пишетъ„ стихи“... и „разсказывали про Господа нашего Іисуса Христа распятаго же за ны при понтійстемъ Пилатѣ“. Послѣднее она прибавляетъ по тому, что хорошо знаетъ вѣрую.

5. ЛИСЬЯ ШКУРКА.

I.

И вотъ я въ послѣдній разъ зашелъ въ этотъ милый глухой переулокъ. гдѣ живетъ Иванъ Петровичъ.

Старый, лохматый Калигула узнаетъ меня и дружелюбно машетъ хвостомъ.

— Прощай, Калигула,—уѣзжаю!

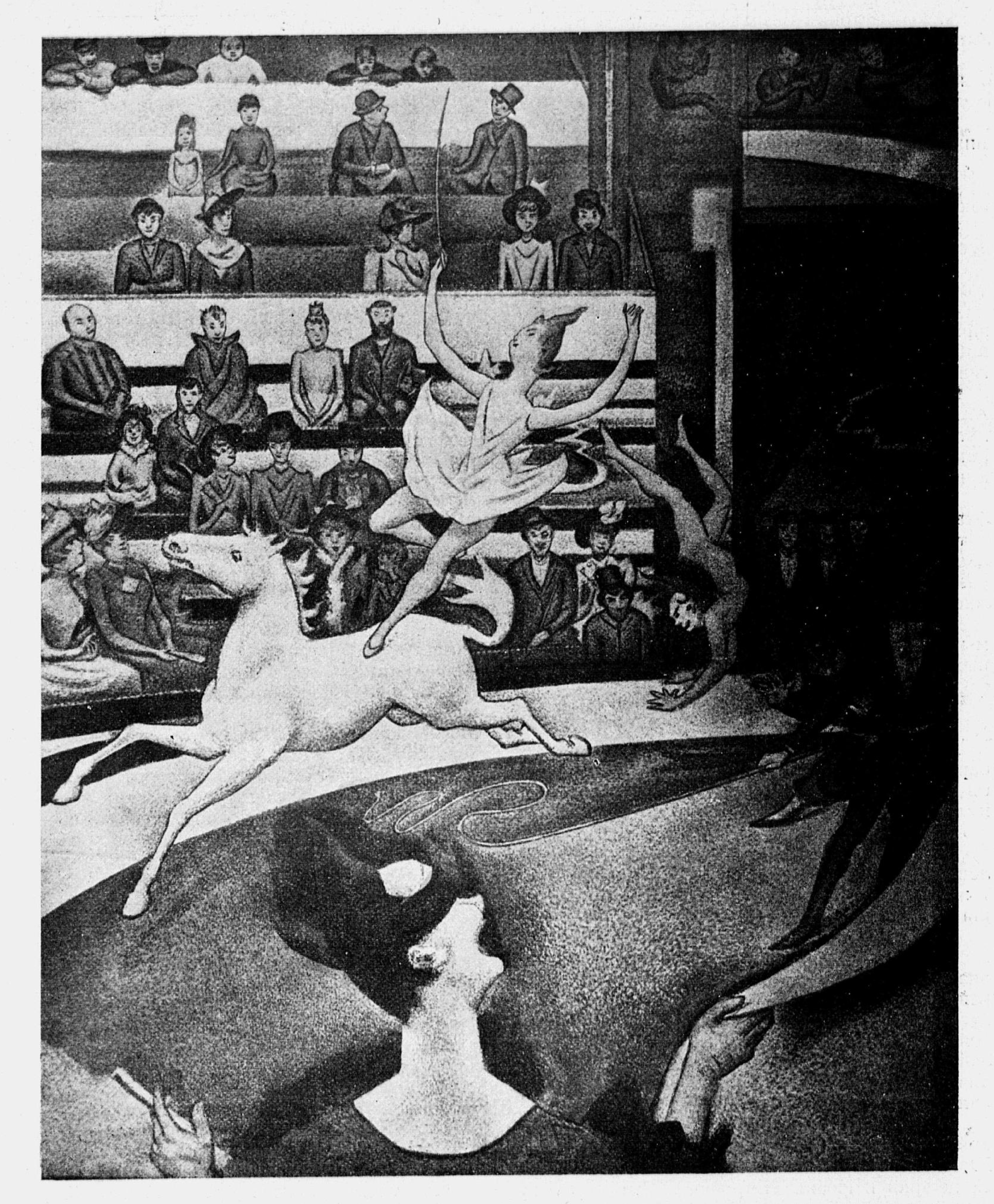
Калигула трется у моихъ ногъ, заглядываетъ въ глаза и изъ изъявляетъ живѣйшую радость,

— Ты невѣжливъ Калигула, ты невѣжливъ... Ты долженъ былъ немного погрустить, даже расплакаться... Пошелъ!

Знакомо трещатъ перила крыльца и дребезжитъ тускленькое стекло окна...

Иванъ Петровичъ знаетъ, что я пришелъ къ нему въ послѣдній разъ, и у него на лицѣ—выраженіе лукавой таинственности.

Въ маленькой гостинной, гдѣ створчатое зеркало въ рамкѣ „ рококо“, выцвѣтшіе портреты и старинные клавессины, Иванъ Петровичъ сервировалъ завтракъ. Посрединѣ, въ маленькомъ бокалѣ, запыленные бумажные цвѣты.



— Ну, какъ?

Иванъ Петровичъ указываетъ на столъ и ждетъ. Я говорю, что это очаровательно... Въ первокласныхъ ресторанахъ не сдѣлаютъ ничего лучше.

Иванъ Петровичъ покровительственно смѣется моему восхищенію и приглашаетъ садится.

— Я, батенька, на этомъ полъ-состоянія прожилъ. Надо бы научиться! Когда онъ былъ офицеромъ... Было это лѣтъ... да лѣтъ 30 тому назадъ.

— Такъ вотъ у васъ тамъ на Морской есть подвальчикъ такой... Мсье Жанъ содержалъ... Разговорчивый такой французъ... Въ очкахъ ходитъ:

Конечно, это — вздоръ тридцать лѣтъ... На Морской попрежнему подвальчикъ и тамъ чудаковатый и разговорчивый мсье Жанъ.

Потомъ идутъ женщины, черноокія красавицы, которя обманывали своихъ мужей и безумно любили его, Ивана Петровича ..

Много бриллiантовъ, женщинъ и шампанскаго..

Ивану Петровичу грустно отъ воспоминаній.

— Вѣришь-ль, какъ вспомню Питеръ... Такъ... — Старикъ безнадежно машетъ рукой и выпиваетъ рюмку какой-то настойки.

Мы говоримъ о пустякахъ, объ исправникѣ, о женѣ адвоката, которая устроила скандалъ въ клубѣ, о скукѣ...

Когда прощаюсь, таинственное выраженіе на лицѣ Ивана Петровича дѣлается ярче.

Постой-ка, милый!

Онъ приноситъ мнѣ плотно увязанный свертокъ, подаетъ и конфузится.

— Вотъ... Лисья шкурка, братъ... конечно, пустяки... ну, подаришь тамъ что ли!

Я благодарю и говорю, что, право, мнѣ некому дарить ее.

— Ну-ну, — лукаво, смѣется Иванъ Петровичъ,—знаемъ мы вашего брата... Небось какая нибудь красавица того... А?!. Онъ хитро подмигиваетъ и указываетъ на сердце.

— Какая нибудь баронесса тамъ или княжна.. А?.. А ты, братъ, вотъ что...—Иванъ Петровичъ дѣлаетъ паузу, подходитъ ко мнѣ, дѣловито берется за пуговицу пиджака и говоритъ серьезно и вдумчиво:

— Ты братъ разскажи, что ты самъ убилъ... Этакій, понимаешь дремучій лѣсъ, волки воютъ, а ты вотъ о ней думаешь, ее любить и для нее лисицу убивать идешь... Нѣтъ.. Ты, ей-Богу, разскажи, разскажи.,. Онѣ это любятъ... Вотъ со мной былъ случай...

Иванъ Петровичъ кончаетъ свой разсказъ, мы крѣпко цѣлуемся и я ухожу съ драгоцѣннымъ сверткомъ.

II.

Конечно, хорошо-бы подарить эту шкурку баронессѣ или княжнѣ... Подойти къ дѣвушкѣ съ нѣжной, прозрачной какъ стекло кожей, поцѣловать у ней руку и сказать:

— Мой нѣжный ангелъ.. Вотъ эта шкурка... „Ангелъ"... „Звѣздочка"... нѣтъ... Это—шаблонъ.., Я бы подобралъ изысканныя слова, полныя тихой музыкальностью... Такія нѣжныя, такія воздушныя...

Но... дѣло въ томъ, что княжны нѣтъ...

Ее зовутъ Таней... Она—не княжна, правда, она даже—не баронесса, но она—прекрасна... У ней—глубокіе, печальные глаза, нѣжные, бѣлокурые волосы и красивыя руки съ длинными, тонкими пальцами. Такіе пальцы бываютъ у талантливыхъ піанистовъ, а она не щадитъ ихъ для жалкой пишущей машинки... Но вѣдь это—вина судьбы... и только.

Я подарю эту шкурку Танѣ, и когда ко мнѣ придетъ художникъ Родриго и композиторъ Юрка, мы устроимъ балъ... Балъ въ честь лисьей шкурки и Ивана Петровича... Ему можно будетъ послать телеграмму...

Отъ двухъ князей и одной баронессы...

И я написалъ ей письмо... Маленькій, розовый кусочекъ бумаги, я надушилъ „персидской сиренью" и бросилъ въ почтовый ящикъ...

И я ждалъ ее... Я купилъ розъ и ландышей и поставилъ ихъ на столъ, гдѣ была изящная, золотистая коробка съ ирисомъ. А лисья шкурка, такая пушистая, отливающая атласомъ, лежала около... я ждалъ...

Въ 11 часовъ ко мнѣ пришелъ композиторъ Юрка. Онъ нетвердо стоялъ на ногахъ, ехидно улыбался, глядя на меня, покачивалъ головой и, наконецъ, спросилъ:

— Ждешь?

Это—странно. Мнѣ во всякомъ случаѣ лучше знать, что я дѣлаю.

— Нѣтъ, такъ, вообще..

— Ты врешь, голубчикъ!—Хладнокровно говоритъ Юрка.—Онъ закуриваетъ и сообщаетъ, что въ этомъ дѣлѣ замѣшанъ художникъ...

— Ей, видишь ли, понравилось, какъ онъ завязываетъ галстукъ! Юрка громко ухмыляется и, немного помолчавъ, выразительно тянетъ:

— Же е е-нщина!..

Мы пьемъ коньякъ и Юрка утѣшаетъ меня. Онъ говоритъ, что не все потеряно, по крайней мѣрѣ, онъ берется написать музыку къ моимъ стихамъ... Я ему разсказываю исторію со шкуркой:

— Ты понимаешь, не было дня, когда въ деревни волки не загрызали человѣка... Старики говорятъ, что не упомнятъ такого ужаса... И я изъ за нея пошелъ въ лѣсъ... Ты только представь себѣ... Одинъ. Съ жалкимъ, дробовымъ ружьемъ!.

Юрка говоритъ, что это—тема... Чортъ возьми! Это—блестящая тема!

— Вотъ ты идешь въ лѣсъ... ночь... Шумятъ деревья.. Буря.. Воютъ волки... Тра-ра-рамъ, тра-ра-ра-ра!..—Юрка раскачивается и создаетъ мотивъ.

— А въ твоей душѣ думы о ней... Такія, понимаешь ты, чертовски нѣжныя! Чертовски! Ля-ля ля, ля-ля-ля!

Потомъ Юрка предлагаетъ мнѣ продать шкурку... Онъ сейчасъ въ чертовской цѣнѣ... Можно получить пятьдесятъ рублей... Онъ даже берется сдѣлать это!..

Я внимательно смотрю на этого человѣка...

— Продать шкурку?! Эту шкурку!..

Я улыбаюсь укоризненно и печально.

— Ты—глупъ, Юрка!

III.

Я подарю эту шкурку какой-нибудь красивой и печальной дѣвушкѣ. Встрѣчу на улицѣ и скажу:

— Дѣвушка! Милая дѣвушка! Я одинокій поэтъ, у котораго есть лисья шкурка!..

Дѣвушка, разумѣется, спроситъ меня, почему я одинокъ. Потомъ мы пойдемъ къ ней и у камина я разскажу ей все... Это—ужасно красиво!

Я сажусь писать стихотвореніе про гордую царевну, которая приказала своему рыцарю достать рѣдкій жемчугъ... Но приходитъ Юрка и говоритъ, что мнѣ надо развлечься.

— Ты поблѣднѣлъ, осунулся!.. Одѣвайся!

Мы ѣдемъ въ скверный грязненькій шантанъ...

Художникъ Родриго уже сидитъ за столомъ, къ которому подводитъ меня Юрка.. Родриго смущенъ... Онъ говоритъ, что все это вышло такъ неожиданно, такъ случайно.

Я оправляю свои волосы немного театральнымъ жестомъ и долго трясу руку Родриго.

— Любовь—свободна, мой другъ!

Родриго обѣщаетъ нарисовать мнѣ картину, какъ я иду ночью въ лѣсъ, за лисицей.. Ему все уже разсказалъ Юрка...

— Это будетъ стильная вещица, чортъ возьми!

Около насъ много дѣвушекъ и мнѣ больно видѣть среди нихъ нѣжныя, красивыя лица, съ большими, наивными глазами...

— Если бы ты подарилъ шкурку какой-нибудь изъ нихъ, это, право, было бы не плохо!—думаю я...

— Послушайте, барышня!..

Она останавливается около насъ, лихо щелкаетъ пальцами и смотритъ, цинично раскачиваясь...

— Что?..

— Нѣтъ... Такъ... Я ошибся... Ничего. Проходите!

Я не подарю ей шкурки...

Мы уходимъ рано и Родриго отстаетъ отъ насъ на хорошо знакомой мнѣ улицѣ...

— Зайти мнѣ надо... пріятель одинъ... обѣщалъ!..

Юрка беретъ меня подъ руку... Господи! Развѣ женщины стоятъ того, чтобы изъ-за нихъ волноваться... Женщины это—тема...

— Ты понимаешь... Тема и больше ничего!.. Женщины это вотъ... И Юрка взвизгиваетъ какой-то нелѣпый, бурный мотивъ, гдѣ звуки зигзагами падаютъ въ пропасть...

Мнѣ идти дальше всѣхъ, я прощаюсь съ Юркой и иду одинъ... Впереди меня стукнула дверь подъѣзда и дѣвушка въ бѣлой вязаной шапочкѣ, легко спрыгнула со ступенекъ... Кто-то провожаетъ ее... Она оборачивается къ двери и звонкій дѣвичій голосокъ на мгновенье колышетъ тишину улицы:

— Не идите дальше, милая... До свиданья... Что вы'.. Здѣсь совсѣмъ близко!

Она закидываетъ боа и идетъ... У ней торопливая четкость шаговъ и каблуки звонко отстукиваютъ по мокрой панели...

Право, я пойду къ ней...

— Милая дѣвушка... Вы извините меня... Я не хочу причинить вамъ зло...

Она ускоряетъ шаги.

— Не бѣгите отъ меня... Я хочу только поговорить съ вами... Я—поэтъ... Я одинокъ, милая дѣвушка... Я хочу сдѣлать подарокъ...

— Отстаньте отъ меня!

Я говорю, что это вздоръ... Почему люди такъ боятся другъ друга... Мой подарокъ...

О, я хотѣлъ сдѣлать его любимой, но она измѣнила мнѣ...

— Слушайте, милая!

Дѣвушка въ бѣлой шапочкѣ бросается бѣгомъ впередъ и затихнувшія улицы разбужены отчаяннымъ дискантомъ:

— Дворникъ! Дво-о-о-рникъ!

Утромъ я продалъ шкурку татарину.

VI.

ВЕЧЕРИНКА.

Кода небо бываетъ сѣрымъ и съ брезгливой гримасой плюетъ на землю надоѣдливо нуднымъ дождемъ,—такъ скучно въ этихъ маленькихъ каморкахъ 5-хъ и 6-хъ этажей, гдѣ пахнетъ прогорклымъ лукомъ, за стѣной пищатъ дѣтишки и липкая сырость ползетъ по красненькимъ цвѣтамъ обоевъ...

Жизнь—безрадостна, наука—глупый сфинксъ, требующій жертвъ (Учебникъ Государственнаго права 3 р. 50 к. Безобразіе), а Надя—совсѣмъ обыкновенная женщина и ея загадочные глаза—вздоръ, женское лукавство и больше ничего!

Вчера она гуляла съ какимъ-то „котелкомъ"!..

...Надя... Эта милая, чистая Надя!

Жизнь принадлежитъ сильнымъ, батенька! И если у тебя нѣтъ лишнихъ трехъ рублей, ты долженъ уйти изъ нея... Уйти и больше ничего... Ясно, какъ апельсинъ!

Чайльдъ-Гарольдъ становится посрединѣ комнаты и, засунувъ руки въ карманы, демонически смѣется...

...У дѣвушки—красная лента въ волосахъ...

Городъ такой большой, большой... А она не была ни на одномъ концертѣ, ни на одномъ спектаклѣ... Въ гимназіи, когда устраивались балы, ей писали такія милыя, смѣшныя записки и подносили цвѣты. . Это было восхитительно... А здѣсь она—одна, совсѣмъ одна... Конечно, очень интересно на курсахъ... И профессора... они всѣ такіе умные... но... она... одна... Право, лучше умереть... На ея гробъ положатъ вѣнокъ изъ бѣлыхъ розъ, будутъ трогательно пѣть вѣчную память... И всѣмъ такъ жаль, такъ жаль ее... Она положила голову на руки и красная ленточка дрожитъ отъ рыданій...

Скучно въ каморкахъ 5-хъ и 6-хъ этажей, когда наступаетъ осень и идетъ надоѣдливо нудный дождь...

И когда уже всѣ корабли сожжены сзади и нѣтъ ничего впереди, человѣкъ покупаетъ бензинъ и, насвистывая самыя мрачныя вещи, чиститъ тужурку.

— Эти дикія вечеринки подъ дикую музыку.. Какая нелѣпость... Господи, какая нелѣпость!

Но ботинки у него блестятъ и онъ нѣсколько разъ сосредоточенно, серьезно нюхаетъ рукавъ своей тужурки:

— Чепуха! Бензинъ испаряется быстро!

* * *

Свѣтло и радостно. Горитъ большая электрическая люстра, а по стѣнамъ такіе изящные канделябры...

Пахнетъ духами... Простыми, дешевыми, но такими милыми.

Курсистки надѣли розовыя кофточки и ленты въ ихъ волосахъ такъ тонко приглажены.

Въ углу сидитъ студентъ съ длинными волосами и бородой... онъ размахиваетъ руками и говоритъ, что экономическій матеріализмъ — единственная возможность научно объяснить ходъ исторіи.

— Вѣдь вы согласны товарищъ Маруся!

О! Это совершенно ясно, что не нуженъ былъ бы здѣсь экономическій матеріализмъ, если бы не глаза Маруси. Дивные глаза!

Когда Маруся получаетъ записку и звонко хохочетъ читая ее, у студента печальный взглядъ.

Звуки вальса. Они такіе тихіе, плавные и всегда, когда играютъ вальсъ, хочется вспоминать о чемъ-то далекомъ, миломъ, куда-то навсегда ушедшемъ... Безвозвратно...

— Правда, вѣдь, Катя?

— Да, да... Вы о чемъ вспоминаете, Володя?

— Я думаю о моей юности, о моей первой любви и мнѣ грустно!

Катя поднимаетъ на Володю свои глаза большіе и ясные:

— Почему?

У Володи въ прошломъ много мрачнаго... Будущее? Хм! Слава Богу, онъ не зеленый гимнистъ, чтобы утѣшать себя этимъ миражемъ...

— Но, вѣдь, васъ могутъ полюбить!

Володя печально улыбается... Онъ знаетъ цѣну женской любви.

Но у Кати блестятъ глаза и когда они проходятъ темнымъ корридоромъ, она тихо беретъ Володю за руку.

* * *

— Вы не танцуете даже вальса?

У дѣвушки—точеный профиль и строгій, задумчивый взглядъ.

— Когда люди голодаютъ, стыдно танцовать!

— Хорошо. Но позвольте вамъ подарить эту розу, она такая же печальная, какъ вы!

Дѣвушка улыбается и беретъ розу.

— Вы говорите глупости!

Они разговариваютъ долго и потомъ идутъ подъ руку...

— Въ землячествѣ теперь такой застой, такой застой...

Потомъ они говорятъ, что любовь... это— очень хорошо, но надо быть сознательными...

А вотъ, бѣжитъ раскраснѣвшаяся курсистка... У ней маленькій бѣлый фартучекъ и ея лицо ужасно серьезно и взволновано.

— Это прямо несчастье, товарищъ Иванъ, прямо несчастье... Яблоки привезли, а они почти всѣ гнилыя!

У товарища Ивана крайне растерянный видъ, волосы у него растрепались и потъ катитъ градомъ.

— Какъ? Гдѣ?!

Онъ летитъ внизъ и нечеловѣческимъ голосомъ кричитъ на мальчишку въ фартукѣ:

— Скажи своему хозяину, что онъ мерзавецъ!.. Понялъ? И что мы гнилыхъ яблокъ не беремъ... Не беремъ! Понялъ?!.

Мальчишка сконфуженный и испуганный говоритъ, что онъ не съ яблоками, а съ пивомъ.

Товарищъ Иванъ сначала ошеломленъ, а потомъ конфузится.

— Ну... ты, братъ, прости меня... Я думалъ ты съ яблоками... Ты того, братъ, не сердись!

И, ужъ забывъ о яблокахъ, товарищъ Иванъ и курсистка въ бѣломъ фартучкѣ бѣгутъ вверхъ по лѣстницѣ и громко смѣются.

У нихъ страшно много дѣла... Надо осмотрѣть пиво, надо нарѣзать бутерброды... Публики такъ много, сборъ такой хорошій...

— Гдѣ булки, товарищъ Иванъ? куда вы дѣли булки? Господи!

Музыка играетъ... Тихія волны вальса качаются въ залѣ... Радостно свѣтитъ электричество и жизнь такъ прекрасна...

* * *

Когда у нихъ будутъ усы, бороды и новые фраки для вечеровъ, они, конечно, не будутъ покупать бензинъ и чистить тужурки... Но его запахъ—ѣдкій, непріятный, но такой безконечно милый, навсегда останется въ памяти, какъ запахъ ея духовъ, какъ запахъ тѣхъ фіалокъ, изъ которыхъ когда-то, давно-давно, ему сплела вѣнокъ милая дѣвушка... И эти маленькіе каморки превратятся въ воспоминаніяхъ въ дивные дворцы, въ которыхъ жила ихъ молодость...

VI.

САШКА.

ДѢТСТВО.

До десяти лѣтъ его звали Саша. Былъ онъ скромный и застѣнчивый мальчикъ, хорошо читалъ, пѣлъ жалобно священныя пѣсни, и, когда хотѣли укорить кого-либо изъ его сверстниковъ, говорили:

— Посмотри, какъ сидитъ Саша!

Саша склонялъ голову на бокъ, закатывалъ глаза къ небу, скромно вздыхалъ и смотрѣлъ ангельскимъ взоромъ.

Но вотъ однажды Сашей овладѣлъ духъ протеста.

— Почему это учитель всегда говоритъ въ классѣ?—задумался онъ.—Не попробовать-ли сдѣлать это мнѣ?

Попробовалъ. Вышелъ изъ-за скамьи, строго посмотрѣлъ на учителя и сказалъ:

— Ну-ка, потише!

Потомъ обернулся къ классу:

— Дѣти, прошлый разъ мы остановились...

Дальше ему продолжать не удалось... Былъ посаженъ въ карцеръ, обидѣлся и сказалъ:

— Хорошо!

Съ тѣхъ поръ началась его многострадальная карьера, во время которой имя его (оно теперь было Сашка) употреблялось съ какимъ-нибудь нехорошимъ прибавленіемъ...

У себя въ саду онъ устроилъ школу, куда собирались ребятишки со всей деревни. Надо сказать, что посѣщенія ихъ были не особенно безкорыстны, ибо Сашка опустошалъ предварительно всѣ ящики съ конфектами и пряниками въ лавкѣ отца.

Когда въ школу (настоящую) пріѣхалъ архіерей, ѣздившій по епархіи, Сашку за громкій голосъ выбрали прочесть молитву передъ ученіемъ. Сашка прочелъ... Когда его спросили, что онъ читалъ и гдѣ онъ это слышалъ, Сашка отвѣтилъ скромно, но съ достоинствомъ:

— Это я самъ сочинилъ!

Выгнали изъ школы...

— Что-же мнѣ съ тобой дѣлать, окаяннымъ? Научи ты мена, ради Христа!—плакала Сашина мать.

— Отдамъ тебя, мерзавца, въ свинопасы, будешь знать!—грозитъ отецъ.

— Къ Андрею или къ Никифору?—спросилъ Саша, называя двухъ сельскихъ свинопасовъ.—Отдай къ Андрею, онъ лучше!

Ну, вотъ тутъ и поговори съ нимъ!

Но Саша попалъ въ гимназію...

ОТРОЧЕСТВО.

Въ гимназіи Сашка исправился. Правда, онъ не прислуживалъ въ алтарѣ, не пѣлъ на клиросѣ, но учился хорошо и привозилъ домой похвальные листы.

Но когда, однажды, классный надзиратель уронилъ ручку и приказалъ Сашѣ поднять ее, Саша отвѣтилъ:

— Это не мое дѣло, Иванъ Иванычъ, позовите сторожа!

Сашу оставили безъ обѣда на три часа и потомъ инспекторъ разсказывалъ въ учительской:

— Вѣрите-ли, такъ на него кричалъ, что не то, что ребенокъ,—взрослый-бы не выдержалъ. Ногами стучалъ такъ, что до сихъ поръ пятки болятъ... Голосъ и сейчасъ хриплый... А онъ хоть бы что... Смотритъ такъ невинно и говоритъ, что-де сторожа за тѣмъ и приставлены, чтобы служить, за то и деньги получаютъ!..

Будучи въ третьемъ классѣ, Сашка занялся литературой и выпустилъ журналъ, въ которомъ была его передовица: „Что лучше—Будда или Магометъ, и какая между ними разница“.

Самъ онъ былъ буддистомъ, и по закону Божію всегда имѣлъ тройку.

Въ четвертомъ классѣ когда уже начались разговоры о томъ, что выкурить десятокъ папиросъ въ затяжку—дѣло совершенно пустяковое, и розовыя записки яркими пятнами красовались на темномъ фонѣ партъ, Сашка ушелъ отъ жизни. И когда ему прислали въ надушенномъ конвертѣ милыя строки съ вопросомъ, почему онъ такой хмурый, никогда не гуляетъ по Дворянской и не хочетъ познакомиться съ ней, Нюсей, Сашка отвѣтилъ: „Женщинъ я не люблю и прошу ко мнѣ не приставать“.

Узнавъ, что существуетъ языкъ эсперанто, онъ ревностно принялся за его изученіе и совершенствованіе, и черезъ недѣлю обратился къ классу со слѣдующей рѣчью:

— Гда учше нувъ зыкъ ой брелъ, шучить го!

Всѣ смотрѣли на него съ удивленіемъ, а Сашка стоялъ на кафедрѣ и, вдохновенно жестикулируя, продолжалъ:

— Чки ага дины каться мо жка уга!

Дѣло объяснилось очень просто. Сашка изобрѣлъ свой собственный языкъ.

— Это очень легко и просто! Этотъ языкъ— красивый и легче русскаго!

Потомъ Сашка увлекся Толстымъ... Долго изучалъ его непротивленіе злу и евангеліе, и однажды подошелъ къ директору, коснулся его плеча и, низко кланяясь сказалъ:

— Здравству, любимый братъ мой, Никодимъ!

Пріѣзжалъ отецъ и упросилъ. Мальчишку не исключили.

А на перемѣнѣ Сашка подошелъ къ директору и заявилъ:

— Вы не безпокойтесь, я въ Толстомъ, кажется, разочаровался!

Въ седьмомъ классѣ Сашка рѣшилъ спасать человѣчество отъ смерти.

— Смерть есть причина всѣхъ несчастій. Надо уничтожить причину!

Занимался физіологіей. Однажды ночью изъ его комнаты раздались раздирающіе душу звуки. Взломали дверь, которую ни за что не хотѣлъ отпирать Сашка, и увидѣли привязаннаго къ столу кота, которому Сашка тщательно выбривалъ брюхо.

Когда омертвѣвшее отъ ужаса животное освобождали отъ путъ, Сашка стоялъ, по-Наполеоновски скрестивъ руки на груди, и грустно качалъ головой.

— Толпа! Мелкая, ничтожная, глупая толпа!

Потомъ Сашка занялся изготовленіемъ химическаго экстракта, замѣнявшаго людямъ пищу.

На другой же день его попросили оставить комнату, гдѣ онъ жилъ, ибо невѣроятный ароматъ химическихъ работъ отравлялъ воздухъ...

Когда Сашка кончилъ гимназію, онъ рѣшилъ заняться столярнымъ ремесломъ, но уговорили родители, и онъ поступилъ въ университетъ.

ЮНОСТЬ.

Прежее всего Сашка занялся опроверженіемъ таблицы Менделѣева.

Исписалъ десять листовъ бумаги, составилъ про свою собственную и отнесъ къ профессору.

— Ерунда!—отвѣчалъ тотъ, посмотрѣлъ неровные каракули.—Форменная ерунда!

— Хорошо!—сказалъ Сашка и подалъ слѣдующее заявленіе ректору:

„Ввиду того, что цѣнность естественныхъ наукъ находится подъ большимъ сомнѣніемъ, прошу о переводѣ меня на юридическій факультетъ“.

Перевелся, пробылъ двѣ недѣли и перешелъ на математическій.

„Не имѣю желанія изучать то, о чемъ сами преподающіе не знаютъ, ибо до сихъ поръ не выяснено, что такое право“.

На математическомъ занялся астрономіей, и черезъ два дня открылъ какую-то звѣзду, назвалъ ее Alexandrastella и подалъ заявленіе профессору. Когда ему отвѣтили, что эта звѣзда уже давно открыта, Сашка пожалъ плечами:

— Ну, что дѣлать, я ее тоже открылъ совершенно самостоятельно!

Потомъ Сашка влюбился. У нея были бѣлокурые волосы и лукавые, игривые глазки...

— Саша! Вы—страшный чудакъ!—говорила она и звонко хохотала.

А Сашка краснѣлъ, улыбался и бубнилъ однотонно, что онъ—не чудакъ, а просто ищущая натура...

Однажды онъ сказалъ ей:

— Остригите ваши волосы, Лидочка!

Лидочка расплакалась и выгнала Сашу, онъ хотѣлъ повѣситься, но раздумалъ и написалъ изслѣдованіе о женщинѣ. Озаглавилъ его—„Въ чемъ я расхожусь съ Вейнингеромъ“ и понесъ въ журналъ. Не приняли.

Потомъ Сашка уѣхалъ. Бросилъ университетъ и поступилъ сельскимъ учителемъ. Составилъ собственную азбуку, объяснялъ дѣтворѣ сущность Буддизма и черезъ недѣлю былъ изгнанъ.

Тогда Сашка занялся сельскимъ хозяйствомъ. Продалъ отцовскую лавочку и домъ, снялъ землю и посадилъ табакъ, виноградъ и апельсины... Потомъ онъ самъ разсказывалъ:

— Понимаете, все было расчитано... Колоссальные барыши... Одно выпустилъ изъ виду, мелочь, деталь... Не разсчиталъ, что въ Вологодской губерніи не вызрѣетъ все это!.. Пустяки!

Сейчасъ Сашка въ Сибири ищетъ золотоносныя жилы.

Борисъ Эффимъ.

А. Любимовъ.

Три Офорта.

1. Въ ОКНО.

Они давно разошлись злобно, полные ревности и невысказанной горечи... Все затаенное въ душахъ, заглушенное измѣной и ненавистью, словно пропасть отдѣляло ихъ другъ отъ друга и выросло въ чудовищное ночное дерево, почти сказочное, съ зелеными, проникающими въ темныя извилины чувствъ, глазами, которые увидѣли...

Въ окно шестого этажа, внизу, на залитой яркимъ веселымъ свѣтомъ, улицѣ, среди торжественнаго шума пасхальной ночи:

Ея автомобиль остановившійся у самаго его дома, она сидѣла съ кѣмъ-то, чужимъ, и поеживалась въ своемъ лѣтнемъ костюмѣ отъ холодного воздуха весенней ночи..

— Какъ ей холодно! Она можетъ простудиться, какая неосторожность!—подумалъ онъ и приникъ лицомъ къ стеклу.

2. НА НАБЕРЕЖНОЙ.

Набережная съ каменными высокими домами такъ прекрасно перемѣшивающимися своими красками: бѣлыми, желтыми, сѣрыми, зелеными и красноватыми. Вдоль нихъ чинно выступаютъ гуляющіе, вышедшіе встрѣтить ранній весенній день, вотъ прошелъ офицеръ съ двумя дамами, а за ними, улыбающіяся въ какихъ то необыкновенно веселыхъ шляпахъ, дѣвушки, онѣ кого-то догоняютъ...

А вдоль гранита у рѣки толпятся правовѣды, какіе-то военные, стоятъ прислонившись спиной, къ блестящему на солнцѣ камню, они не видятъ ни синей рѣки, ни радостныхъ лицъ, а стараются разглядѣть въ мелькающихъ моторахъ и экипажахъ знакомыхъ и во время поклониться... Или проводить взглядомъ одиноко сидящую въ открытомъ автомобилѣ скучающую женщину... Мимо нихъ проходятъ пары, тоже занятые только собой; вотъ прошла прелестная дѣвочка съ распущенными волосами, въ короткомъ, до колѣнъ, пальто, а за нею гувернантка...

Передъ ними нянька въ кокошникѣ толкаетъ колясочку съ какимъ то розовымъ существомъ во всемъ бѣломъ...

А посреди улицы, по торцовой мостовой, вереница моторовъ и экипажей катитъ безпрерывно впередъ и уноситъ на своихъ мягкихъ подушкахъ стариковъ, они видятъ все: и радость дня и шумное оживленіе гуляющихъ,—они созерцаютъ спокойно разыгрывающійся здѣсь спектакль изъ ихъ давно ушедшихъ дней..

Но они не ощущаютъ его.

3. ВЪ КАФЭ.

Здѣсь все въ полутонахъ... Кафэ пріютъ и покровитель маленькихъ таинственныхъ намековъ, которые быть можетъ, со временемъ, станутъ тайнами—когда выйдутъ изъ этой тѣсной, съ зеркальными стѣнами, залы. Маленькіе круглые столики благопріятствуютъ ненужной близости, колѣни соприкасаются... И иногда столикъ подскакиваетъ, взволнованный толчкомъ, словно на спиритическомъ сеансѣ. Здѣсь отъ четырехъ до пяти бываютъ и дамы изъ общества и пьютъ горячій, безвкусный чай. И заѣдаютъ глотки красноватаго напитка кусочками кекса, испещреннаго изюминками, онъ крошится, разсыпается какъ и ихъ мысли... Возлѣ безобразно-круглыхъ чайниковъ стоятъ бѣлые кувшинчики со сливками... Между столиками снуютъ неслышными шагами лакеи, а неудобные стулья невольно напоминаютъ о мягкихъ, удобныхъ диванахъ

Татіана Шенфельдъ.

1. „ЖИЗНЕННОЕ„.

Милой Эдѣ.

Я шелъ по мосту... Внизу протекала рѣка... Играло весеннее солнце... И дразнило своей теплотой... Весна побѣдоносно внесла нѣгу, пестроту своимъ приходомъ... Да,—я шелъ по мосту. Около перилъ стояла дѣвушка и смотрѣла въ воду. Сняла перчатку, бросила... Сняла другую, и тоже долго глядѣла какъ уносило теченіе. . Я тихо подошелъ и спросилъ:

— Зачѣмъ?

— Ему!

— Давно?

— Недавно! И дѣвушка ушла, и пока шла по мосту, все глядѣла какъ плыли перчатки по черной и мутной рѣкѣ.

Я ее больше никогда не видѣлъ.

2.

Милой Эдѣ,

Я люблю писать о чемъ нибудь... Такъ просто возьмешь ручку и начнешь писать... Пишешь и не знаешь о чемъ... Мысли бѣгутъ, слагаютъ образы, картины и создаютъ нѣчто цѣлое...

И самъ не знаешь, что создать можешь никому не нужное, плохое, ничтожное, а можешь великое... Часто меня прерываютъ и не даютъ мнѣ писать... Вотъ сейчасъ, я пишу и слышу за стѣной кто-то кричитъ: „Посмѣй только, я полицію позову... Это законную жену... Ахъ ты сволочь!..". Гдѣ-то плачетъ ребенокъ... На мигъ умолкаетъ, но потомъ снова начинаетъ плакать. На дворѣ залаяла собака... Путаются мысли... Застилаются туманомъ... Падаетъ изъ рукъ перо... И больше не пишешь.

Абрамъ Лане.

4. МЕСТЬ КРАСОТЫ.

(сказка).

Она жила далеко далеко отъ земли въ звѣздномъ замкѣ. Когда не слышно спускалась на землю ночь и утопали города въ лиловыхъ сумеркахъ, въ таинственной глубинѣ неба блѣдно загоралась тускло серебрянная дорога. Она вела въ ея далекую страну. Вѣчная весна царила въ ея странѣ. Благоухали алыя розы и изумрудные акантусы, гирляндами увивая мраморные порталы. Золотыя курильницы струили ароматъ сжигаемыхъ благовоній и, утопая въ ихъ струяхъ, звучала тихая музыка, сплетаясь въ серебрянные хороводы. Свѣтлая и радостная, вѣчная и прекрасная, она рождала невѣдомыя мелодіи и, на солнечныхъ лучахъ, спускалась на планеты. Разцвѣтали голубые цвѣты, зеленѣли деревья, упоенно шептали листья, ища жадныхъ объятій, а юноши влюблялись въ дѣвушекъ и слагали пѣсни о красотѣ и любви, пьянѣя отъ аромата цвѣтущей сирени. Эти мгновенья называли люди весной.

Но это было давно. Съ тѣхъ поръ какъ построили люди каменно стальные города съ безвыходными лабиринтами улицъ, они забыли о ней. Подъ шумъ машинъ, подъ грохотъ паровыхъ молотовъ люди молились новому Богу—стали и золота! Старый магъ и мудрецъ, царь земли, Разумъ, оковавшій жизнь рядами цифръ, изгналъ ее. Когда цвѣли сирени и пѣли за рѣкой соловьи, а на небѣ пылалъ золотисто-багровый костеръ, она бродила въ вечерѣющихъ рощахъ въ вѣнкѣ изъ молочно бѣлыхъ лотосовъ. И юноши и дѣвушки, и цари и рабы, забывая все на свѣтѣ, искали любви опьяненныя ея пѣсней. А она пѣла: „Живите! Наслаждайтесь жизнью! Посмотрите какъ изумрудны лѣса, какъ лазурно небо, какъ прекрасны юноши и дѣвушки!? Поменьше здраваго смысла, — красота и любовь властвуютъ подъ міромъ. И уходили люди изъ городовъ, въ лѣса и рощи и сплетали дѣвушки въ честь ея вѣнки, а поэты слагали гимны: Красота и любовь! Красота и любовь!.

Старый магъ и мудрецъ, оковавшій жизнь рядами фиръ засѣдалъ 33 дня въ своей высокой башнѣ окованной сталью. Онъ сказалъ людямъ своимъ рабамъ:

— Она разрушаетъ намъ то, что мы создаемъ—города!".

Ее схватили и сожгли когда она пѣла за рѣкой въ вечерѣющихъ рощахъ о красотѣ и любви. Она живетъ съ тѣхъ поръ съ своемъ звѣздномъ замкѣ. Люди забыли о ней. Стѣны замка считаютъ они далекими звѣздами, огненными солнцами, а тускло серебрянную дорогу, перекинутую надъ землей,—млечнымъ путемъ. Города оковали землю каменно-стальнымъ панцыремъ, съ змѣистыми улицами, съ гигантами домами и люди утонули въ нихъ, блѣдныя измежденныя люди, съ пунктуально размѣренными душами.

Но не всѣ забыли ее. Небольшая группа людей, которыхъ въ городахъ называли поэтами, помнила ее и хранила ее завѣтъ. Въ городахъ поэтовъ считали самыми безполезными и презрѣнными людьми. Держали они себя, странно, вызывающе. Не признавали власти стараго мага Разума, жили на чердакахъ, превращали день въ ночь, а ночь въ день, отвергали всякіе порядки, и пѣли о какой-то дѣвушкѣ въ вѣнкѣ изъ молочно-бѣлыхъ лотосовъ, которую никто не видѣлъ, и о которой никто не слышалъ. Пѣли о какихъ-то алыхъ цвѣтахъ, о вѣчной веснѣ царящей въ звѣздномъ замкѣ. Звали въ эту вѣчно прекрасную страну счастья и любви,—гдѣ царитъ она, ихъ королева, — дѣвушка въ вѣнкѣ изъ молочно-бѣлыхъ лотосовъ. И никто изъ людей города не слушалъ ихъ, пѣснь утопала въ грохотѣ работающихъ машинъ. Но это только казалось... Когда пѣсня долетала до звѣзднаго замка, она ихъ королева, брала арфу и, на солнечныхъ лучахъ, долетала до земли упоенная мелодія. Сурово хмурились тогда сѣдыя брови стараго мага. Въ грохотѣ машинъ различали люди, что-то непонятное,—это были звуки мелодіи. Непонятное безпокойство и тоска охватывали ихъ пунктуально размѣренныя души. Они бросали работу и искали лѣсовъ. Лѣсовъ не было. Зеленѣли только обезсиленныя деревья городовъ, выростала тощая трава въ скверахъ а въ промежуткахъ между домами призывно улыбались клочки неба. Старый магъ безпокойно шагалъ въ своей высокой башнѣ окованной сталью, и хмурилъ сѣдыя брови. И хмурились злобно съ нимъ вмѣстѣ дома и змѣистыя лабиринты улицъ.

„— Уничтожить деревья! Вырвать траву! Пусть громче громыхаютъ паровые молоты, свистятъ ремни, рыдаютъ шестерни,—заглушая эти проклятые звуки, лишающіе людей разсудка. А этихъ поэтовъ схватить и засадить въ дома для сумашедшихъ. Нѣтъ ихъ солнечно-прекрасной страны! Есть города!!

Поэтовъ схватили и посадили въ дома для сумашедшихъ. Умолкли ихъ пѣсни. Разошлись морщины на лицѣ Разума, люди успокоились и возвратились къ работамъ. Гудѣли ремни, рыдали шестерни, лязгала сталь,—говорилъ старый магъ.

— Тайна внѣ насъ! Наши машины разрушаютъ ее—я буду властелиномъ „вселенной"!.

О поэтахъ, заключенныхъ въ дома для сумашедшихъ, забыли. Но было больше весны, не раздавалось больше пѣсенъ смущающихъ покой пунктуально размѣренныхъ душъ. Поэтовъ забыли. Но не умерли поэты! Въ домахъ для сумашедшихъ, за толстыми стальными стѣнами, они пѣли свои гимны. Они призывали ее сойти вновь на землю, чтобы отъ ея улыбки цвѣли голубые цвѣты, деревья, травы, звучала пѣснь соловья въ вечерѣющихъ рощахъ, и благоухали бѣлыя лиліи въ тихихъ заводяхъ, таинственно осеребренныхъ луною.

И она пришла.

Съ утра солнечно алѣло небо, будто жгли гиганскій золотисто багровый фейеверкъ. Замерли города, остановились машины, и проклинали безсильно улицы и каменно стальные дома.

Она пришла. Она спустилась на солнечной колесницѣ, которую мчали 12-ть огненныхъ лебедей. Въ вѣнкѣ изъ молочно бѣлыхъ лотосовъ, съ лицомъ радостно свѣтлымъ. Она играла на арфѣ. Отъ радостно могучихъ звуковъ таяла холодная сталь, исчезали дома, а въ безсильно проклинающихъ улицахъ расцвѣтали золотисто-алые цвѣты. Шумно восторженными толпами шли за ней люди. Крѣпли мускулы, загорались взоры и то, что раньше дремало просило выхода. Пламенѣлъ румянецъ на блѣдныхъ щекахъ, губы

все громче и громче шептали: Красота и любовь! Красота и любовь!

Пока говорила восторженно прекрасная; вся—солнце!; вся—любовь!; вся—красота!

— Живите! Наслаждайтесь жизнью! Поменьше здраваго смысла. Красота и любовь властвуютъ надъ міромъ!

Старый магъ Разумъ въ безсильи метался въ высокой башнѣ, окованной сталью. Онъ видѣлъ какъ рушились города, какъ по всей землѣ расцвѣталъ благоухающій садъ, и бѣжали шумно возбужденныя толпы. Онъ сознавалъ свое безсилье. Онъ чувствовалъ какъ дрожатъ стѣны стальной башни — его послѣдняго оплота. Онъ проклиналъ безсильно старческими проклятіями. Напрасно... Растаяла сталь—рухнула башня. Тѣнистая съ серебрянымъ прудомъ беззвучно дышала, и кружилась голова отъ аромата цвѣтовъ. Старый магъ шелъ путаясь въ высокой травѣ. Роща тонула въ фіолетовыхъ сумеркахъ мелькали люди, шуршали раздвигаемые кусты, замиралъ серебристый смѣхъ дѣвушекъ. Недалеко отъ разума шли обнявшись дѣвушка и юноша, головы ихъ были убраны вѣнками розъ.

— Она прекрасна!—говорилъ юноша:

Лицо ея—солнце! Пѣснь ея—жизнь! Я упалъ передъ ней на колѣни, а она мнѣ бросила розу изъ вѣнка вѣнчавшаго ея чело. Эту розу я подарилъ тебѣ...

— Милый какъ хорошо любить! — шептала радостно дѣвушка. Какой правда дуракъ этотъ Разумъ! Онъ вѣроятно и не думаетъ, что такъ хорошо безъ его „здраваго смысла".

Старый магъ Разумъ недовольно нахмурилъ брови, и отошелъ въ сторону, дѣлая видъ, что не слышитъ. Навстрѣчу шептала сладострастно трава, вздыхали томно розы, на вѣтвяхъ, вдохновенно мечтали соловьи. Старый магъ хотѣлъ обойти кусты, изъ подъ которыхъ слышался заглушенный смѣхъ, какъ вдругъ кто-то взялъ его подъ руку. Стояла дѣвушка въ вѣнкѣ изъ анемоновъ съ призывно-искрящимся взоромъ.

— Скажите пожалуйста?.—Онъ одинъ!—прощебетала она такимъ нѣжнымъ голосомъ, что у стараго мага забѣгали по спинѣ огненныя мурашки.

— Когда все поетъ о красотѣ и любви,—онъ одинъ!

Дѣвушка сняла съ себя вѣнокъ и ловкимъ движеніемъ увѣнчала имъ его чело.

— А она, ей Богу, недурна — подумалъ Разумъ: какъ это я раньше не замѣчалъ?

— Гдѣ-же ваша королева?—спросилъ онъ ее, чтобы скрыть охватившее его чувство.

— Онъ не знаетъ гдѣ королева!? Скажите пожалуйста, онъ не знаетъ гдѣ королева! Послѣ того какъ она разрушила городъ, и изгнала царя Разума, она бродитъ по рощамъ и поетъ аккампанируя себѣ на арфѣ.

Вздрогнула мягкая фіолетовая полумгла, запѣли громче соловьи, задышали порывистѣе цвѣты,—дѣвушка увлекла его къ серебрянымъ прудамъ гдѣ голосисто и влюбленно квакали лягушки...

Утромъ когда взошло солнце и алѣло золотистое небо, изумрудный садъ окутавшій всю землю дымился и благоухалъ. Въ рощѣ, у серебрянаго пруда, на обрызганной росой травѣ сладко спалъ обнявшись съ дѣвушкой потерявшій голову старый магъ Разумъ.

Это была месть красоты.

Грааль Арельскій.

ЛЯЛЕЧКА БОЛЬНА.

Сѣренькій день пожалѣли грустящіе сумерки и тонкой задумчиво-синеватой дымкой ласково повисли, затуманили его. Тишина вечерняя замерла въ комнатахъ кроткая, покорная... Лялечка затихла на кровати, подъ бѣлымъ одѣяломъ. Крѣпко прижала къ груди мамину руку. Пугливо смотритъ лихорадочно мерцающими, черными глазами куда-то далеко... глазами десятилѣтняго ребенка, подернутыми легкой поволокой пробуждающей вдумчивости, пытливаго отношенія къ жизни. Мама ле...итъ рядомъ. Ея бѣлое матинэ такъ похоже на легкое платье тоненькой, шаловливой дѣвочки, отъ которой пахнетъ весной.

Тихо... мама задумалась, а папа въ сосѣдней комнатѣ перелистываетъ книгу. Не уходитъ. Дома остался.

Лялѣ жарко. Открыла ротъ и дышетъ... скоро такъ. Смотритъ на маму долго, пристально.

— Мамочка!

У мамы взглядъ безпокойный, безпомощный

— Что дѣтка?

— Ничего... я такъ!

Отпустила мамину руку, повернулась на бокъ, шумно вздохнула. А стулъ въ кабинетѣ загремѣлъ. Папа зашагалъ. Стройный, въ синемъ костюмѣ, а волосы, какъ золото. Стоитъ въ дверяхъ улыбается Лялѣ а смотритъ въ сторону, на маму.

Мама не обернулась. Лежитъ какъ раньше.

— Знаешь... я за докторомъ пошелъ-бы!..

Мама молчитъ.

— Пойти?..

Папа дѣлаетъ два шага впередъ, но къ кровати не подходитъ. Какъ будто между нимъ и Лялей преграда есть какая-то, какъ будто лежитъ на пути что-то, что мѣшаетъ подойти ближе.

— Къ чему идти... сказалъ, вѣдь что вечеромъ будетъ! Укройся, Лялечка!

Мама набрасываетъ на плечико одѣяло, отворачивается еще больше отъ двери.

Стихла. Папа стоитъ. Переступилъ съ ноги на ногу... Какъ будто не знаетъ, говорить-ли еще, остаться-ли здѣсь, или уйти опять въ кабинетъ. И по морщинкѣ на лбу у Ляли видно, что хочется ей сдѣлать что-то, сказать папѣ что-то нужное и ласковое, но не поймётъ, не уловитъ никакъ, что именно... и молчитъ. Папа вздохнулъ, но оборвалъ вздохъ. Опять ласково улыбнулся Лялѣ и медленно вышелъ. Замурлыкалъ что-то, но мотивъ робко и смущенно поколебался и сгасъ... не вышло. Снова шелестятъ листы, но ясно, что папа не читаетъ. Нарочно дѣлаетъ видъ, что занимается, но по самому этому шелесту листовъ, неровному, торопливому, можно понять, что ему не до чтенія.

— Лялечка, усни, дѣтка!

— Не могу, не хочется!.. Тебѣ скучно, мама?!. Я не боюсь одна. Я буду лежать тихо, а... тебѣ вѣдь скучно?.. Поди къ папѣ! Вы давно уже не читали вмѣстѣ!..

Пытливо смотрятъ большіе лучистые глаза, будто хотятъ своимъ блескомъ озарить душу мамы. У мамы брови дрогнули.

— Отчего ты думаешь, что мнѣ скучно?.. Хочешь, я тебѣ разскажу что-нибудь?!

— Хорошо!..—тянетъ Ляля и въ голосѣ ея бьется какая-то непонятная мольба, своя невысказанная думка.

Мама говоритъ медленно, однотонно и руки у нея такія тонкія, бѣлыя и кружево матинэ то поднимается, то опускается на груди.

— Папа!—вдругъ прерываетъ ее Ляля.

— Папочка, иди сюда!.. Тебѣ тамъ скучно одному!

Тоненькая фигурка сѣла въ постели, черные кудри спутались на щекахъ румянецъ.

— Сиди съ нами!.. Вотъ здѣсь, на кровать сядь!..

Мама быстро встала, отошла къ шкафу... бѣлье перебираетъ.

— Ты звала меня дѣтка?

Горячей рукой дотрагивается Ляля до папиной шеи, притягиваетъ его къ себѣ.

— Садись!.. Чего ты тамъ одинъ все?... Па-апочка!..

Глаза у папы голубые, а тоска въ нихъ сейчасъ такая-же, какъ и въ черныхъ глазахъ Ляли. Молча поцѣловалъ ручку.

— Горячая ты какая!..

— Папочка, чего ты такой... не веселый?..

А безпокойный, тоскливый взглядъ впился въ маму... нѣтъ! Лицо у нея суровое, неподвижное. И только нервная, трепетная жилочка на шеѣ знаетъ, что ей хочется плакать.

— Лучше я пойду, дѣтка!.. У меня работа. Я долженъ закончить ее. Закончу, тогда приду, хорошо?!

— Ну, иди!.. задумчиво пытливъ взглядъ Ляли.

— Иди... только кончай скорѣй.

Гаснутъ вечерніе сумерки и чернымъ флеромъ обвивается синяя грусть. Мама, какъ бѣлое изваяніе замерла у окна.

Стихъ шелестъ листовъ въ кабинетѣ и тишина говоритъ о томъ, что въ нѣдрахъ ея затаилось нелегкое горе.

— Мамочка, помнишь, какъ лѣтомъ папа тебѣ большую книжку подарилъ.. ты поцѣловала его...

— Ахъ, Ляля, лежи тихо... не говори много!.. А сама головой такъ тряхнула, что шпилька выпала.

— Какая ты сегодня...

— Никакая я сегодня... не хочу я лежать,—морщитъ носъ Ляля и бьетъ кулакомъ въ подушку... сбросила одѣяло.

Умираютъ сумерки. Вечерняя грусть, покорно опустивъ голову, безшумно проходитъ по комнатамъ.

Рядомъ въ кабинетѣ зазвенѣла чернильница. Папа мѣрными, твердыми шагами ступаетъ по ковру. Книга въ рукахъ, но не читаетъ. Ходитъ долго, монотонно звучатъ шаги. Остановился у окна. Стоитъ, какъ будто думаетъ что-то, большое, серьезное и печальное.

Совсѣмъ темно стало. Въ окно спальни смотритъ круглый электрическій фонарь и свѣтъ на полу отъ него какой-то поблекшій, неуловимый.

— Мама!. Ляля завозилась, сѣла. Рука впилась въ бѣлое одѣяло.

— Мама! — Страстной истомой напряженія подернуты опущенныя рѣсницы.

— Тетя Катя къ намъ никогда больше не прійдетъ?..

Мягко стукнула объ полъ книга въ кабинетѣ. Мама молчитъ, молчитъ.. и въ темномъ затихшемъ домѣ хочетъ сорваться чей-то нечеловѣческій крикъ. И вдругъ спокойное:

– Отчего-же, Лялечка? — пріѣдетъ и прійдетъ!

— Она здѣсь, мама! Я когда изъ гимназіи вчера шла, видѣла ее... Ѣхала куда-то!

— Ты ошиблась, Лялечка! А можетъ быть она отложила поѣздку на нѣсколько дней.

Ляля сидитъ смотритъ куда-то далеко, и ротъ у нея полуоткрытъ.

— Ложись, Лялечка.. родная!—дрожитъ голосъ мамы и тонкой ноткой звенитъ въ немъ невыплаканная мука.

Громко хрустнули пальцы въ кабинетѣ. Какъ будто оборвалось что-то, словно позвалъ кто-то беззвучнымъ стономъ далекаго Бога.

— Лягъ-же, дѣтка!..

— Фонарь, фонарь!.. заметалась Лялечка въ постели.

— Свѣтитъ, въ глаза прямо!.. не могу я такъ, не могу!—заплакала она громко, мучительно. И тонкій звукъ плача, слабый съ надрывомъ, побѣжалъ по комнатамъ.

— Дѣточка, что ты... Богъ съ тобой!.. Я свѣтъ сейчасъ зажгу... опущу штору!

Мама здѣсь, суетится около Ляли, а папы нѣтъ. Не подошелъ какъ будто между нимъ и Лялей преграда какая-то. Лихорадочнымъ блескомъ горятъ испуганные черные глаза. Лялечка сжалась въ комочекъ, стихла. Сидитъ мама, тяжело упирается рукой въ постель, изъ подъ сдвинутыхъ бровей смотритъ куда-то тускло и безнадежно.

Еще ниже опустивъ голову подъ чернымъ покрываломъ, жутко-медленными, строгими шагами, безшумно проходитъ по комнатамъ тишина... скорбная, покорная.

Лялечка больна.

Над. Ландская.

СИСТЕМА.

Разсказъ.

Мокрый асфальтъ улицъ отливалъ сѣрымъ шелкомъ. Красные огни электричества отражались въ лужахъ и казались пролитой кровью. Мимо окна ресторана пролетали блестящіе, мокрые автомобили и высокіе экипажи лихачей.

Широкіе ландо обгоняли цѣпи наемныхъ экипажей, мелькали шипящія и юркія мотоциклетки.

Это былъ обычный разъѣздъ послѣ „большого дня" на бѣговомъ ипподромѣ.

Николаевъ взглянулъ на часы и подумалъ: „Восьмой заѣздъ... Значитъ скоро конецъ..." Рѣзкимъ движеніемъ онъ смялъ исчерченную карандашемъ программу бѣговъ и швырнулъ въ сторону. Онъ не замѣтилъ какъ смятый комокъ бумаги ударился о плечо старичка, сидящаго за послѣднимъ столомъ. Старичекъ обернулся и удивленно поднялъ брови. Николаевъ извинился и снова посмотрѣлъ въ окно. Сегодняшній проигрышъ особенно взволновалъ его. Было жаль неожиданно проиграной сторублевки. Какъ всегда послѣ проигрыша, Николаевъ былъ почти боленъ. Какимъ особенно унизительнымъ показалось сегодня томительное ожиданіе трамвая, давка въ вагонѣ и дешевый обѣдъ въ ресторанчикѣ. Онъ оглянулся. Старичекъ, въ кото-

раго случайно попала смятая программа внимательно посмотрѣлъ ему въ глаза, затѣмъ разгладилъ на колѣнѣ смятую программу и добродушно спросилъ:

— Проигрались?..

Не отвѣтить было неловко.

— Да... Проигралъ..

Старичекъ улыбнулся, чуть-чуть придвинулъ стулъ и укоризненно покачалъ головой.

— А все отъ того что нѣтъ системы... Нѣтъ выдержки...

Николаевъ не выдержалъ...

— Какая же въ бѣгахъ система?..

— Не говорите... Система много значитъ... Система во всемъ—все...—Старичекъ придвинулся ближе.—Система разсчетъ, и предчувствіе...

"Маніакъ"—подумалъ Николаевъ и съ любопытствомъ разсмотрѣлъ старика. Съ перваго взгляда онъ выглядѣлъ обыкновеннымъ отставнымъ чиновникомъ, доживающимъ на покоѣ. Нѣсколько выдѣляли лицо сѣдыя длинныя пряди волосъ и улыбающіеся острые глаза, и еще запомнились Николаеву старинный покрой платья и сюртукъ семидесятыхъ годовъ.

— Вы позволите...—Старикъ присѣлъ къ столу Николаева.—Вотъ я по вашей программѣ видѣлъ, вы рискуете, мѣтите лошадей, играете въ двойномъ, въ тройномъ. Дѣло совсѣмъ не въ этомъ. Здѣсь все проще, значительно проще, какъ и во всѣхъ играхъ.

— Въ чемъ же дѣло?..

— Во времени... Въ разсчетѣ... и математикѣ...

— Какіе же въ бѣгахъ разсчеты?..

— А вотъ какіе.. Пріѣхали вы на бѣга, первый бѣгъ пропустили, второй пропустили и третій если нужно... А затѣмъ стали соображать.., Если чувствуете что пришло ваше время—ставьте... На первую лошадь, какая въ голову придетъ. Все равно выиграете... Не понимаете...

— Простите меня... Какіе пустяки...

— Нѣтъ не пустяки, а вещь... Я признаться никогда не игралъ и только потому что не склоненъ обогащаться за чужой счетъ... Я много думалъ о, какъ бы выразиться, мѣрахъ пресѣченія азарта. Нужно доказать людямъ, что то, что они называютъ слѣпымъ счастьемъ, подается разсчету... Я даже систему изобрѣлъ... Живу я на Черной рѣчкѣ, сплю мало, поневолѣ придумаешь... Вы адвокатъ должно быть?..

— Да... Помощникъ присяжнаго повѣреннаго...

— Вотъ сидите сейчасъ и думаете... „Заболтался старичекъ, съ ума спятилъ..."

Николаевъ смущенно улыбнулся.

— Такъ о какой системѣ вы говорили?

— О магической математикѣ.. Моя система такая: все въ числахъ и во времени и только имъ опредѣляется счастье... Вы можетъ быть слышали о пророчествѣ Апокалипсиса... Пророчество о Наполеонѣ... Звѣриное число...

— И вы этому вѣрите?

— Какъ вамъ сказать... „На свѣтѣ другъ Горацiо..." Почему бы и нѣтъ... Я этимъ вопросомъ очень интересовался... Даже астрологіей занялся на старости лѣтъ... Словомъ, магъ и звѣздочетъ... Вамъ лѣтъ тридцать должно быть?

— Тридцать два.

Когда родились, годъ, мѣсяцъ и число?..

— Въ 1881 году, двадцать третьяго августа...

— Такъ я если угодно вамъ разсчислю насчетъ бѣговъ... Желаете?..

Николаевъ разсѣянно улыбнулся.

— Благодарю васъ... Къ сожалѣнію я на дняхъ, т. е. вѣрнѣе завтра, уѣзжаю за границу. Не смогу воспользоваться...

— Нѣтъ, отчего же... А далеко изволите ѣхать?

— Въ Геную... Есть экстренное дѣло... Я видите ли юрисконсультъ одной фирмы...

— Въ Геную... Ну значитъ въ Монте Карло съѣздите, совсѣмъ подъ бокомъ... Такъ вамъ вычислю... Попробуйте...

Старичекъ вынулъ изъ кармана записную книжку въ сафьянѣ. Нѣсколько минутъ онъ исписывалъ страничку ровными коллонами цифръ и буквъ. Николаеву стало скучно, изъ приличія онъ не уходилъ. Наконецъ старикъ оторвался отъ книжки.

— Ну-съ, такъ я вамъ расчислилъ насчетъ рулетки... Играйте 24 сентября. Да, 24 сентября въ одинадцать часовъ тридцать семь минутъ вечера.

— Какъ вы сказали 24 сентября..,

Николаевъ улыбаясь записалъ на клочкѣ бумажки день и время...

— Какъ же мнѣ играть?

— Не улыбайтесь... Тутъ дѣло очень простое. Въ назначенный день и часъ придете и поставите. Вамъ будетъ везти ровно двадцать минутъ за это время вы успѣете взять тысячи. Когда истечетъ срокъ прекратите игру. Попробуйте молодой человѣкъ, не все же вамъ проигрывать. И счастье подается учету... Ну-съ, счастливаго пути, я и адресокъ вамъ оставлю. Черкните пару словъ, въ случаѣ чего.

Старикъ улыбнулся, взялъ шляпу со стула и отошелъ. Въ ресторанѣ заиграла музыка. Мимо окна прошелъ странный старикъ и точно слился съ дождемъ и улицей. Николаевъ расплатился и вышелъ въ вестибюль, У выходныхъ дверей онъ разсѣянно спросилъ швейцара:

— Сегодня, семнадцатое?...

— Точно такъ.

— Однако... у меня немного времени...

— Чего-съ?..

— Ничего... Это я такъ.

На слѣдующій день Николаевъ уѣзжалъ за границу. Весь день онъ ѣздилъ по городу устраивая необходимыя формальности въ банкѣ и градоначальствѣ. На вокзалѣ онъ сразу почувствовалъ облегченіе и какую то странную радость. По самому строгому разсчету онъ долженъ былъ пріѣхать въ Геную двадцать второго утромъ.

Онъ ѣхалъ сокращеннымъ путемъ черезъ Вѣну и Миланъ: Ни обоятельная Вѣна, ни пестрый, ликующій Миланъ не могли задержать его лихорадочнаго бѣга по Европѣ. Въ Вѣнѣ его ожидала телеграмма отъ патрона. Его торопили и передавали послѣднія инструкціи. Николаевъ въ первый разъ уѣзжалъ изъ Россіи. Все что онъ мелькомъ видѣлъ изъ окна вагона казалось ему такимъ прекраснымъ, удобнымъ и пріятнымъ. Въ Вѣнѣ онъ останавливался только на два часа. Минутами его охватывало желаніе бросить на произволъ судьбы всѣ дѣла, забыть всѣ инструкціи и остаться въ этомъ городѣ надолго. Съ самаго дѣтства его пріучили къ отвратительной погонѣ за деньгами, за жалкими деньгами, которые ему бросали за услуги и теперь именно теперь онъ испытывалъ настоящую тоску по

большимъ настоящимъ деньгамъ и главное по той жизни, какую они могли ему создать.

Въ Миланѣ и Генуѣ онъ замѣтилъ быструю чуждую слуху рѣчь и какую-то особенную глубокую синеву неба.

И тамъ еще ярче, еще яснѣе рисовалась ему мечта о новой прекрасной и невозможной жизни. Въ узкомъ номерѣ отеля, въ пріемныхъ пароходныхъ конторъ онъ не переставалъ мечтать о какомъ нибудь чудѣ, маленькомъ чудѣ возможномъ и въ наши дни.

Случилось такъ, что въ первый-же день онъ закончилъ всѣ свои дѣла. У него оставалось много свободнаго времени. Вечеромъ его остановилъ консьержъ въ бюро вестюбиля.

— Monsieurs не хочетъ-ли проѣхаться по Ривьерѣ... У насъ пароходные билеты до Монте-Карло и съ большой скидкой...

— А много это стоитъ?..

— Сію минуту.

Николаевъ на мгновенье задумался. Потомъ онъ устыдился своей мѣщанской разсчетливости. Онъ былъ такъ близко отъ прекрасной страны отъ „cofe d'azur" о которомъ онъ могъ только мечтать долгіе годы. Колебаться и разсчитывать онъ больше не могъ...

Пароходъ быстро скользилъ мимо красноватаго берега итальянской Ривьеры. Методично, съ какимъ-то гулкимъ стекляннымъ звономъ разбивались подъ винтомъ голубые струи. Отдаленный берегъ причудливо мѣнялъ очертанія. Яркая лазурь медленно мѣняла оттѣнки. море и небо заалѣли какъ на закатѣ.

Близился мистраль... Николаевъ неподвижно стоялъ у борта парохода и не отрывался отъ стеколъ бинокля. Онъ почти различалъ блестящіе листья магнолій на берегу и на пестрый стиль бѣлѣющихъ виллъ.

Его тронули за плечо.

— Вашъ билетъ monsieur...

Это былъ помощникъ капитана. Николаевъ отдалъ билетъ и снова прильнулъ къ стекламъ бинокля.

— Pardonne monsieur! Вы кажется потеряли...

Матросъ подавалъ ему смятый клочекъ бумажки выпавшій изъ бумажника Николаева.

А. Барковъ.

Медленно, не отводя отъ линій берега Николаевъ развернулъ бумажку.

— 24 сентября 11 часовъ 37 минутъ вечера... Новая деревня—Виталій Андреевичъ..."

И сразу вспомнился ему странный старикъ и его предсказаніе.

„Какъ все это странно... Сегодня срокъ назначенный старикомъ, сегодня-же я ѣду въ Монте-Карло, и какъ странно именно сегодня я нахожу бумажку о которой давно забылъ... Можетъ быть судьба..."

Въ Монте-Карло Николаевъ остановился въ одномъ изъ небольшихъ отелей у казино. Можетъ быть въ другое время онъ любовался-бы синей ширью залива, яркимъ солнечнымъ берегомъ и прекрасными грѣшными женщинами, но теперь онъ чувствовалъ странный, властный гипнозъ,—гипнозъ золота.

Понемногу „система" страннаго старика завладѣла его мыслями. Онъ разсѣянно бродилъ по громаднылъ заламъ океанографическаго музея, по бѣлымъ залитымъ солнцемъ улицамъ, по широкимъ ступенямъ лѣстницы у казино.

Гдѣ-бы онъ не былъ онъ неуклонно возвращался къ этому громадному дворцу.

Было жарко, но уже чувствовалась прохлада, наступающаго вечера. Когда стемнѣло онъ почти спокойный, и слегка разсѣянный прошелъ мимо яркоосвѣщенныхъ магазиновъ, мимо пальмъ и магнолій парка въ казино. Теплая, ласковая ночь опьяняла его, на мигъ ему захотѣлось проѣхать въ темное мерцающее цвѣтными огоньками море.

Время проходило медленно, медленно. Блестящая, пестрая толпа интернаціональнаго курорта ослѣпила его. Румынскій оркестръ въ ресторанѣ съ какимъ-то особеннымъ шикомъ обрывалъ заунывные мотивы и переходилъ къ буйному восточному танцу...

Пробило одинадцать. Кончилась программа концерта... Быстро, почти не замедляя шага онъ прошелъ по величественнымъ, сверкающимъ заламъ въ залу рулетки.

Это была большая продолговатая зала, нѣсколько мрачная, освѣщенная зеленоватымъ, не электрическимъ свѣтомъ. Изящно грасирующіе крупье выкрикивали.

Николаевъ протиснулся черезъ три ряда игроковъ. Ихъ лицъ онъ не видѣлъ. Онъ впервые увидѣлъ много золота, билеты и чеки. И все это можетъ быть будетъ ему принадлежать... Онъ даже улыбнулся и совсѣмъ спокойно доставалъ изъ бумажника стофранковый билетъ. Это была сумма, которую онъ разрѣшилъ себѣ проиграть. Николаевъ слѣдилъ за часовой стрѣлкой. Въ 11 часовъ тридцать восемь минутъ онъ разсѣянно бросилъ сто франковъ на ближайшій номеръ, даже не успѣвъ разсмотрѣть его. Крупье тронулъ гибкой, длинной лопаткой его билетъ.

— Faites vos jeux monsieur Rien ne va plus!

— Le seize... Шестнадцать!

Николаевъ криво улыбнулся, съ чувствомъ острой злобы онъ хотѣлъ прослѣдить какъ его билетъ смететъ въ общую лопатка Крупье. Но лопатка коснулась его денегъ, придавила бумажку и Николаевъ ясно разглядѣлъ цыфру „16" въ его клѣткѣ. Съ середины стола быстро взлетѣла пачка кредитныхъ билетовъ и упала поверхъ его денегъ. Гибкая лопатка придвинула ему увеличенную въ 36 разъ ставку. Какимъ то увѣреннымъ жестомъ Николаевъ поставилъ весь выигрышъ на комбинацію изъ четырехъ номеровъ и увеличилъ его въ девять разъ. Къ двѣнадцати часамъ онъ отошелъ отъ стола, ни разу не проигравъ. На него смотрѣли съ любопытствомъ, кокотки провожали его ласковыми взглядами.

Онъ выигралъ въ двадцать минутъ сто тысячъ франковъ.

Въ эту же ночь онъ телеграфировалъ старику въ Петербургъ:

„Умоляю вычислите ближайшій срокъ выигрыша, согласенъ на все".

Одновремено съ телеграммой онъ писалъ:

„Умоляю васъ... Я бѣдный студентъ... Я вѣчный труженикъ... Теперь я адвокатъ, но мнѣ не повезло въ моей карьерѣ. Я тоже имѣю право на счастье и богатство. Все въ вашихъ рукахъ. Помогите мнѣ... У меня мать и сестры. Я хотѣлъ бы сыграть еще разъ.. Умоляю васъ".

На другой день къ вечеру онъ получилъ телеграмму:

„Поздравляю 27-го 12 часовъ 10 минутъ ночи. Играйте 30 минутъ".

Какъ прошли эти два дня онъ не запомнилъ. Николаевъ почти галюцинировалъ. Онъ избѣгалъ встрѣчъ и вечерами оставался одинъ въ неуютной комнатѣ отеля. Въ эти вечера, онъ ясно видѣлъ близко возлѣ себя аккуратно свернутыя пачки кредитныхъ бумажекъ. Тускло мерцали въ темнотѣ желтые столбики золотыхъ монетъ. Иногда онъ чувствовалъ между пальцами шуршащіе большіе листы облигацій, видѣлъ всѣ краски которыми они отливали. И когда пришелъ предреченный день, онъ взялъ съ собой весь выигрышъ тѣ небольшіе деньги которые онъ привезъ съ собой и въ назначенное время снова былъ въ залѣ рулетки. Это былъ безпримѣрный случай, счастье не покидало его, онъ выигралъ до полумилліона франковъ. Только одинъ разъ счастье измѣнило ему, но это было тогда, когда истекло время назначенное старикомъ. О немъ уже говорили въ казино и на пляжѣ. Въ отелѣ портье низко кланялся ему, а въ банкѣ съ нимъ были особенно любезны клерки. Онъ послалъ новую телеграмму старику и просилъ о новомъ срокѣ. Его дразнили и увлекали милліоны.

Вмѣстѣ съ телеграммой назначавшей срокъ 31 сентября онъ получилъ письмо.

Это былъ отвѣтъ на первое письмо:

„Думайте о моей системѣ какъ вамъ угодно. Когда нибудь она уничтожитъ всѣ азартныя игры. Мнѣ долго вамъ объяснять. Это требуетъ спеціальныхъ знаній. Конечно это не случайность. Вхожу съ вами въ долю и собираюсь перевести вамъ десять тысячъ рублей".

Въ банкѣ его ждалъ переводъ на двадцать шесть тысячъ франковъ.

Въ назначенный день и часъ онъ стоялъ у стола. Это былъ его послѣдній опытъ. Сегодня кончалась его бѣшеная игра.

Онъ досталъ чековую книжку. Въ ней было четыре заранѣе написанныхъ листика и они заключали въ себѣ все его богатство. Онъ не задумываясь надъ тѣмъ какъ ему играть

Рѣзкимъ движеніемъ вырвалъ первый листикъ изъ книжки и бросилъ его на первый попавшійся номеръ... Кажется это было „двадцать семь". Крупье придвинулъ къ себѣ чекъ, разсмотрѣлъ его и шопотомъ спросилъ:

— Maximum? Кое кто оглянулся и посмотрѣлъ въ сторону Николаева.

Тотъ кивнулъ головой.

— Faites vos jeux monsieurs. La balle roule... Rien ne va plus...

Жуткая, медлительная пауза. Шарикъ разсѣянно бродитъ по чернымъ гнѣздамъ съ номерами... И вдругъ точно оглушило нелѣпое, неожиданное число.

— Четырнадцать, съ особеннымъ шикомъ выкрикнулъ крупье... и длинная гибкая лопаточка смахнула чекъ Николаева.

Николаевъ почувствовалъ какъ все поплыло у него передъ глазами.

Какъ то машинально онъ вырвалъ изъ книжки второй чекъ и бросилъ его на тотъ же номеръ. Крупье снова придвинулъ къ себѣ чекъ.

— Максимумъ?.. рулетка завертѣлась.

— Faites vos jeux monsieurs... Rien ne va plus... 1: quatre...

Было пять минутъ двѣнадцатаго. И снова такъ же автоматически Николаевъ вырвалъ изъ книжки третій чекъ и бросилъ его на тринадцатый номеръ Вышло двадцать семь. И когда Николаевъ взялся за послѣдній чекъ онъ услышалъ сдавленный шопотъ: „Вамъ не везетъ... Играйте на passe и manque. Онъ поставилъ на черное, въ послѣдній разъ проигралъ и вышелъ изъ залы рулетки. Въ вестибюлѣ онъ лишился чувствъ....

. . . .

На другой день администрація рулетки любезно выдала проигравшемуся кліенту пятьсотъ франковъ „на отъѣздъ". Два агента посадили его въ вагонъ. Онъ производилъ впечатлѣніе тяжко больного, но вполнѣ нормальнаго человѣка... Черезъ пять дней онъ уже лежалъ въ своей „комнатѣ отъ жильцовъ" и неподвижнымъ остановившимся взглядомъ смотрѣлъ въ окно, на тонувшую въ туманѣ улицу...

И точно, какъ тогда, вдругъ рѣзко затрещалъ звонокъ телефона. Сначала это показалось галюцинацией. Только послѣ третьяго рѣзкаго звонка онъ снялъ трубку съ рычага аппарата.

— Господинъ Николаевъ пріѣхалъ...

— Да, кто говоритъ...

— А это вы... Ну, здравствуйте милліонеръ... Недаромъ вы такъ запоздали. Я, правду сказать, не вѣрилъ въ вашъ скорый пріѣздъ...

— А... Это вы...

— Да, я... Виталій Андреевичъ... Ну, какова система... Почему вы такъ запоздали съ пріѣздомъ...

— Я пріѣхалъ вчера...

Пріѣзжайте ко мнѣ сейчасъ, немедленно ..

Николаевъ безсильно опустился въ кресло. Полчаса онъ неподвижнымъ взоромъ смотрѣлъ въ окно и когда въ передней прозвенѣлъ звонокъ, онъ нѣсколько оживился, приподнялся и всталъ...

— А... Это вы?..

— Ну что? Ну какъ?...

— Я... Я проигралъ все.

— Не можетъ быть... А ваши телеграммы?..

— Въ первые два... два раза я выигралъ... полмилліона... франковъ. Потомъ въ послѣдній разъ тридцать перваго все... все погибло... Шесть дней назадъ у меня было полмилліона...

— Какъ шесть дней назадъ?.. Вы должны были играть только черезъ недѣлю. Вы ошиблись на 13 дней... Вы забыли разницу въ стиляхъ...

Николаевъ шагнулъ впередъ и сквозь зубы прошепталъ...

— Эхъ вы... А еще математикъ... И я вамъ повѣрилъ... Но почему же, почему же я выигралъ въ первые два раза... Случайность?..

— Увѣряю васъ, вы ошиблись въ стиляхъ..

— Молчите вы! старый кретинъ!.. Я не ручаюсь за себя!..

Старикъ пятясь вышелъ изъ комнаты. Николаевъ схватилъ со стола чернильницу разбилъ о полъ и долго топталъ ногами стекло.

Л. Никулинъ.

БѢЛАЯ ТАЙНА.

Пять лѣтъ, неизвѣстно гдѣ, пропадалъ сынъ домовладѣлицы въ Кусковомъ переулкѣ, Анны Павловны Анисовой, Григорій. И всѣ эти пять лѣтъ старушка ни разу не ложилась спать, не помолившись сперва за безпутнаго и несчастнаго Гришеньку.

Безпутность же его заключалась въ томъ, что, не смотря на увѣщанія матери, молодой человѣкъ отправился въ далекую Москву, чтобы учиться рисованію и осуществить неясные, но красивые и экзальтированные планы дѣтства. Поѣхалъ и пропалъ. И не писалъ писемъ, словно совсѣмъ забылъ о томъ, что гнѣвъ матери, такъ возмутившій его при разлукѣ, давно остылъ, что она какъ всякая другая мать, полна раскаянья, любви и боязни за сына.

Годы шли. Зима смѣняла лѣто, лѣто—зиму. Въ однообразномъ хороводѣ дней, быстрой смѣнѣ незначительныхъ событій будничной жизни, изрѣдка взору старушки являлся неясный образъ сына и снова исчезалъ. Но оставалась тоска, незамѣтная и глубокая драма, стараго, забытаго, угасающаго человѣка. Домъ былъ деревянный, двухъэтажный и комнатъ въ немъ было всего четыре или пять. Анисова занимала верхъ, а внизу жила единственная прислуга ея, такая же старушка какъ и она,—Даша съ сыномъ Николаемъ, мастеромъ на стеклянномъ заводѣ купца Кошкина. И Даша и Николай—оба съ собачьей преданностью служили ей и вмѣстѣ съ нею тосковали по Гришѣ и мечтали о его возвращеніи. Ихъ любовь и преданность обезпечивали жизнь Анисовой, окружая ее комфортомъ и необходимымъ спокойствіемъ. Переулокъ славился драками, неспокойнымъ характеромъ своихъ обитателей, жизнь которыхъ проходила въ попойкахъ, и часто завершалась трагическимъ концомъ. Поэтому присутствіе въ домѣ сильнаго и честнаго человѣка, какъ Николай, было необходимо.

Къ вечеру того дня пошелъ снѣгъ. Онъ падалъ большими хлопьями на землю, и скоро все стало бѣло: и дальній лѣсъ (переулокъ былъ на окраинѣ) и крыши домовъ, и улицы, и прохожіе. Потомъ подулъ вѣтеръ и хлопья снѣга заметались въ бѣломъ хаосѣ, сплетаясь въ неясныя фигуры, жуткія и таинственныя. Вѣтеръ все усиливался, иногда стихая на мгновенье, чтобы снова съ воемъ и визгомъ ринуться на ветхій домъ и бросить въ окна его тучи снѣга. И когда онъ обрушивался на домъ, какія-то бѣлыя существа въ длинныхъ саванахъ жадно прильнувъ къ окну, смотрѣли въ него и быстро исчезали въ бѣломъ мракѣ зимняго вечера.

— Вьюга-то какая, — подѣлилась впечатлѣніемъ Даша, поднявшись наверхъ въ горницу Анны Павловны, гдѣ та въ глубокой задумчивости сидѣла передъ стаканомъ остывшаго чаю,— просто страхъ.

— Да... разбушевалась...—разсѣянно отвѣтила старушка.

— А вотъ Николая чтой-то нѣтъ—продолжала Даша,—что бы могло случиться?

— Должно быть работу спѣшную дѣлаетъ.

— И то вѣрно. Дай Богъ, чтобъ ничего плохого не приключилось.

Послѣ ухода Даши въ комнату вошла тишина, близкая одинокому сердцу старушки, и заговорила съ нею своимъ особеннымъ голосомъ, слышнымъ не ушамъ, а душѣ.

И то, что сказала тишина, было просто и понятно. Она сказала: приготовься. И больше ничего.

Анна Павловна собиралась уже лечь спать, когда внизу послышались голоса: одинъ Николая и второй, странно близкій и знакомый, но чей, сразу припомнить не могла. И вдругъ блеснула прекрасная, несбыточная, казалось, надежда, заставившая затрепетать ее всѣмъ тѣломъ и поблѣднѣть какъ мѣлъ: онъ.

Она продолжала сидѣть на своемъ стулѣ за столомъ, окаменѣвъ въ ожиданіи, и смотрѣла на дверь. И дверь внезапно открылась.

— Матушка, тихо сказалъ стоявшій на порогѣ.

Нѣсколько минутъ въ комнатѣ было молчаніе: скупыми, но искренними слезами старости въ объятіяхъ сына плакала мать. Но то были слезы радости.

— Какая же ты старенькая, мать,—полуиронически — полудобродушно промолвилъ сынъ, внимательно всматриваясь въ лицо старушки, уже суетившейся съ Дашей у стола, на которомъ появились закуски и графинъ вишневой настойки,—и Даша тоже...

Потомъ онъ перевелъ взглядъ на обстановку и съ чувствомъ странной, щемящей грусти убѣдился, что все по старому: тотъ-же клеенчатый диванъ у стѣны, круглый столъ передъ нимъ, а по бокамъ два кресла, и по стѣнамъ все тѣ же старинныя, пожелтѣвшія фотографіи и олеографіи съ напудренными маркизами и пажами.

— Закуси, Гришенька, съ дороги, должно быть сильно проголодался,—сказала мать.

— Съ удовольствіемъ, матушка,—аппетитъ у меня колоссальный.

Въ то время, какъ онъ утолялъ голодъ, мать сидѣла напротивъ и съ нѣжной заботливостью изучая черты дорогого лица, думала:

— А вѣдь какъ измѣнился: лицо худое, блѣдное, морщина на лбу...

Григорій почувствовалъ взглядъ ея и съ легкой досадой сказалъ:

— Знаю, какія мысли у тебя, мать,—вѣрно думаешь о томъ, что жизнь меня порядкомъ таки потрепала? Совершенно правильно. Не только трепала, но просто била. И жестоко била. Впрочемъ не стоитъ объ этомъ упоминать. Говоря это, онъ чувствовалъ, какъ въ душѣ его накипала злость, и тупое упрямое отчаяніе. Мысль о томъ, что онъ пріѣхалъ къ матери по дѣлу, непріятному и серьезному, о которомъ надо было немедленно послѣ ужина поговорить, дѣлалала его нерѣшительнымъ и поселяла въ немъ смутную тревогу. А хуже всего было то, что онъ пріѣхалъ жалкимъ неудачникомъ, не осуществивъ ни одного изъ своихъ блестящихъ плановъ.

— Ты теперь у меня поживи, говорила мать,—усталъ должо быть, отдыхъ нуженъ, а черезъ мѣсяцъ или два, когда захочешъ, ѣзжай куда надо... А можетъ быть и совсѣмъ останешься. Вотъ Анна Павловна, знаешь, красивая такая, все спрашиваетъ, когда пріѣдешь—влюблена была должно быть. Отчего бы тебѣ не жениться на ней?

— Нельзя, мама.

— Отчего же нельзя? Дѣвушка богатая, красивая...

— Ты сейчасъ поймешь. Я пріѣхалъ къ тебѣ не надолго... на нѣсколько часовъ... Я ѣду заграницу... И если я останусь здѣсь хотя одинъ день, то попаду въ тюрьму.

Нѣсколько минутъ было молчанье.

— Что-же этакое, жалобнымъ голосомъ произнесла мать: только появился и уже опять... опять уѣзжаешь... За что же тебя, Гришенька?

— Не стоитъ разсказывать, мать, — много времени предется потратить. Я перейду лучше къ дѣлу. Мнѣ нужны деньги, мать, — послѣднія слова Григорій выговорилъ съ большимъ усиліемъ, и на лбу его выступилъ потъ.

Непріятно ему было говорить о деньгахъ, да что подѣлаешь, когда другого исхода не было.

Анна Павловна подошла къ комоду, порылась въ верхнемъ ящикѣ и, вытащивъ оттуда нѣсколько кредитныхъ билетовъ дрожащей рукой протянула ихъ сыну:

— Всего триста пятьдесятъ, Гришенька, Достаточно-ли? Вотъ еслибы до завтра остался, взяла бы въ банкѣ... больше.

— Спасибо и на этомъ. А ждать мнѣ нельзя.

И опять стало тихо. И не хотѣлось говорить. Слова звучали бы лживо, тамъ гдѣ чувство говорило все. Какія то существа въ бѣлыхъ саванахъ толпами подлетали къ окну, смотрѣли въ него и безшумно улетала снова въ бѣлый мракъ зимняго вечера, чтобы пошептаться о видѣнномъ.

Были бѣлы крыши домовъ, улицы и дальній лѣсъ.

— Пора,—сказалъ, взглянувъ на часы, Григорій:—въ 10 ч. 23. м. идетъ поѣздъ...

— Уже? — прошептала Анна Павловна и, заискивающе заглядывая въ глаза сыну, попросила:

— Останься хоть полчаса... Даша яичницу приготовитъ...

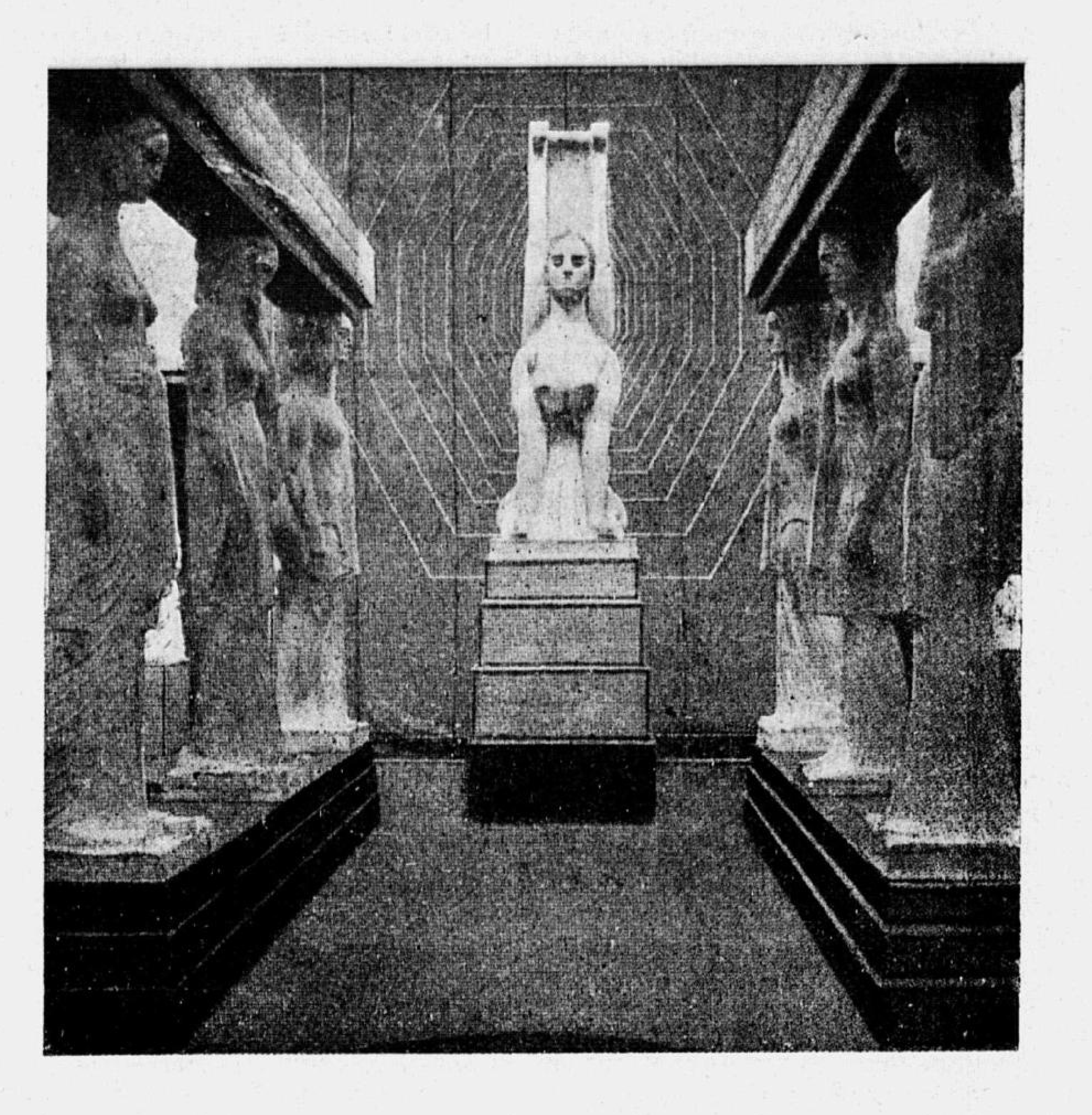
— Нельзя, мать, — слезы подступили къ его глазамъ, и на мгновенье все покрылось туманомъ.—Прощай... можетъ быть, когда нибудь... пріѣду.

Онъ обнялъ мать, потомъ бережно усадилъ ее, плакавшую, на стулъ и пошелъ къ двери. На порогѣ оглянулся, постоялъ нѣсколько мгновеній, и вышелъ, тихо затворивъ дверь.

Подъ ногами тонко поскрипывали деревянныя ступени. И когда какая нибудь ступенька издавала особенно рѣзкій скрипъ, она останавливалась и прислушивалась: откуда то изъ темноты доносилось ровное дыханіе спящаго человѣка. Все было тихо. Ничто не внушало опасенія. Мѣрно тикали часы. Гдѣ-то дѣловито попискивали мыши, радуясь тишинѣ и ночному мраку. Очутившись на улицѣ, она пошла туда, гдѣ смутной громадой намѣчался обѣленный снѣгомъ лѣсъ. И шла до тѣхъ поръ, пока послѣднія строенія не оказались позади. Ноги вязли въ сугробахъ. Бѣлыми хлопьями падалъ снѣгъ и крутился въ круговоротѣ воздушныхъ теченій, слѣпя глаза. Силы покидали ее.

Еще нѣсколько шаговъ и она упадетъ. И вотъ упала. Тамъ гдѣ спалъ послѣднимъ сномъ человѣкъ, легла ровная снѣжная пелена. И поле, и лѣсъ, и крыши дальнихъ домовъ—были бѣлы, И бѣлая тайна скорбно поникнувъ головой, неслышно пролетала надъ сугробами.—

Валентинъ Франчичъ



АНКЕТА.

Занимаясь исторіей искусствъ прошлыхъ вѣковъ, мы наткнулись на интересно составленную біографію одного великаго художника, котораго мы назовемъ N. Біографія написана однимъ изъ лучшихъ критиковъ и составлена вполнѣ обстоятельно, а главное безпристрастно. Но біографъ не могъ рѣшить вопроса о происхожденіи, вѣрнѣе о національности, къ которой принадлежалъ этотъ художникъ.

За рѣшеніемъ этой загадки мы и обращаемся къ читателямъ нашего журнала, на основаніи этой біографіи, которую мы здѣсь и перепечатали почти дословно выпустивъ имена собственныя и названія его произведеній дабы не вліять этимъ на рѣшеніе читателя.

Отвѣты просимъ прислать въ Редакцію.

Жизнь N, какъ и его живопись, полна полутѣней и темныхъ угловъ. Его соперникъ К. всегда выказываетъ себя такимъ, какимъ онъ былъ, въ полномъ свѣтѣ своихъ произведеній, своей общественной и частной жизни—отчетливымъ, яркимъ и переливающимся искрами ума, хорошаго настроенія, надменной граціи и величія. Наоборотъ N таится и какъ будто всегда что то прячетъ, написанное или пережитое, У него нѣтъ ни дворца съ многочисленнымъ штатомъ вельможъ, ни размаха жизни и галлерей въ итальянскомъ вкусѣ, а есть невзрачная обстановка, запущенный домъ мелкаго купца съ безпорядкомъ коллекціонера, букиниста, любителя эстамповъ и рѣдкостей. Никакихъ общественныхъ занятій, отвлекающихъ отъ мастерской, и заставляющихъ интересоваться политикой, никакой надежды на милости, которыя заставили бы его привязаться къ какому нибудь государю. Никакихъ оффиціальныхъ почестей. ни орденовъ, ни титуловъ, ничего, что связывало бы его, хотя бы издали, съ какими нибудь событіями или дѣятелями, спасающими отъ забвенія. Исторія, говоря о нихъ, упомянула бы и его. N принадлежалъ къ третьему сословію, и то съ натяжкой, какъ сказали бы во Франціи 1789,—къ тѣмъ массамъ, гдѣ личности теряются, нравы низменны, обычаи безъ благородства, способнаго ихъ поднять. И даже въ этой странѣ, гдѣ какъ будто существуетъ равенство сословій и отсутствуютъ дворянскіе предразсудки, своеобразный геній N не спасъ его, а ничтожное соціальное положеніе удерживало внизу, въ темныхъ слояхъ, и тамъ его и потопило.

Очень долго о немъ не было ничего извѣстно, кромѣ свидѣтельства его учениковъ, тѣхъ, по крайней мѣрѣ, которые писали. Все сводилось къ нѣсколькимъ легендамъ ихъ мастерскихъ, къ спорнымъ извѣстіямъ, легкомысленнымъ сужденіямъ, сплетнямъ. Въ личности его ничего не было видно, кромѣ странностей, маній, нѣсколькихъ чертъ пошлости, недостатковъ, почти пороковъ. Утверждали, что онъ корыстолюбивъ, жаденъ, даже скупъ, съ душою торгаша. Съ другой стороны, говорили, что онъ былъ расточителенъ и безпорядоченъ въ расходахъ, ссылаясь на его разореніе. У него было много учениковъ, онъ ихъ разсаживалъ по келіямъ, въ комнатахъ съ перегородками, слѣдилъ за тѣмъ, чтобъ между ними не было никакихъ сношеній и взаимныхъ вліяній. Изъ этого кропотливаго обученія онъ извлекалъ большой доходъ. Приводятъ нѣсколько отрывковъ устныхъ уроковъ, сохранившихся въ преданіи: это изреченія простого здраваго смысла, не имѣющіе значенія. Онъ не былъ въ Италіи и не совѣтовалъ туда ѣздить. Впослѣдствіи для его учениковъ, сдѣлавшихся докторами эстетики, это стало предлогомъ для обвиненій и сожалѣній о томъ, что ихъ учитель не соединялъ этого необходимаго культурнаго опыта со своимъ здравымъ ученіемъ и оригинальнымъ талантомъ. За нимъ знали странные вкусы—любовь къ старому тряпью, къ восточнымъ лохмотьямъ, къ шпагамъ, къ шлемамъ, къ азіатскимъ коврамъ. Не представляя себѣ въ точности состава его артистической обстановки и всѣхъ полезныхъ и поучительныхъ рѣдкостей, заполнявшихъ его домъ, въ нихъ видѣли лишь хаосъ разнородныхъ предметовъ, наборы оружія дикарей, чучела, сушеныя травы. Все это пахло лавкой старьевщика, лабораторіей, немного чернокнижіемъ и кабалой, при чемъ рухлядь, вмѣстѣ съ предполагаемой страстью къ деньгамъ. придавала фигурѣ задумчиваго и нелюбезнаго, неутомимаго работника какой-то странный и немного постыдный видъ алхимика-золотоискателя.

У него была страсть позировать передъ зеркаломъ и писать самого себя, не такъ, какъ это дѣлали другіе въ героическихъ картинахъ, въ образѣ рыцаря, военнаго героя, въ толпѣ эпическихъ фигуръ, а наединѣ, въ маленькой рамѣ, глаза въ глаза, ради одного какого-нибудь ускользающаго отсвѣта или изысканной полутѣни, играющихъ на округлыхъ поверхностяхъ его толстаго лица, налившагося и мясистаго. Онъ задиралъ усы, взъерошивалъ и раздувалъ вьющіеся волосы Онъ улыбался толстой и полнокровной губой, а маленькій глазъ, потонувшій подъ тяжелыми выступами лба, устремлялъ странный взглядъ, огненный и неподвижный, дерзкій и самодовольный. Это не глазъ перваго встрѣчнаго. Его маска состояла изъ опредѣленныхъ цлоскостей: ротъ былъ выразительный, подбородокъ—волевой. Между бровями трудъ провелъ двѣ вертикальныя борозды, два вздутія, складку отъ привычки

сдвигать брови, свойственной человѣку, который сосредо-
точивается, преломляетъ ощущенія и дѣлаетъ усилія по-
вернуть ихъ внутрь себя. Онъ наряжался и переодѣвался,
какъ актеръ. Онъ бралъ въ своемъ гардеробѣ все, что
нужно было, чтобы облачиться, разукраситься, убрать го-
лову. Надѣвалъ тюрбаны, бархатные тоги, войлочныя
шляпы, плащи, иногда кирасы. На шляпу онъ нацѣплялъ
драгоцѣнныя украшенія, на шею золотую цѣпь съ ка-
меньями. И тотъ, кто не былъ посвященъ въ тайны его
исканій, могъ подумать, что это послабленія живописца
модели были слабостями человѣка, которымъ уступалъ
артистъ. Позже, послѣ лѣтъ зрѣлости, въ тяжелые дни
мы видимъ его въ болѣе серьезныхъ, скромныхъ, правди-
выхъ одеждахъ, безъ золота, безъ бархата, въ темной курт-
кѣ, съ платкомъ, повязаннымъ вокругъ головы. съ груст-
нымъ морщинистымъ, изможденнымъ лицомъ, съ палит-
рой въ грубыхъ рукахъ. Этотъ видъ разочарованнаго былъ
новымъ обличьемъ, какое онъ принялъ, перешагнувъ за
пятьдесятъ лѣтъ. Но оно лишь осложнило правдивое пред-
ставленіе, какое мы хотѣли бы себѣ о немъ составить.

Все это въ общемъ не образуетъ очень стройнаго цѣ-
лаго, не согласуется, не сходится со смысломъ его творе-
ній, съ высокимъ полетомъ его концепцій, съ глубокой
серьезностью его обычныхъ стремленій. Отдѣльныя черты
этого невыясненнаго характера, его почти неизвѣстныхъ
привычекъ съ непріятной рѣзкостью выдѣлялись на фонѣ
неопредѣленнаго, подернутаго загадками, біографически не
очерченнаго существованія.

Съ тѣхъ поръ свѣтъ пролился приблизительно на всѣ
сомнительныя части этой темной картины. Исторія N. была
написана и, притомъ, превосходно многими авторами по
источникамъ. Благодаря трудамъ одного изъ самыхъ рев-
ностныхъ его поклонниковъ, мы теперь знаемъ о N. если
не все, что было бы важно знать, то, по крайней мѣрѣ,
все, что, повидимому, когда либо удастся узнать. И этого
довольно, чтобы любить, жалѣть, уважать, и, кажется, по-
нимать его.

Съ внѣшней стороны это былъ хорошій человѣкъ, лю-
бившій свой домъ и домашнюю жизнь, свое мѣсто у очага.
привязанный къ семьѣ, супругъ гораздо больше, чѣмъ
распутникъ, моногамистъ, не выносившій ни безбрачія. ни
вдовства, но котораго не вполнѣ объясненныя обстоятель-
ства побудили жениться нѣсколько разъ. Разумѣется домо-
сѣдъ. Это былъ человѣкъ мало экономный, никогда не
умѣвшій держать свои счета въ порядкѣ. Онъ не былъ
скупъ, такъ какъ разорился. Если же онъ мало истратилъ
денегъ на свое благоденствіе, то, повидимому, расточалъ
ихъ, чтобы, удовлетворить склонность своего ума къ любо-
пытству. Онъ былъ неуживчивъ и, невѣроятно, мнителенъ,
любилъ одиночество и былъ, въ своемъ скромномъ поло-
женіи, во всемъ очень страннымъ человѣкомъ. Онъ не
окружалъ себя роскошью, но обладалъ какъ бы скрытымъ
богатствомъ, сокровищами въ видѣ художественныхъ цѣн-
ностей. принесшихъ ему много радостей. Онъ потерялъ ихъ
въ полномъ крушеніи своего благосостоянія. Въ поистинѣ
зловѣщій день эти сокровища были распроданы за без-
цѣнокъ съ аукціона. Въ его обстановкѣ не все было рух-
лядью: это видно изъ инвентаря, составленнаго при рас-
продажѣ. Были мраморы, итальянскія и голландскія кар-
тины, много его собственныхъ произведеній. Особенно же
много было гравюръ, въ томъ числѣ и рѣдчайшія, кото-
рыя онъ вымѣнивалъ на гравюры своей работы или по-
купалъ по очень высокой цѣнѣ. Всѣми этими красивыми,
любовно собранными, избранными вещами онъ дорожилъ.
Онъ былъ къ нимъ привязанъ, какъ къ товарищамъ его
одиночества, свидѣтелямъ его труда, къ повѣреннымъ его
мысли и вдохновителямъ его. Онъ накоплялъ ихъ, какъ
настоящій любитель, dilettante, какъ знатокъ, какъ утон-
ченный цѣнитель въ области интеллектульныхъ наслаж-
деній. Это и была, вѣроятно, необычная форма его скупо-
сти, не понятой въ ея внутреннемъ смыслѣ. Что же ка-
сается его долговъ, то они у него были даже тогда, когда
въ сохранившейся до насъ перепискѣ онъ называлъ себя
богатымъ. Онъ былъ довольно гордъ и подписывалъ век-
селя съ непринужденностью, не зная цѣны деньгамъ и не
подсчитывая точно ни того, что у него есть, ни того, что
онъ долженъ.

У него была прелестная жена, которая, какъ лучъ,
озаряла эту вѣчную свѣтотѣнь. Въ теченіе нѣсколькихъ.
слишкомъ краткихъ, лѣтъ она вносила въ его жизнь, если
не изысканность и не дѣйствительныя блага, то, по край-
ней мѣрѣ, нѣкоторую большую яркость. Его печальному
дому, его угрюмому труду, всегда уходившему вглубь, не-
доставало общительности, влюбленной молодости, женской
граціи, нѣжности. Принесла ли ему все это жена? Это не
очень замѣтно. Говорятъ, онъ былъ влюбленъ въ нее. Онъ
часто ее писалъ, разодѣвалъ ее, какъ и самого себя, въ
разные необычайные и великолѣпные наряды, покрывалъ
ее какою то странною случайною роскошью. Онъ изобра-
зилъ ее Еврейкой, Одалиской, Юдиѳью, быть можетъ, Су-
санной и Вирсавіей. Но онъ никогда не писалъ ее такою,
какою она была на самомъ дѣлѣ, въ одеждѣ или нагая,
и не оставилъ ни одного схожаго портрета,—такъ, по край-
ней мѣрѣ, хочется думать. Вотъ все, что мы знаемъ объ
его домашнихъ радостяхъ; слишкомъ рано угасшихъ. Жена
умерла молодою, въ тотъ самый годъ, когда онъ написалъ
лучшую свою картину. Въ его картинахъ ни разу не встрѣ-
чается веселаго, привѣтливаго образа его дѣтей, а онъ
имѣлъ ихъ нѣсколько отъ разныхъ браковъ. Одинъ сынъ
его умеръ за нѣсколько мѣсяцевъ до него самого. Другіе
исчезли во мракѣ, покрывшемъ его послѣдніе годы и его
смерть.

У N. же невозможно узнать, что выстрадало его серд-
це. Жена его умираетъ, а работа его продолжается безъ
единаго дня задержки—это видно по датамъ его картинъ
и еще лучше по его офортамъ. Рушится его богатство, его
волокутъ на судъ, какъ несостоятельнаго должника, у него
отнимаютъ все, что онъ любитъ: онъ уноситъ свой моль-
бертъ, ставитъ его на новомъ мѣстѣ, и ни современники.
ни потомство не услышали ни единой жалобы, ни единаго
крика этого страннаго человѣка. А можно было думать,
что онъ будетъ совершенно раздавленъ несчастьемъ. Его
производительность не уменьшается и не падаетъ Попу-
лярность измѣняетъ ему вмѣстѣ съ богатствомъ, счастіемъ,
благосостояніемъ: на несправедливость судьбы, на измѣну
общественнаго мнѣнія, онъ отвѣчаетъ произведеніями, при-
числяющимися къ самымъ его уравновѣшеннымъ, убѣж-
деннымъ, сильнымъ. Въ траурѣ, въ унизительныхъ нес-
частіяхъ, онъ сохраняетъ какую то невозмутимость, совер-
шенно необъяснимую, если не знать, на что способна душа,
поглощенная глубокимъ содержаніемъ, въ смыслѣ внут-
ренней силы, безразличія и скораго забвенія.

Имѣлъ ли онъ друзей? Повидимому, нѣтъ. Во всякомъ
случаѣ, его друзьями не были тѣ, чьей дружбы онъ зас-
лужилъ: ни люди, которыя бывали въ его домѣ, ни зна-
менитые художники, которые посѣщали всѣхъ, кромѣ него
ничего не упоминаютъ о немъ. Имя N. даже не значится
ни въ его письмахъ, ни въ его коллекціяхъ. Чествовали
ли его, имѣлъ ли онъ связи, былъ ли на виду? Нѣтъ.
Когда о немъ говорятъ въ Апологіяхъ, въ литературѣ того
времени, въ маленькихъ стихотвореніяхъ, написанныхъ
на случай, то всегда отводятъ ему второстепенное мѣсто.
Упоминаютъ его случайно, безъ всякой теплоты и почти
только изъ чувства справедливости. Литераторы предпо-
читали ему другихъ: для N.—единственнаго великаго изъ
всѣхъ—они находили мѣсто позади прочихъ. Въ оффи-
ціальныхъ церемоніяхъ, во дни всякихъ большихъ тор-
жествъ, его забывали. Его не видно нигдѣ—ни въ пер-
вомъ ряду, ни «на эстрадахъ».

Несмотря на его геній, его славу, на неслыханное
увлеченіе, толкавшее къ нему художниковъ въ началѣ
его творчества, та общественная среда, которую называютъ
свѣтомъ, даже въ родномъ городѣ только слегка пріот-
крыла ему дверь, не больше—онъ къ ней никогда не
принадлежалъ, Ни портреты его работы, ни самая лич-
ность его не служили ему рекомендаціей. Хотя онъ и дѣ-
лалъ портреты великолѣпно и притомъ съ избранныхъ
по положенію людей; они не были произведеніями легко
нравящимися, естественными, ясными. Они не могли соз-
дать ему популярности въ извѣстномъ обществѣ, не могли
тамъ быть оцѣнены и дать ему право входа. Я уже ска-
залъ, что лица власть имущіе и меценаты, изображенные
въ его картинахъ, впослѣдствіи утѣшилися портретами
другихъ мастеровъ. Что-же касается Мецетра, молодого
сравнительно съ нимъ человѣка, то онъ—я въ томъ не
разувѣрюсь—разрѣшилъ писать себя противъ своей воли.
N. бывалъ у этого оффиціальнаго лица скорѣе какъ у
бургомистра и мецената, чѣмъ какъ у друга. Вообще онъ
предпочиталъ общество незначительныхъ людей, лавоч-
никовъ, мелкихъ мѣщанъ. За это скромное, нисколько
его не позорящее общеніе съ людьми N. впослѣдствіи
очень унижали. Но еще одинъ шагъ, и его можно было-
бы упрекнуть въ гнусныхъ привычкахъ, ибо десять лѣтъ
послѣ смерти жены онъ имѣлъ повидимому, подозритель-
ныя сношенія со своей служанкой. А между тѣмъ онъ
даже не ходилъ по кабакамъ,—явленіе, чрезвычайно для
того времени рѣдкое. Служанка его лишилась честнаго
имени, а самого N. очень осуждали. Въ это время, впрочемъ,
у него все шло плохо, состояніе, почести. Когда онъ по-
кинулъ аристократическій кварталъ, безъ крова, безъ
гроша, но расчитавшись со своими кредиторами, для него
создалось положеніе, въ которомъ ничего не значатъ ни
талантъ, ни уже пріобрѣтенная слава. Его забыли, потеряли
самый слѣдъ его. Его поглотила темная жизнь въ нуждѣ,

изъ которой онъ, собственно говоря, никогда и не выхо-
дилъ вполнѣ.

Во всемъ, какъ видно, онъ былъ человѣкомъ не похо-
жимъ на другихъ, мечтателемъ, быть можетъ, очень мол-
чаливымъ, хотя черты его свидѣтельствуютъ о другомъ.
Возможно, что обладалъ характеромъ угловатымъ, немного
грубымъ, рѣзкимъ, натянутымъ. Ему неудобно было про-
тиворѣчить, еще неудобнѣе было его убѣждать. Внутренно
извилистый, внѣшне неподатливый, онъ. во всякомъ слу-
чаѣ, былъ оригиналенъ. Если сначала онъ, несмотря на
зависть, близорукость, педантизмъ и глупость многихъ.
былъ знаменитъ, любимъ и восхваляемъ, то впослѣдствіи
ему за это жестоко отомстили.

Онъ писалъ, рисовалъ, гравировалъ иначе, чѣмъ всѣ.
По техническимъ пріемамъ произведенія его являлись
даже настоящими загадками. Ему удивлялись, но съ нѣ-
которымъ безпокойствомъ, за нимъ слѣдовали, не вполнѣ
его понимая. За работой, главнымъ образомъ, у него и
былъ видъ алхимика. Когда его видѣли передъ мольбер-
томъ, съ его несомнѣнно совсѣмъ липкой отъ красокъ
палитрой, откуда онъ бралъ иногда столько тяжелаго, а
иногда и столько легчайшаго вещества, когда его видѣли
согнувшагося надъ мѣдной доской, рѣжущаго по ней во-
преки установившимся правиламъ—всѣ искали у него
въ самой кисти или рѣзцѣ секретовъ, лежавшихъ гораздо
глубже. Его манера была столь нова, что она сбивала съ
толку умы сильные и увлекала до страсти умы простые.
Все, что только было молодого, предпріимчиваго, непо-
слушнаго и легкомысленнаго среди учившихся живописи—
все бѣжало къ нему. Его прямые ученики были посред-
ственны, хвостъ, который тащился за ними, былъ отвра-
тителенъ. Поразительно то, что при келейномъ обученіи,
о которомъ я уже говорилъ выше, ни одинъ изъ нихъ
не сохранилъ вполнѣ своей независимости. Они подра-
жали своему мастеру. Конечно, они переняли у него лишь
худшіе изъ его пріемовъ.

Былъ-ли онъ ученъ, образованъ? Былъ-ли онъ хотя-бы
начитанъ? Говорятъ—да, потому что онъ умѣлъ компо-
новать сцены, касался исторіи, миѳологіи, христіанскаго
ученія. Говорятъ—нѣтъ, такъ-какъ по разсмотрѣніи его
обстановки оказалось несчетное число гравюръ и почти
не было книгъ. Былъ-ли онъ философомъ въ томъ смыслѣ,
въ какомъ обычно понимаютъ это слово? Въ какомъ от-
ношеніи былъ онъ къ тогдашнему моменту реформаціи?
Способствовалъ-ли онъ, какъ это увѣряютъ въ наше
время нѣкоторые, въ качествѣ художника, искорененію
догматовъ и выясненію человѣческихъ сторонъ Евангелія?
Сказалъ-ли онъ намѣренно свое слово по политическимъ,
религіознымъ, соціальнымъ вопросамъ, наполнявшимъ
смятеніемъ его страну и потомъ, наконецъ, счастливо
разрѣшеннымъ? Онъ изображалъ нищихъ, обездоленныхъ,
бродягъ чаще, чѣмъ богатыхъ, евреевъ чаще, чѣмъ хри-
стіанъ Слѣдуетъ-ли изъ этого, что онъ питалъ къ бѣд-
ствующимъ слоямъ населенія что-либо, кромѣ интереса
живописца? Все это болѣе, чѣмъ гадательно, и я не вижу
основанія углублять творчество, уже и безъ того глубо-
кое, и прибавлять еще одну гипотезу къ множеству
другихъ.

Дѣйствительно, трудно выдѣлить его изъ умствен-
наго и нравственнаго движенія его страны и его времени.
Онъ дышалъ своимъ вѣкомъ, своимъ роднымъ возду-
хомъ, и имъ онъ жилъ. Онъ былъ-бы необъяснимъ,
если бы явился раньше. Рожденный въ другой странѣ,
онъ казался-бы еще болѣе странной кометой, блуждающей
внѣ осей искусства новаго времени. Если-бы онъ при
шелъ позднѣе, онъ не имѣлъ-бы громадной заслуги за-
вершителя прошлаго, открывшаго одну изъ великихъ
дверей будущаго. Во всѣхъ отношеніяхъ въ немъ многіе
обманулись. Ему недоставало внѣшнихъ условныхъ при-
личій, и изъ этого заключили, что онъ былъ грубъ. Въ
области знанія онъ нарушилъ много системъ, и изъ этого
сдѣлали выводъ, что онъ имъ не обладалъ. Какъ чело-
вѣкъ вкуса, онъ погрѣшилъ противъ обычныхъ законовъ,
изъ чего опять-таки заключили, что у N его не было.
Какъ художникъ, влюбленный въ прекрасное, онъ выра-
зилъ относительно земныхъ вещей нѣсколько очень безо-
бразныхъ представленій. При этомъ не замѣтили, что онъ
смотрѣлъ въ другую сторону. Короче, какъ-бы сильно
его ни расхваливали, какъ-бы зло его ни хулили, какъ-бы
несправедливо къ нему ни относились въ вопросахъ
добра и зла, не считаясь съ его дѣйствительнымъ харак-
теромъ, никто не подозрѣвалъ вполнѣ точно его истин-
наго величія.

Замѣтьте, что онъ въ наименьшей мѣрѣ туземецъ
изъ всѣхъ отечественныхъ живописцевъ. Хотя онъ и
принадлежитъ своему времени, онъ никогда не принад-
лежитъ ему вполнѣ. Того, что наблюдали его соотече-
ственники, онъ не видитъ. Къ тому, отъ чего они отстра-
нялись, онъ возвращается. Они распрощались съ миѳами,
а онъ къ нимъ идетъ. Съ Библіей: онъ иллюстрируетъ
ее. Съ Евангеліемъ: онъ съ особенной охотой на немъ
останавливается. Все это онъ разодѣваетъ по-своему, но
отовсюду онъ высвобождаетъ смыслъ единый, новый, все-
мірно понятный. Онъ грезитъ о Св. Симеонѣ, о Іаковѣ и
Лаванѣ, о Блудномъ Сынѣ, о Товіи, объ Апостолахъ, о
Св. Семействѣ, о Царѣ Давидѣ, о Голгофѣ, о Самарянинѣ,
объ Евангелистахъ. Онъ блуждаетъ вокругъ Іерусалима,
Еммауса,—всегда, это чувствуется притягиваемый сина-
гогой. Эти освященныя темы ему представляются въ об-
становкахъ, которымъ нѣтъ названія, съ костюмами, кото-
рые противорѣчатъ здравому смыслу. Онъ ихъ задумы-
ваетъ и формулируетъ, такъ-же мало заботясь о традиці-
яхъ, какъ и о правдѣ мѣста дѣйствія. Но такъ велика
сила его творчества, что этотъ столь особенный, столь
личный духъ придаетъ предметамъ, которыхъ касается
N. общее выраженіе, интимное и типическое значеніе, не
всегда доступное великимъ мыслителямъ и эпическимъ
мастерамъ рисунка.

Я уже гдѣ-то сказалъ въ настоящемъ очеркѣ, что
его принципомъ было—выдѣлить въ вещахъ одинъ эле-
ментъ изо всѣхъ другихъ, или, вѣрнѣе, отвлечь ихъ всѣ
съ тѣмъ, чтобы опредѣленно имъ овладѣть. Такимъ обра-
зомъ, въ своихъ работахъ онъ производилъ анализъ,
перегонку, или, выражаясь благороднѣе, творилъ, какъ
метафизикъ въ большей степени, чѣмъ какъ поэтъ. Ни-
когда дѣйствительность не овладѣвала имъ въ своихъ
ансамбляхъ. Когда смотришь, какъ онъ трактовалъ тѣла,
можно усомниться, интересовался ли онъ оболочками. Онъ
любилъ женщинъ, но видѣлъ ихъ только безобразными.
Онъ любилъ ткани но не воспроизводилъ ихъ точно. Но зато,
за неимѣніемъ граціи, красоты, чистыхъ линій, нѣжности
кожи, онъ передавалъ нагое тѣло гибкимъ, упругимъ,
округлымъ, съ той любовью къ веществу, съ тѣмъ чув-
ствомъ жизни, которыя приводятъ въ восторгъ художни-
ковъ. Онъ дѣлалъ сводку и разложеніе всего, цвѣта
столько-же, сколько и свѣта, такъ-что, исключая изъ ви-
димости вещей все множественное, сгущая разсѣянное,
онъ могъ рисовать безъ очертаній, писать портретъ почти
безъ наглядныхъ линій, раскрашивать безъ колорита,
сосредоточивать сіяніе солнечнаго міра въ одномъ лучѣ.
Совершенно невозможно въ изобразительномъ искусствѣ
зайти дальше въ любопытствѣ къ бытію въ себѣ. Красоту
физическую онъ замѣнялъ духовнымъ выраженіемъ; по-
дражаніе внѣшности—почти полнымъ преображеніемъ
вещей; непосредственное разсмотрѣніе, умозрѣніемъ пси-
холога; точное, умѣлое или наивное наблюденіе—яснови-
дѣніемъ призраковъ столь искреннимъ, что онъ самъ
обманывался. Благодаря этому дару двойного зрѣнія,
этой интуиціи лунатика, онъ въ области сверхъестествен-
наго видитъ дальше, чѣмъ кто-бы то ни было. Жизнь,
воспринимаемая имъ какъ-бы во снѣ, имѣетъ отпечатокъ
свѣта, дѣлающій ее почти холодной и блѣдной. Посмотрите
въ Луврѣ на его «Женскій портретъ», въ двухъ шагахъ
отъ «Метрессы» другого знаменитаго художника. Сравните
эти два существа, вопросите, какъ слѣдуетъ, обѣ картины,
и вы поймете разницу между обоими умами. Его идеалъ—
свѣтъ, подобный грезѣ, которую преслѣдуютъ съ закрытыми
глазами: сіяніе вокругъ предметовъ, фосфоресценція
на черномъ фонѣ. Все это неустойчиво, неопредѣленно,
образовано незамѣтнымъ линіями, готовыми исчезнуть
еще раньше чѣмъ на нихъ пристально посмотришь, эфе-
мерно и ослѣпительно. Схватить видѣніе, перенести его
на холстъ, дать ему форму, рельефъ, сохранитъ его хруп-
кое строеніе, придать ему его блескъ—и въ результатѣ
и очная. мужественная, субстанціальная живопись, болѣе
реальная, чѣмъ всякая другая, не уступающая никому
изъ его современниковъ. Вотъ что пытался сдѣлать N.
Осуществилъ-ли онъ свои задачи? Отвѣтить на это можетъ
только мнѣніе всего міра.

Еще одно послѣднее слово. Примѣняя къ N. его соб-
ственный методъ, извлекая изъ этого столь обширнаго
творчества, изъ этого многосторонняго генія то, что опре-
дѣляетъ его сущность, его природные элементы, исключая
палитру, кисть, масляпистую краску, мазокъ гладкій и
густой, весь механизмъ его живописи, можно было-бы,
наконецъ, уловить коренныя особенности художника въ
граверѣ. N. цѣликомъ содержится въ своихъ офортахъ.
Его духъ, стремленія, воображеніе, грезы, здравый смыслъ
химеры, трудности въ передачѣ невозможнаго, реальность
въ томъ. что есть ничто—все это открываютъ его офорты
Они даютъ предчувствовать живописца и—болѣе того—
его объясняютъ. Та-же техника, та-же предвзятость, та же
небрежность, та-же настойчивость, та-же странность фак-
туры, то-же отчаяніе и внезапный успѣхъ въ выраженіи.

Внимательно сравнивая экскизъ картины міра съ какимъ-нибудь его офортомъ, я не вижу между ними никакой разницы. Нѣтъ никого, кто не поставилъ-бы этого гравера выше всѣхъ граверовъ. Не заходя такъ далеко въ сужденіи объ его живописи, было-бы хорошо почаще думать о «Листѣ въ сто монетъ», особенно, когда затрудняешься понять его картины. Тогда увидѣли-бы что всѣ шлаки этого искусства, труднѣе всѣхъ другихъ поддающагося очисткѣ, совсѣмъ не портятъ несравненно прекраснаго пламени, горящаго внутри его. Я полагаю, что тогда замѣнили бы новыми названія и клички, какія когда-либо давали N.

Дѣйствительно, это человѣкъ съ глазами, свѣтящимися во тьмѣ, и рукою, не очень умѣлою, но очень ловкою. Эта работа, производимая съ такимъ трудомъ, исходила отъ гибкаго и проницательнаго ума. Ничтожный человѣкъ, ищейка, костюмеръ, ученый, вскормленный на безтолковщинѣ. Человѣкъ съ самыхъ низовъ, но чрезвычайно высокаго полета. Ночная бабочка, налетающая на все, что свѣтитъ, духъ столь чуткій къ нѣкоторымъ формамъ жизни, но столь равнодушный къ другимъ. Страсть безъ нѣжности, влюбленность безъ видимаго пламени. Натура, состоявшая изъ контрастовъ, противорѣчій и двусмысленностей: взволнованная, но не краснорѣчивая, любовная, но мало любезная. Неудачникъ, богато одаренный, по мнѣнію многихъ—матеріалистъ. «Пошлякъ», «уродъ». На самомъ-же дѣлѣ это былъ чистѣйшій спиритуалистъ, или, выражаясь однимъ словомъ: идеологъ. Я хочу сказать: человѣкъ, чья область—идеи, чей языкъ—языкъ идей. Здѣсь разгадка тайны.

Именно такимъ образомъ объясняется весь N. Таковы его жизнь, его творчество, его склонности, его замыслы, его поэтика, его методъ, его пріемы и даже патина его живописи, представляющая не что иное, какъ смѣлое и намѣренное одухотвореніе матеріальныхъ элементовъ его искусства.

М. А Врубель.

Третій конкурсъ „Весны“.

ШУТЪ.

Юр. Анненковъ «А. Н. Бенуа въ Версалѣ».

Мраченъ и угрюмъ сидѣлъ въ своей опочивальнѣ герцогъ. Уже въ теченіе двухъ часовъ сидѣлъ онъ такъ неподвижно, съ насупленными бровями и съ вперившимся въ одну точку взглядомъ. А точка эта находилась на груди молодой, прекрасной блондинки, изображенной умѣлой кистью мастера на большомъ, висящемъ прямо противъ герцога, портретѣ. Лучи заходящаго солнца пробиваясь сквозь цвѣтныя, узорчатыя стекла, преломляясь въ какіе-то фантастическіе блики, двигались радужными огоньками вдоль стѣнъ, придавая герцогинѣ видъ неземного существа, парящаго въ воздухѣ.

Герцогъ не отрываясь глядѣлъ на портретъ, и по временамъ въ его взорѣ была видна такая жгучая ненависть, что пажъ, находившійся неотлучно въ покоѣ герцога невольно дрожалъ и старался стоять чуть дыша, чтобы не обратить на себя вниманія разгнѣваннаго властелина.

Причинъ для гнѣва герцога, человѣка уже не молодого, было достаточно. Его вторая жена подарила ему еще ребенка—и опять дѣвочку. Когда всѣ мысли, всѣ стремленія народа были сосредоточены на сверженіи жестокаго тирана, только одинъ наслѣдникъ могъ упрочить его тронъ... Надежды тщетны... Разстроенные нервы герцога были такъ болѣзненно натянуты, что только самыя сильныя средства могли успокоить и хоть немного примирить со случившимся, этого погрязшаго въ развратѣ и преступленіяхъ, человѣка. Безмѣрно властолюбивый, кровожадный, съ дѣтства уже привыкшій къ безцѣльнымъ убійствамъ, развращенный потоками крови, герцогъ въ минуты крайняго нервнаго напряженія могъ лишь успокоиться при видѣ невинно пролитой крови, въ особенности, если эта кровь принадлежала близкому, хорошо знакомому существу.

А успокоится необходимо. Завтра пиръ крестины. Нельзя-же показать всѣмъ приглашеннымъ, что ропотъ народа трогаетъ сердце повелителя болѣе, чѣмъ они думаютъ.

Еще мрачнѣе, чѣмъ герцогъ, сидѣлъ въ своей каморкѣ шутъ. Геніальный остроумный бѣднякъ, только изъ страстной любви и преданности къ герцогу, который спасъ когда-то его единственнаго ребенка изъ рукъ разъяренной черни,—онъ сталъ его шутомъ. Вѣчно готовый по первому-же зову разсмѣшить властелина удачной фразой, или уродливой гримасой, этотъ „король смѣха“ сидѣлъ весь сгорбившись, осунувшись, печалясь, быть можетъ, больше самого герцога, но не надъ обманутыми надеждами, нѣтъ, его трогала лишь одна мысль, что повелитель, любимый полубогъ, страдаетъ. Шутъ отлично зналъ, чѣмъ можно успокоить тирана, и, сознавая свое личное, профессіональное безсиліе, только плакалъ...

* * *

Насталъ часъ пира... Столъ густо, уставленный всевозможными яствами и винами, окруженъ блестящей плеядой царедворцевъ и знати. Всѣ дѣлаютъ видъ, что веселятся, а на самомъ дѣлѣ

А. И. Мельниковъ «Алексѣй Ремизовъ».

всѣмъ не по душѣ. Ни у кого не вырвется искреннее, громкое слово; каждый старается говорить болѣе шепотомъ, чѣмъ вслухъ, глядя на герцога, сидящаго, подперевъ голову лѣвой рукой и держащаго въ правой большой кубокъ, безпрерывно пополняемый услужливыми пажами. Чѣмъ дальше подвигается мрачное пиршество, тѣмъ настроеніе становится все угрюмѣе и подавленнѣе... Вдругъ послышались бубенцы, и въ припрыжку, хромая, вбѣгаетъ шутъ въ желтомъ женскомъ парикѣ. Съ улыбкой, похожей на судорогу страданія хриплымъ, еле слышнымъ, дрожащимъ голосомъ, онъ сквозь слезы старается немного расшевелить общество и все время не спускаетъ глазъ съ обожаемаго господина. Но шутки удаются плохо. Плохой у нихъ и успѣхъ. Подойдя къ герцогу, шутъ, видно, желаетъ что-то сказать, но слова застреваютъ у него въ пересохшемъ горлѣ и вмѣсто нихъ вырывается давно сдерживаемое рыданье. Не помня себя, онъ падаетъ на колѣни и желаетъ обнять ноги герцога, но тотъ сильнымъ ударомъ, отбросивъ бѣднаго шута, поднимается и пьянымъ, отяжелѣвшимъ отъ вина голосомъ, кричитъ:

„Прочь шутъ! Я не настроенъ видѣть твою глупую, слезливую рожу... Сеньоры! Немного страннымъ кажется Намъ ваше поведенье; созвали Мы всѣхъ, чтобъ праздновать крестины, а видъ трепещущій у васъ. Что вы боитесь? Или скучаете быть можетъ? Такъ чтожъ! Есть у меня для васъ забава. Мы всѣ здѣсь дружною семьей, не такъ-ли? Никто не станетъ прекословить мнѣ: неправда-ль? А не то со мной имѣть придется дѣло... Хочу сегодня веселится, хочу я крови, да!.. Но чья изъ васъ прольется кровь, пусть вамъ судьба разскажетъ“...

Послѣ этихъ словъ герцогъ смолкъ и жадно, безъ передышки выпилъ два полныхъ кубка. Въ залѣ воцарилась мертвая тишина. Всѣ затихли, зная, что выхода изъ критическаго положенья нѣтъ. Да если-бъ онъ и былъ, имъ все равно никто не рискнетъ воспользоваться. Вѣдь мщеніе тирана достигнетъ всякаго, какъ далеко-бы онъ ни былъ. Но каждый тѣшилъ себя все-же надеждой, что судьба изберетъ не его, и что онъ при помощи еще неизвѣстной, но жестокой забавы, сумѣетъ легко, и вполнѣ „законнымъ“ образомъ, отдѣлаться отъ какого-нибудь соперника. Всѣ молча ждали, пока герцогъ, объяснитъ имъ суть задуманной грозной шалости.

А повелитель еще нѣкоторое время ехидно наблюдалъ за всѣми, затѣмъ яростно ударивъ кулакомъ по столу, прошипѣлъ:

„Ну; чтожъ! Мнѣ кажется, вамъ всѣмъ не по себѣ? Придется Намъ ужъ всѣхъ развеселить; а чтобы Насъ потомъ не обвиняли вы въ убійствѣ, заставлю я и васъ участье въ немъ принять. Хочу провѣрить ваше остроумье; кто жертвой будетъ, судьба сама рѣшитъ. А сдѣлаемъ мы такъ: пусть каждый на клочкѣ бумажки напишетъ ребусъ потруднѣй и бросить въ эту вазу, она вамъ будетъ урной. Затѣмъ бросайте жребій, и избранный самой судьбой пусть вытянетъ одну записку и вѣрное рѣшеніе намъ дастъ. А если онъ въ рѣшеньи ошибется, или совсѣмъ его не дастъ, то всѣ, кто ближе, тѣ должны его кинжалами пронзить. Вамъ вѣдь все ясно? Да? Такъ поскорѣе шевелитесь... А ты Шутъ, что тамъ въ сторонѣ? Пиши и ты, прими участіе въ забавѣ!..

Немного возбужденный длинной тирадой, герцогъ стоялъ выпрямившись, съ блестящимъ, отъ предвкушенія будущей забавы, взглядомъ.

Нѣкотое время было слышно лишь усиленное дыханье пишущихъ, которымъ эта работа давалась совсѣмъ не легко. Затѣмъ всѣ бумажки были брошены въ урну; и приступили къ жеребьевкѣ. Не долго длилась процедура. Черезъ минуту всѣ знали, что жребій палъ на Шута. При этомъ всѣ вздохнули легче, зная, что этотъ геніальный остроумецъ разрѣшитъ любую, даже самую сложную задачу, не задумываясь. Всѣ почувствовали большое облегченіе, видя что теперь забава герцога обойдется безъ кровопролитія.

— „Ну что? Готово? крукнулъ герцогъ.—Кто избранъ? Что? Мой Шутъ? Ну, превосходно, ближе къ дѣлу!“

Герцогъ самъ на время забывшій цѣль выдуманной имъ игры, торопилъ, желая похвастать присутсвующимъ геніемъ своего Шута.

...Блѣдный, какъ смерть, стоялъ Шутъ. Дрожащими руками держалъ онъ скомканную бумажку... Онъ держалъ въ рукѣ загадку, свою собственную, только-что брошенную имъ самимъ въ урну, загадку. Рѣшенье ясно... Шутъ уже хотѣлъ было объявить его вслухъ, но бросивъ бѣглый взглядъ на герцога, и увидѣвъ, что тотъ послѣ минутной вспышки опять впалъ въ прежнюю апатію, опять мраченъ и золъ. Шутъ замялся и... молчалъ...

— „Что ты такъ долго? Говори!“

— „Прости, о Государь, мнѣ кажется, рѣшенья я не знаю... впрочемъ... нѣтъ, нѣтъ, рѣшенья я не знаю!..

...Пронзенный нѣсколькими кинжалами, палъ Шутъ, и его умирающій взглядъ еще видѣлъ либимаго герцога—склонившагося надъ нимъ уже съ радостнымъ, просвѣтленнымъ лицомъ...

Д. Г.

Первый конкурсъ „Весны“.

БУРИМЕ.

ПІЙ X.

О міръ, воскликнулъ Пій глядя на танго,
Вѣдь эта грязь на благонравіи лишай;
Достоинъ танецъ сей лишь глазъ орангутанга...
Меня же міръ—фурляной потѣшай
Ее плясать могла-бъ сама мадонна...
Но танго для людей—отравленный пирогъ,
Погибель въ немъ какъ пропасти бездонна
Дрожу. Отъ пота хладнаго я кажется продрогъ...

Кальяро.

ВАКХАНКА.

Извиваясь какъ гадюка въ буйно-страстной пляскѣ танго
Одурманю, зачарую щекоча, всѣхъ какъ лишай...
Хоть до ужаса противна, словно дочь орангутанга,
Всѣ обнимутъ, расцѣлуютъ, умоляя «потѣшай»...
Но какъ сталь неколебима, словно чистая Мадонна,
Отстраню я дождь червонцевъ, поднесенный мнѣ пирогъ...
Вспыхнувъ местью безграничной, буду въ дикости бездонна,
Чтобы каждый отъ желаній истомился и продрогъ...

Макаръ Пасынокъ.

Танцуй, прелестница, мнѣ танго
(Утѣхи милой не лишай)
И своего орангутанга
Тѣлодвиженьемъ потѣшай!
Ты не святая вѣдь мадонна
И вкусный любишь ѣсть пирогъ:
Въ тебѣ пылаетъ страсть бездонна,
А я отъ холода продрогъ.

Василекъ.

1.

На зло судьбой дано намъ танго,
Какъ надоѣдливый лишай
Позерство... стилъ орангутанга...
Буржуйность вкусовъ потѣшай.
Въ смятеньи «Папа» О! Мадонна!
Пошли имъ кару. Хлѣбъ, пирогъ
Возьми отъ нихъ, вѣдь такъ бездонно
Паденье ихъ, что я продрогъ.

2.

Я пригласилъ ее на танго—
Фривольный танецъ не лишай
Плясалъ подъ стать орангутанга.
Мечталъ—красотку потѣшай.
Она прелестна, какъ Мадонна
И аппетитна, какъ пирогъ,
А очи!—страсть въ нихъ такъ бездонна,—
Что я отъ страсти той продрогъ.

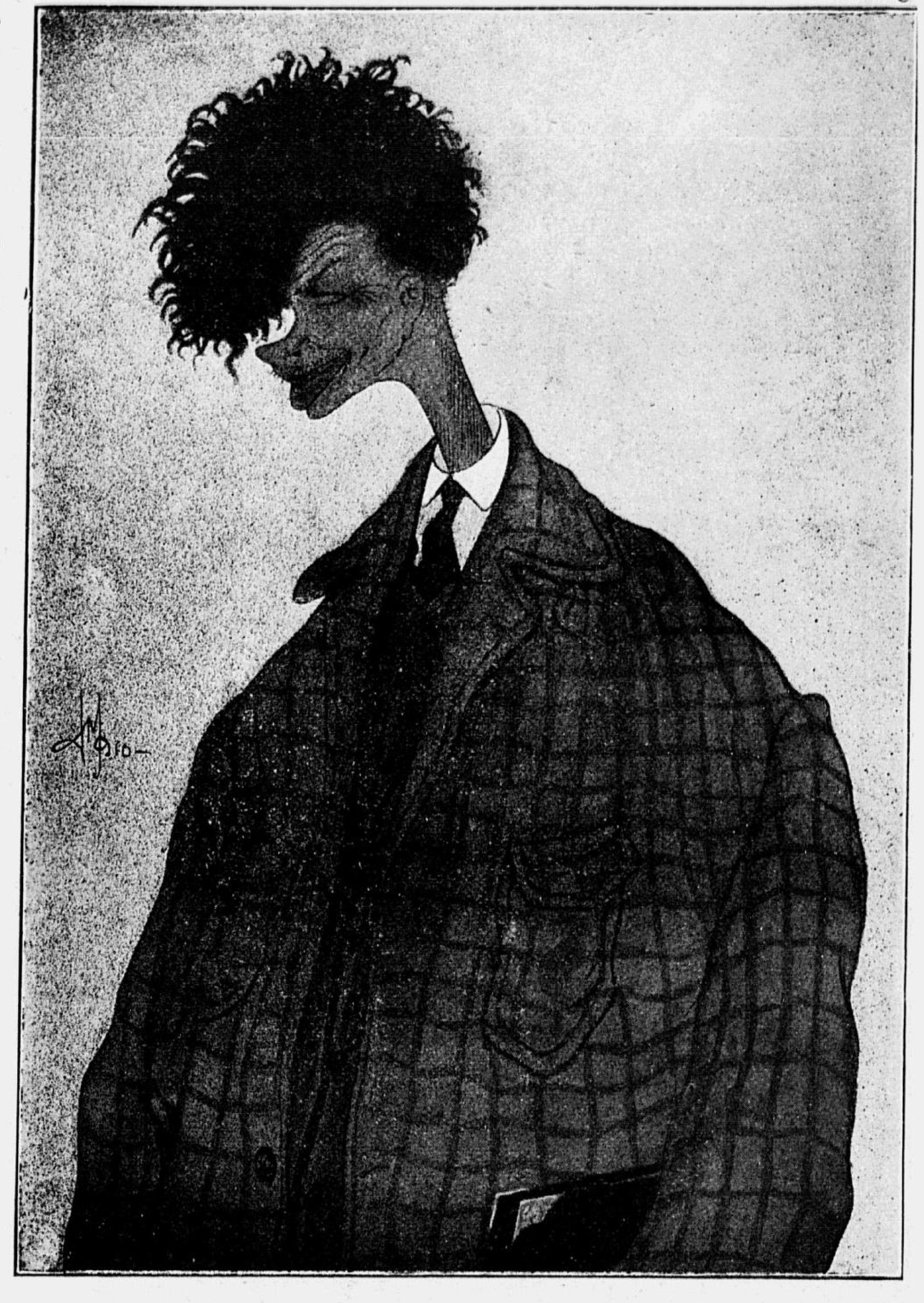
Нилло-Боти.

ТАНГО.

Неприличенъ танецъ танго
Безобразенъ, какъ лишай,
Онъ дитя орангутанга
Низшій классъ онъ потѣшай;
Ты прекрасна какъ Мадонна
И вкусна ты какъ пирогъ,
Глубина твоя бездонна
Ну довольно, я продрогъ!

Люб. Дурдина.

А. И. Мельниковъ «Н. В. Ремизовъ Ре-ми».



ПЕТЕРБУРГСКІЕ ВЕЧЕРА.

Очень интересно составлены альманахи издаваемые М. И. Семеновымъ подъ такимъ заглавіемъ.

Вотъ напримѣръ второй.

Въ „Красной кофтѣ“ Ю. Слезкина, на фонѣ яркаго реализма вскипѣла какая то мистическая жуть. Мать пала въ ресторанѣ и въ тотъ самый часъ паденія матери упала и расшиблась на смерть ея малютка дѣвочка.

Случайность.

Такъ бываетъ.

Трагическій анекдотъ.

Но въ томъ какъ разсказанъ этотъ анекдотъ чуется, что это больше чѣмъ анекдотъ, что это не простяя случайность, что въ жизни часто невидимая рука рока караетъ...

Въ „Снахъ“ популярнѣйшей писательницы, романы которой расходятся сейчасъ даже больше Амфитеатровскихъ („Гнѣвъ Діониса“ уже выдержалъ 9 изданій!) оригинальна тема.

Двое—женщина и юноша хотятъ какъ нибудь убѣжать отъ пошлой обыденки.

Они рвутся къ снамъ.

Бурлюкъ «Н. Н. Евреиновъ».

Каждый день сходятся и разсказываютъ другъ другу свои сны.

А когда ничего не приснилось—придумываютъ сны,—сочиняютъ.

Они такъ втянулись въ это сочиненіе, что не могутъ жить безъ этого „насъ возвышающаго обмана“.

И вотъ сочиняютъ коллективный романъ.

Конечно и романъ этотъ пошлъ, какъ ихъ обыденка, потому что онъ навѣянъ „шедеврами“ бульварной литературы...

Но въ самомъ тяготѣніи ихъ къ принцессѣ грезѣ есть своя красота.

Зиновій Львовскій прекрасно перевелъ разсказъ Якова Вассермана „Лукардія“—изъ временъ русской революціи.

Сюжетъ оригиналенъ.

Раненому революціонеру надо немедленно скрыться отъ преслѣдованія полиціи.

Рана не позволяетъ ему уѣхать изъ Петербурга, а остаться у знакомыхъ—то же нельзя,—слѣдятъ.

Помочь выискалась молодая, эксцентричная дѣвушка Лукардія,—невѣста богатаго чиновника.

Она ѣдетъ съ незнакомымъ Надинскимъ въ домъ свиданія и проводитъ тамъ съ почти умирающимъ мужчиной на одной постели, подъ однимъ одѣяломъ двѣ ночи!

И при этомъ, чтобы прислуга не догадалась имитируетъ безстыдными, безстыжими словами разыгрываетъ изъ себя его случайную подругу.

Согласно обычаямъ дома, къ нимъ былъ приставленъ спеціальный человѣкъ для услугъ.

У этого человѣка, въ шитой серебромъ ливреѣ, были злые и наблюдательные круглые глаза. На губахъ его всегда играла отвратительно слащавая улыбка, и онъ прислуживалъ съ чисто рабскимъ подобострастіемъ, При видѣ его Лукардія почувствовала, какъ болѣзненно сжалось ея сердце. Слуга накрылъ столъ и остался въ комнатѣ, въ ожиданіи приказаній. Въ то время, какъ Надинскій заказывалъ кушанья, вина и шампанское, слуга не отрывалъ отъ него взгляда, который, казалось, требовалъ, чтобы пріѣзжіе были именно такими людьми, за какихъ они себя выдавали.

Лукардія надѣла сильно декольтированное платье и была густо накрашена. Дѣтская наивность, неизмѣнно до сихъ поръ сіявшая на ея лицѣ и чудесно украшавшая его должна была теперь смѣниться преступнымъ выраженіемъ готовности на любыя услуги. Она должна была все время непринужденно болтать. быть игривой, кокетливой, много смѣяться, садиться къ Надинскому на колѣнии принимать самы рискованныя позы.

Все то, чего она до сихъ поръ не видѣла, чего не хотѣла видѣть,—о чемъ знала изъ случайныхъ словъ, изъ случайно прочитанныхъ книгъ.—она должна была теперь продѣлывать для того, чтобы обмануть бдительность хама, то и дѣло появлявшагося въ комнатѣ.—то съ тарелками, то съ бутылками, то съ блюдами. Подавъ все—въ томъ числѣ и ведерко въ шампанскимъ - слуга отошелъ на нѣкорое разстояніе и съ гнуснѣйшимъ видомъ сталъ ожидать дальнѣйшихъ приказаній.

Фальшивая, дешевая роскошь этого дома приводила Лукардію въ ужасъ. Ей стоило неимовѣрныхъ усилій довести до конца принятую на себя роль. Она боролась съ собой, подавляла омерзѣніе ко всему тому, что въ эту минуту окружало ее, и продолжала играть свою трудную роль соблазнительцы

Моментами ей чудилось, что она уже очень давно ушла изъ родительскаго дома, - ушла много лѣтъ назадъ... Она забывалась, и въ такія минуты Надинскій бросалъ на нее страдальческіе и удивленные взгляды. Онъ точно старался разгать женщину, которая такимъ страннымъ образомъ очутилась на его жизненномъ пути. Всего труднѣе было обоимъ въ тѣ минуты, когда выходившій по тому или иному дѣлу лакей снова возвращался въ комнату. Еще тяжелѣе было послѣ нѣсколькихъ минутъ отдыха снова надѣвать маску...

Къ тому времени, какъ было убрано со стола. въ комнату вошла горничная, съ бѣлымъ чепцомъ на головѣ. Она была, очевидно, молода, но выглядѣла старой. Отъ постояннаго пребыванія въ комнатахъ съ искусственнымъ освѣщеніемъ ея лицо было необыкновенно блѣдно. Она принесла воду, прибавила дровъ въ печку и освѣдомилась

Ю. А.

М. Арцыбашевъ выразился: „Мнѣ только царь Соломонъ по плечу!..“

о господѣ, не нужно ли еще чего нибудь. Она говорила учень слащавымъ голосомъ, но, казалось, ея лицо горѣло ненавистью къ тѣмъ, кто повелѣвалъ ею, кто являлся сюда для удовлетворенія своихъ самыхъ низменныхъ инстиктовъ.

При видѣ этой женщины у Лукардіи задрожали ноги,— и ей вдругъ стало стыдно своихъ, ногъ, своихъ рукъ, своей шеи, плечъ,—всего тѣла. Но, наконецъ, миновало и это испытаніе.

Они остались наединѣ. На башенныхъ часахъ пробило десять ударовъ. Надинскій перешелъ въ другую комвату, гдѣ подъ голубымъ шелковымъ балдахиномъ стояла двуспальная кровать. Онъ безъ силъ упалъ на постель, и лишь спустя четверть часа Лукардія могла помочь ему раздѣться. Покрытый одѣяломъ до груди, онъ лежалъ предъ ней съ обнаженной грудью.

«И это человѣкъ!»—промолвила вдругъ про себя Лукардія и съ выступившими на глазахъ слезахъ почему то подумала о своемъ здоровомъ, краснощекомъ женихѣ, Александрѣ Михайловичѣ.

Она промыла раны Надинскаго и перемѣнила перевязки. Точно въ полуснѣ, и какъ нѣжное благоуханіе, онъ почувствовалъ прикосновеніе женской руки. Онъ не былъ въ состояніи поблагодарить ее. Къ тому же, онъ боялся ея взгляда, боялся своего собственнаго взгляда, въ которомъ дѣвушка могла бы прочесть что нибудь обидное для себя. Онъ жаждалъ только одного: чтобы Лукардія смотрѣла на него, какъ на неодушевленное тѣло, какъ на предметъ, лишенный лица и чувствъ.

Когда онъ заснулъ Лукардія сѣла рядомъ съ нимъ. Она взяла въ руки книгу. хотя знала, что не сможетъ читать. Она пыталась думать о матери. объ отцѣ, знакомыхъ, подругахъ, послѣднемъ балѣ, недавно слышанной оперѣ. Но всѣ ея попытки ни къ чему не привели. Все въ головѣ путалось, свивалось въ тяжелый, мучительный узелъ.

Она слышала дыханіе Надинскаго, видѣла его блѣдное лицо,—но и этотъ человѣкъ, къ которому она была приставлена, оказался внѣ предѣловъ ея мыслей. Она сама находила это очень страннымъ. Ей казалось, что отъ его постели ее отдѣляетъ пространство въ нѣсколько миль. Вдругъ она стала прислушиваться, и ей почудился заглушенный смѣхъ и крадущіеся шаги по корридору. Сквозь стѣны, потолокъ и полъ, заглушенные, проникали мужскіе и женскіе голоса. Звенѣли стаканы. Вдругъ заиграли на рояли.

Играли вальсъ. Очевидно, одна струна лопнула, потому что каждый разъ на извѣстномъ мѣстѣ чувствовался какой то провалъ,—точно дупло въ зубѣ смѣющагося человѣка.

Откуда то донесся крикъ, и рояль смолкъ. Въ то же же мгновеніе за лѣвой стѣной послышался шорохъ, смѣнившійся стономъ, отъ котораго у нея застыла кровь въ жилахъ.

Гдѣ то хлопали двери. Разнородные звуки вызывали въ головѣ Лукардіи одни и тѣ же представленія, отъ которыхъ она никакъ не могла избавиться.

Такой—она никогда не представляла себѣ жизнь! Она даже не понимала подобной жизни! Чуждые до этого момента, люди вдругъ сходятся такъ близко, такъ страшно близко... Они протягиваютъ другъ къ другу руки, переплетаются пальцами, намѣренно доводитъ себя до опьяненія, видятъ свои изображенія въ огромныхъ зеркалахъ и все же съ помощью безстыдныхъ словъ вырабатываютъ такое же безстыдное соглашеніе... Сорваны всѣ покровы съ невѣдомаго. Безъ всякаго содержанія оказывается загадочное и таинственное. Осквернена святыня, обезцѣнены лучшія сокровища, чудесныя созданія фантазіи!..

Лукардія схватилась за лицо, почувствовала румяна на щекахъ, и все ея существо наполнилось ужасомъ.

Надинскій открылъ глаза и застоналъ. Лукардія прошла пространство въ нѣсколько миль и подала больному стаканъ воды. Она дотронулась до его лба и, найдя его горячимъ, положила холодный компрессъ. Тогда Надинскій окончательно проснулся и началъ говорить о клиникѣ, о профессорѣ, объ Анастасіи Карловнѣ. Онъ говорилъ короткими фразами, которыя иногда прерывались еще болѣе короткими, точно робкими репликами Лукардіи.

— Завтра я почувствую себя настолько сильнымъ, что мы сможемъ уѣхать отсюда,—сказалъ онъ.

— Это невозможно,—возразила она.—У васъ жаръ... Къ тому же, Анастасія Карловна ждетъ васъ только послѣ завтра, къ семи часамъ вечера.

Эти тихо и кротко произнесенныя слова въ одинъ мигъ и какимъ то невѣдомымъ образомъ освѣтили предъ нимъ всю ея душу,—ея безоблачную юность, ея чистыя и нѣжныя чувства и переживанія. Онъ не замѣтилъ при этомъ, какъ она дрожитъ.

Брызжущій густымъ провинціальнымъ юморомъ разсказъ М. Кузьмина „Капитанскіе часы" читается съ превеликимъ удовольствіемъ.

Юморъ мягкій и теплый, бездна наблюдательности и прекрасный слогъ—превращаютъ пустой провинціальный анекдотъ въ изящное литературное произведеніе.

ТО ЧЕГО МЫ НЕ УЗНАЕМЪ.

Слезкинъ занятный разсказчикъ.

Фабула его разсказовъ почти всегда нарядна, нѣсколько неестественна, но любопытна.

Въ первомъ разсказѣ, напримѣръ, компанія кутилъ подъ пьяную руку заходятъ въ бюро похоронныхъ процессій, заказываютъ гробъ, даютъ первый подвернувшійся въ голову адресъ.

И что же оказывается какъ разъ въ указанной ими квартирѣ - покойникъ,—дѣвушка съ золотыми волосами.

И—мало того—эта дѣвушка въ жизни одного изъ кутилъ сыграла въ свое время роковую роль.

Это совпаденіе такъ потрясло кутилу, что онъ—покончилъ съ собой.

Сказка.

Но развѣ въ сказкахъ непремѣнно должны быть Красныя Шапочки, волки, чертовщины.

Современный сказочникъ можетъ и не трогать арсенала братьевъ Гриммовъ и изъ предметовъ первой необходимости, изъ простыхъ вещей и лицъ плести занятную сказку.

Такимъ сказочникомъ является и Слезкинъ.

ПОВѢСТЬ О МОЕЙ ЛЮБВИ.

Н. А Росницкій издалъ безхитростную книгу своихъ первыхъ любовныхъ стиховъ.

Вѣроятно онъ молодъ и какъ человѣкъ (— какъ поэтъ, то онъ совсѣмъ молодъ).

Но со временемъ изъ него можетъ выйти путное.

Ночь. Вспышки гаснущихъ зарницъ.
Твой взоръ довѣрчиво-влюбленный,
Стыдливость трепетныхъ рѣсницъ.
Улыбки вызовъ вдохновленный.
Твое порывистѣй дыханье,
И ближе сладость первыхъ мукъ,
И нестерпимѣй жажда рукъ,
И проницательнѣй молчанье.
Безсвязнѣй тайныя мечты.
Нѣмѣй привычныя движенья,
И странно чужды—я и ты
Предъ тайной перваго сближенья.

Финальная пара строкъ—глубока.

А въ другомъ стихотвореніи прекрасна первая пара строкъ:

Ночь—какъ монахиня нагая,
Ты какъ блудница подъ вѣнцомъ,
И съ зачарованнымъ лицомъ
Ты непонятно мнѣ чужая.

Много тривіальнаго.

Много такого, чего ни за что не запомнишь,—такъ плоско, что памяти не за что уцѣпиться.

Но эта пара строкъ задѣваетъ вниманіе.

И будитъ надежду, что изъ автора выйдетъ толкъ.

Запомнимъ еще куплетъ изъ „Ночной пѣсни:

Берегъ тихъ и теменъ.
Жутко въ камышахъ.
Ярче сердца вспомнитъ
О минувшихъ дняхъ.

Вотъ и все.

Почтовый ящикъ.

70) **В. Засловскому** — Дворецъ цвѣтовъ — не выдержанъ по стилю. „Коля“ — черезъ чуръ прямолинеенъ, наивенъ.

71 **Константину Грекову**. Очень много напыщенной миѳологіи.

Я стѳю въ узлѣ дорогъ туманныхъ
У лагунъ мертвенныхъ и обманныхъ.

Какъ это прочитать? „Слѣдъ рока“ талантливо написанъ. Но не для печати. Зайдите. Потолкуемъ.

72) **Д. Гэ.**—Пошловато

Скажи мнѣ, дѣва молодая,
Скажи мнѣ это, не шутя,
Скажи статуя ледяная
Зачѣмъ сгубила ты меня?

Теперь уже такъ и писаря не пишутъ.

73 **Н Бѣлопольскому.**—Вы пишите:

Мнѣ подъ ихъ гнетомъ, охъ! тяжко дышать...

Такіе стихи „охъ! тяжко читать“.

74) **Мих. Ульянинцеву.**—Только безплатно.

75) **С. Никитину.**—Пришлите что нибудь другое.

76) **Изнарскому.**—Нѣтъ.

77) **Дарѣ Одинокой.**—Даже для почтоваго ящика ваши стихи въ тягость.

Пускай жестоко мы умремъ,
Пускай засыпятъ насъ землей, —
Но на землѣ мы поживемъ,
Счастья увидимъ съ тобой.
Пусть тамъ, въ землѣ
Будетъ и душно, темно,—
Здѣсь я въ тебѣ
Солнце видала ярко.
Пускай не будемъ тамъ жить,
Пусть закроемъ навѣки глаза,—
Здѣсь мы умѣли любить...

Нѣтъ, вы неумѣли любить. Иначе бы не писали такихъ плоскихъ, нудныхъ, безсолнечныхъ стиховъ.

78) **С. Васюку.**—Все перепереперепѣвы. И не талантливые:

(Посвящается В. П-чъ).

Чуть сомкну я глаза—предо мною опять
Ты являешься съ нѣжной улыбкой твоей,
И пріятно и сладко тебя вспоминать...
Не одинъ я, мечтая, въ постели своей!
А проснусь—все темно... и постель холодна...
И твой образъ куда-то уплылъ далеко...

79) **Рабочему М. М—ву.**—Вамъ надо еще много читать. А уже потомъ переходить на письменность“.

ХОЗЯЙЧИКЪ.

Оборвалось что-то такъ нежданно разомъ
Хладнокровнымъ словомъ отъ труда отказомъ
Подозвалъ въ конторку, стукнуло сердечко;
«Больше мнѣ не нуженъ поищи мѣстечко.
Какова-жъ причина? да причинъ-то много
Главная-жъ дѣтина, что работалъ долго.
Вонъ мой другъ Кирюха нажилъ ужъ домишко
Потолщело брюхо. У меня-жъ нѣтъ лишка,
Я концы съ концами лишь сводить умѣю,
Не богатъ деньгами, дома не имѣю.
Я узналъ сегодня домъ есть подходящій
Ну! еще бы сотня и я не пропащій.
Вотъ тогда Кирихѣ я-бы далъ напится,
Обогналъ онъ въ брюхѣ домъ-жъ куда годится.

Рабочій М. М-въ.

80) **А. Я. Чухину.**—

„Авторъ прилагаемыхъ писемъ стихотвореній—13-ти лѣтняя воспитанница одной изъ Спб. гимназій.

Представляя эти стихотворенія, по ея просьбѣ, на Вашъ судъ, прошу высказать свое мнѣніе о нихъ на страницахъ „Весны“.

У дѣвочки несомнѣнно есть талантъ. Ибо она вся во власти прочитаннаго.

ЛѢСНЫЯ ФЕИ.

Мы живемъ въ большомъ лѣсу
Знаемъ прелести красу
Мы прекрасны и нѣжны
И собою всѣ стройны.
Ночью водимъ хороводы
Въ честь отца поемъ мы оды,
А отецъ король лѣсной
Онъ старикъ, но очень злой.
Мы прикрыты легкой фіерой
На власахъ съ златой короной.
Въ изумрудахъ, жемчугахъ.
И прекрасныхъ бирюзахъ.
Лучше всѣхъ одна изъ насъ
Не отвелъ съ нее-бы глазъ.
Очи здѣздочки ночныя
Кудри точно золотые
Всѣхъ нѣжнѣй изъ насъ она
И прозрачна, какъ луна.
Голосъ тонкій серебристый
Взглядъ прекрасный и лучистый.
Часто съ нами ты играешь
Розы нѣжныя срываешь
И несешь къ фонтану ихъ
Въ тонкихъ вазахъ золотыхъ.
Бьютъ фонтаны разливаясь
И о мраморъ разбиваясь
Быстро внизъ бѣгутъ ручьемъ.
Чистымъ и живымъ ключемъ.
Ко дворцу ведутъ аллеи,
А прекрасныя лилеи
Нѣжно чашечки раскрывъ
И дыханье затаивъ
Тихо въ музыку играютъ
Короля всѣ прославляютъ
А король сидитъ на тронѣ
Въ изумрудной онъ коронѣ
И съ густою бородой.
Взглядъ его сердитый, злой.
Мы поемъ предъ нимъ, рѣзвимся
Въ хороводахъ веселимся
Лишь грустна она одна
Молчалива и блѣдна.
Вотъ король къ себѣ позвалъ
Тихо что-то ей сказалъ,
А она ому въ отвѣтъ
Гордо отвѣчаетъ «нѣтъ!»
Хочешь, дамъ хрустальный замокъ
Много слугъ, служанокъ, мамокъ.
Хочешь все отдамъ тебѣ
Только услужи ты мнѣ
Будь веселой и прекрасной
И забудь о всемъ ненастіи
Что тревожитъ такъ тебя
Не могу понять все я?
—Нѣтъ богатствъ я не хочу
Только я одно прошу
Отпусти ты ихъ на волю
И не мучь—ты такъ людей
Вѣрь, я буду веселѣй!
—Посмотри ты сколько грозъ,
Сколько горькихъ тяжкихъ слезъ
Тамъ война, тамъ люди мрутъ
И о помощи зовутъ.
А у насъ идетъ веселье
Все тебѣ, въ утѣшенье.
Я пойду ихъ утѣшать
Грезы милымъ навѣвать.—
И король поникъ главою
Шевеля слегка брадою
Понялъ всѣхъ словъ правду онъ
И забылъ свой даже тронъ.

Вѣра Козлова 13 л.

Эта вещичка интересна какъ „человѣческій документъ“ 13-лѣтней дѣвочки.

81) **Н. Лубнину.**—„Въ вагонѣ“ будетъ напечатано въ № 4.

82) **Сергѣю Шапошникову**. Не все.

83) **В. Пахомову**. Надо разобраться; кое что изъ этого, кажется, уже шло въ „Веснѣ“.

Редакторъ **Н. Г. Шебуевъ**.
Издательница **Н. К. Дмитріева**.

ЧЕТВЕРТАЯ ПРОСТОКВАША.

Проснулся отъ робкаго стука въ дверь.

— Можно войти? Докторъ пришелъ.

— Пожалуйста!

Я хотѣлъ привстать, но повязки крѣпко стягивали тѣло.

— Тише, тише... Вы всѣ записи испортите!— произнесъ хорошенькій бѣлокурый мальчуганъ лѣтъ десяти:—Развѣ можно такъ...

Тутъ я замѣтилъ, что мои повязки—не обыкновенные бинты, а какіе-то странные.

Отъ нихъ къ стѣнѣ идутъ какія то гуттаперчевыя трубочки, какія то проволочки, какія то тесемочки. Концы всѣхъ этихъ связокъ сходятся на стѣнѣ у какого то прибора похожаго на часы.

Нѣсколько стрѣлокъ ходятъ по концентрическимъ циферблатамъ и указываютъ каждая свою цифру.

Мальчикъ—я понялъ, что это и есть докторъ—спокойно подошелъ къ этому аппарату вынулъ свою записную книжку и занесъ въ нее нѣсколько цифръ, какъ это дѣлаютъ завѣдующіе электрическимъ освѣщеніемъ, провѣряющіе счетчикъ.

— Недурно! Очень недурно! Я могу васъ поздравить! И температура! И пульсъ! И анализъ мочи! И самочувствіе... Вамъ завтра же можно будетъ встать... Только подкопите еще М-лучей и N-лучей...

— Позвольте! Но какъ же вы все это угадали! Вы не ставили мнѣ градусника! Вы не держали меня за руку! Вы не просили меня показать вамъ языкъ!

— Зачѣмъ же мнѣ все это, когда у меня передъ глазами морбоскопъ. Когда я стану идіотомъ, лѣтъ черезъ восемь, я тоже буду требовать чтобы больной мнѣ показывалъ языкъ. А теперь мнѣ достаточно взглянуть на циферблатъ мочи, на циферблатъ температуры, на циферблатъ сердца и пульса, на циферблатъ вѣса, испарины и аппетита и я имѣю полную картину исторіи болѣзни за сутки...

Видя, что я чрезвычайно заинтересовался морбоскопомъ мальчикъ любезно объяснилъ мнѣ его устройство.

Оказывается больной весь опутанъ, какъ щупальцами концами чувствительнѣйшихъ приборовъ изъ которыхъ нѣкоторые и у насъ въ Германіи употребляются, но не въ медицинѣ.

Для опредѣленія работы сердца и дыханія приспособлена система, чувствительнѣйшихъ сейсмографовъ и нѣчто въ родѣ диктовальной машины.

Карандашикъ сейсмографа чертитъ двѣ кривыя—дыханія и сердцебіенія.

Въ двухъ-трехъ мѣстахъ амплитуда колебанія вдругъ дѣлаетъ бѣшеные скачки:

— Что это значитъ? Отчего могло такъ сотрястись мое тѣло?

— Успокойся идіотъ-иностранецъ,—съ улыбкой произнесъ докторъ:—вотъ послушай...

Онъ поднесъ мнѣ къ уху трубочку соединенную съ докторомъ и я услышалъ здоровое

— Чихъ!

— Ты слышишь... Бурю въ сейсмографѣ, бурю, похожую на изверженіе вулкана, вызвало самое простое чиханіе... А вотъ еще буря... Послушай еще и ты будешь смѣяться!..

Онъ опять приложилъ мнѣ къ уху трубку диктофона и я не могъ не покраснѣть и не расхохотаться:

— Неужели это я!..

— Мало ли что бываетъ во снѣ...

Нашъ аппаратъ безстрастный лѣтописецъ... Изъ болѣзни звука не выкинетъ...

Для опредѣленія испарины и вообще влажности воздуха приспособленъ гигроскопъ.

Термометръ, остроумнѣйшимъ образомъ, автоматически записываетъ весь ходъ температуры за сутки, а не такъ какъ у насъ только въ опредѣленные часы.

Но всего остроумнѣе устроенъ аппаратъ, производящій анализъ мочи.

Вся моча больного проходитъ по трубкѣ, черезъ систему химическихъ и механическихъ фильтровъ, какъ у насъ въ городской ассенизаціонной станціи, и постепенно очищаясь отъ всевозможныхъ осадковъ, въ концѣ концовъ, выливается изъ крана аппарата въ стеклянную миску въ видѣ кристаллически чистой воды.

Ее можно пить.

Это самая лучшая стерилизація. Да ты и пилъ ее, идіотъ иностранецъ, потому что больныхъ мы предпочитаемъ поить ихъ собственной водой. Осадки соли и иныя составныя части химически или механически отдѣлившись отъ жидкости собираются вотъ сюда и сюда...

Тутъ автоматически взвѣшиваются, высушиваются, прессуются и въ видѣ кубиковъ выпадаютъ вотъ въ это отверстіе. По количеству и качеству этихъ кубиковъ мы опредѣляемъ работу почекъ... Такъ же просто и наглядно устроенъ у насъ и фекалепроводъ.... Почему тебя удивляетъ это... Какъ же иначе безъ движенія, привязанный къ морбоскопу могъ бы ты четыре дня провести въ кровати!..

Я съ восхищеніемъ глядѣлъ на ребенка такъ серьезно и просто объясняющаго мнѣ сложнѣйшій, остроумнѣйшій аппаратъ.

Онъ показалъ мнѣ мой скелетъ—снимокъ съ помощью рентгеновскихъ лучей, сдѣланный имъ на всякій случай.

— Вѣдь ты упалъ съ воздушнаго живота!

Меня страшно заинтересовало кѣмъ изобрѣтенъ морбоскопъ.

— Неужели дѣтьми! Мнѣ Эакъ говорилъ, что только дѣти занимаются въ Идіотіи науками и изобрѣтеніями.

— Да, онъ правъ. Взрослымъ идіотамъ не до того. У нихъ много времени занимаетъ простоквашный кодексъ и вообще ниже ихъ достоинства шевелить мозгами. Но было бы несправедливостью сказать, что морбоскопъ всецѣло изобрѣтеніе дѣтскаго ума. Онъ перешелъ къ намъ отъ тѣхъ доисторическихъ временъ, когда Идіотія еще не существовала, а на ея мѣстѣ находилась Страна Чистаго Разума. Въ тѣ времена, когда разумъ еще не скомпрометировалъ себя окончательно, міромъ управляли мудрые старцы. Они занимались науками искусствами и оставили послѣ себя много полезнѣйшихъ изобрѣтеній и библіотекъ полныхъ мудрыхъ книгъ. Они то между прочимъ изобрѣли морбоскопъ. А мы, дѣти, только кое въ чемъ его усовершенствовали.

— Значитъ во времена доисторическія у васъ въ Идіотіи существовала богатѣйшая культура!

— Нашъ молодой археологъ Чейякъ утвер-

ждаетъ, что при раскопкахъ въ окрестностяхъ Помидора на глубинѣ трехъ десятыхъ простоквашъ найдена проволока. Это значитъ что наши предки уже семь столѣтій назадъ имѣли проволочный телеграфъ. Другой нашъ археологъ Щайеакъ изъ того факта, что при раскопкахъ въ окрестностяхъ Сливы на глубинѣ четырехъ съ половиной простоквашъ не найдено проволоки, утверждаетъ, что нашимъ предкамъ еще девять вѣковъ тому назадъ былъ извѣстенъ безпроволочный телеграфъ. Да, культура была богатѣйшая, но жалѣть о томъ, что время тиранніи Разума прошло не приходится...

— Почему?

— Потому что при господствѣ Разума развѣ людямъ жилось бы такъ хорошо, какъ въ благословенной Идіотіи...

— Можетъ быть жилось бы лучше!

— Что ты, что ты, идіотъ-иностранецъ! Ужъ не начинаешь-ли ты бредить! Да развѣ ты не знаешь, что Разумъ за тѣ тысячелѣтія, когда онъ управлялъ людьми совершенно, скомпрометировался. Развѣ ты не знаешь что всѣ побѣды, всѣ изобрѣтенія ухищренія Разума не стоятъ одного открытія, одного геніальнаго изобрѣтенія, которымъ осчастливила міръ глупость!..

— Что это за изобрѣтеніе?

— Про-сто-ква-ша! — мальчикъ словно выросъ, съ горделивымъ смокованіемъ произнося это слово, очевидно влагая въ него какой-то особый внутренній смыслъ...

Я хотѣлъ было возразить:

— Простокваша пріятное и полезное кушанье, но...

Мальчикъ испуганно вскочилъ и прервалъ меня:

— Властью доктора я запрещаю больному идіоту-иностранцу говорить!.. Ему вредно!..

И быстро вставъ онъ вышелъ въ сосѣднюю комнату.

— Сода, изъ аптеки вамъ пришлютъ порошки и пилюли. Пусть больной ихъ приметъ въ три простокваши по тыквѣ... Не безпокойте его безъ нужды, а главное не тревожьте его разсказами и не мучайте его разспросами о диковинной странѣ откуда онъ прилетѣлъ.

Я остался одинъ буквально подавленный бесѣдой съ геніальнымъ мальчикомъ.

ПЯТАЯ ПРОСТОКВАША.

Неужели я въ самомъ дѣлѣ въ странѣ идіотовъ!

Напротивъ мнѣ кажется, что я въ странѣ геніевъ,— такъ мудры и практичны здѣшніе дѣти.

У насъ на родинѣ такой мальчуганъ, какъ этотъ докторъ, или тотъ Эакъ, или даже эта Сода прогремѣли-бы какъ небывалые вундеркинды!

Что-же представляютъ изъ себя вундеркинды здѣсь, если обыкновенныя дѣти такъ восхитительны!

Я началъ раздумывать надъ нѣкоторыми фразами доктора. Что значитъ фраза:

„Разумъ за тѣ тысячелѣтія, когда онъ управлялъ людьми скомпрометировалъ, себя!“

Развѣ не разумъ сдѣлалъ всѣ открытія и изобрѣтенія, которыми гордится человѣчество!

Вѣдь мы были бы дикарями, если бы не разумъ.

Не живутъ-же дикарями здѣшніе жители.

Напротивъ, я вижу какъ высока ихъ культура.

У насъ еще не додумались до морбоскопа, какъ не додумались до солнечнаго камина, который сейчасъ такъ сладостно грѣетъ мою комнату.

Я разглядѣлъ, на сколько это можно было, не двигая тѣла, устройство его и понялъ его принципъ и прихожу въ восхищеніе отъ практичности. Окна моей комнаты громадныя круглыя. Въ нихъ вставлены двояко выпуклыя стекла.

Солнце глядится ко мнѣ сквозь громадныя лупы. Оно свѣтитъ ярко, но я не могу разглядѣть высоко-ли оно, низко-ли быть можетъ только что встало, быть можетъ находится въ зенитѣ.

Лучи его проходятъ черезъ луну собираются въ фокусъ. Фокусы всѣхъ трехъ лунъ —(въ этой комнатѣ три окна) направлены въ одну точку по срединѣ комнаты и падаютъ на небольшой не то очагъ, не то жертвенникъ.

Отъ нагрѣтой тремя фокусами плиты жертвенника и исходитъ та пріятная равномѣрная теплота „которой я наслаждаюсь сейчасъ.

До такихъ оконъ въ Европѣ еще не додумались. Правда сквозь нихъ не видно того, что дѣлается на улицѣ, но за то не видно и съ улицы того, что дѣлается въ комнатѣ.

Во сколько разъ это практичнѣе матовыхъ стеколъ, которыя вставляются у меня на родинѣ, чтобы скрыться отъ посторонняго любопытства.

На солнечномъ жертвенникѣ, какъ на керосинкѣ можно въ пять минутъ вскипятить воду и изжарить что угодно.

Только нѣтъ копоти керосинной, нѣтъ траты на керосинъ, нѣтъ опасности пожара!

Ту тепловую энергію, которая собирается въ комнатѣ, идіоты употребляютъ для приведенія въ движеніе маленькаго моторчика, вполнѣ достаточнаго для исполненія всевозможныхъ домашнихъ работъ.

Развѣ Глупость, а не Разумъ додумался до этого солцемотора!

Нѣтъ, Эакъ долженъ объяснить мнѣ почему они считаютъ Разумъ скомпроментированнымъ.

Я позвалъ Эака.

ШЕСТАЯ ПРОСТОКВАША.

Отозвалась Сода:

— Эака нѣтъ. Онъ на демонстраціи. Мы не такъ богаты, чтобы имѣть собственный кинетофонный проводъ и ему приходится ходить къ сосѣду мальчику Стреаку, чтобы слушать лекціи и разсматривать на экранѣ то, что демонстрируетъ лекторъ. Что тебѣ, идіотъ иностранецъ, быть можетъ я могу тебѣ замѣнить Эака.

Ангельское, чистое невинное хорошенькое личико дѣвочки такъ не вязалось съ прозаическимъ именемъ которое она носила.

— Я думаю, милая Содочка, что ты не сможешь отвѣтить на тотъ философскій вопросъ, какой мнѣ хочется предложить Эаку.

— Тогда я и не отвѣчу. Изъ философіи у меня хорошія отмѣтки. Можетъ быть я сумѣю тебѣ быть полезной.

Сода говорила такъ серьезно, такъ дѣловито, такъ взросло, что я почувствовалъ себя съ ней на равной ногѣ.

Юр. Анненковъ «Семейная драма».

— Видишь-ли милая Сода, меня поразила фраза доктора: „Разумъ за тысячелѣтія управленія людьми совершенно скомпрометировался“...

— Ну да... Это такъ ясно...

— Какъ ясно! Да вѣдь всѣ тѣ открытія и изобрѣтенія, которыми вы пользуетесь сейчасъ— произведены Разумомъ! Вдумайся въ исторію культуры — вся она сплошное побѣдоносное шествіе Разума къ его апогею.

Въ чемъ же онъ скомпроментированъ?

— Въ главномъ...

— Но главное и есть сумма тѣхъ открытій и изобрѣтеній, которыми мы пользуемся...

— Главное не въ этомъ.

— А въ чемъ-же?

— Въ счастьи!

— Но вѣдь всѣ открытія и изобрѣтенія и ведутъ къ счастью!

— Какъ ты заблуждаешься идіотъ—иностранецъ. Напротивъ всѣ открытія и изобрѣтенія

и всѣ вмѣстѣ и каждое по отдѣльности вели, какъ учитъ насъ исторія къ несчастью. Съ каждымъ изобрѣтеніемъ людямъ становилось тяжелѣе жить. Каждая новая машина отнимала кусокъ хлѣба у сотенъ тысячъ рабочихъ... Съ каждымъ открытіемъ открывались тысячи тысячъ голодныхъ ртовъ! Съ каждымъ годомъ становилось все сложнѣе, все тѣснѣе и труднѣе жить. Дошли до того что жизнь стала труднѣе смерти. Да, какой ужасъ! Смерть стала легче жизни И тысячи человѣкъ ухватились за смерть какъ за желанную избавительницу отъ тираніи Разума. Они задыхались въ оковахъ хитросплетенныхъ сѣтей и капкановъ Разума. И человѣчеству грозила гибель посредствомъ всеобщаго, тайнаго, равнаго самоубійства. Если бы не явилась во время великая избавительница отъ несчастія— Глупость. Она подарила міръ изобрѣтеніемъ, передъ которымъ меркнутъ всѣ изобрѣтенія Разума. Она привязала человѣчество къ жизни, она заставила полюбить жизнь... Я говорю, конечно, о простоквашѣ...

Она отрада идіота,
Она опора патріота—
Полуѣда-полупитье,—
Все наше скрасила житье!..
Питаться можно ей безъ хлѣба!
Рази того проклятье неба,
Кто предпочтетъ ей варенецъ,—
Всѣхъ золъ и горестей вѣнецъ!..

Дѣвочка говорила такъ гладко, что я заподозрилъ: не читаетъ ли она свою проповѣдь наизусть.

Словно угадавъ мои мысли, Сода скромно добавила:

— Я только вчера въ школѣ писала сочиненіе на эту тему... Если хочешь я могу подтвердить мои мысли цитатами изъ твореній нашихъ лучшихъ глупителей...

Я кивнулъ головой. Мнѣ было интересно ознакомиться съ научными данными въ защиту теоріи Глупости.

Дѣвочка даже обрадовалась, что ей на долю выпала такая отвѣтственная миссія и начала какъ горохъ сыпать зазубренными страницами „объяснительнаго чтенія“.

СЕДЬМАЯ ПРОСТОКВАША.

— Великій глупитель эпохи розовой простокваши Щхжзыйшгпрсцчнуэакъ Содовичъ-Хиновичъ въ своемъ сочиненіи „Критика чистой простокваши“ изрекъ:

Млеко пріяла Глупость наша
И сотворися Простокваша
И воцарися благодать
Какой мы смертны тщились ждать.
Но се явися Умъ-щенецъ
Въ млеко кипное вергъ сметану
И на потѣху вражью стану
Создалъ блевотный варенецъ!

„*Млеко*“—такъ называется молоко изъ котораго предположено дѣлать простоквашу. Простоквашу можно дѣлать изъ молока любого животнаго. Но преимущественно для этой высокой цѣли употребляется молоко бѣлыхъ коровъ. Самый лучшій сортъ простокваши называется „фрау-мильхъ-простокваша“. Она употребляется для питанія высшихъ глупителей государства и изготовляется изъ женскаго молока первородящихъ блондинокъ. Фрау-мильхъ-простоквашу полезно давать больнымъ дѣтямъ. „*Пріяла*“—приняла, взяла, поставила. Для изготовленія простокваши берется чистое, цѣльное, свѣжее молоко и ставится въ полутеплое огражденное отъ всякихъ случайностей мѣсто. Великая тайна претворенія млека въ простоквашу происходитъ сама собой. Глупость человѣческая должна умиленно взирать на это непостижимое чудо и заботиться только объ одномъ какъ бы не потерять основъ, на коихъ покоится готовое претвориться въ простоквашу млеко. Отъ потрясенія основъ происходитъ величайшее несчастіе: млеко можетъ отрыгнуть и получится *сыворотка изъ подъ простокваши*. Во избѣжаніе этого ужаснаго несчастія фундаменты подставокъ, на коихъ покоятся простоквашные сосуды врываются глубоко въ землю, а самое дѣло изготовленія простокваши въ государствѣ поручается особымъ людямъ прославившимся своею осторожностью—чиновникамъ министерства осторожности. „Глупость“—это священное слово объединяетъ и спаиваетъ идіотовъ въ одну счастливую, милую, вѣчную, непобѣдимую простоквашную семью. *Наша*—ибо мы съ гордостью можемъ сказать, что на всемъ земномъ шарѣ мы самые глупые люди. Вся исторія нашего народа есть сплошное и побѣдоносное шествіе къ вѣчной безграничной, всеобъемлющей, всемогущей Глупости. Во времена доисторическія на мѣстѣ Идіотіи находилась страна Чистаго Разума. Наши музеи, библіотеки и раскопки свидѣтельствуютъ о томъ, что теперь лишь дѣти могутъ всерьезъ интересоваться тѣми достиженіями которыми нѣкогда кичились мудрецы. „И“—союзъ. Великій глупитель эпохи голубой простокваши Здкшсумнстпрщвацэакъ Буровичъ Содовичъ въ своемъ сочиненіи „Простоквашнизація народовъ“ говоритъ о союзахъ...

Тутъ я прервалъ дѣвочку:

— Что за странныя имена у вашихъ философовъ?

— А что?

— Да ихъ не выговоришь натощахъ!

— Сода улыбнулась.

— Ахъ, я понимаю твой намекъ! Ты еще ничего не ѣлъ! Хочешь я съ ложечки покормлю тебя простоквашей?

— Я вовсе не къ тому! Просто мнѣ странно слышать такое скопленіе труднопроизносимыхъ согласныхъ... У меня на родинѣ отъ имени требуютъ чтобы оно было коротко и звучно...

— А если это заслуженный человѣкъ?

— При чемъ тутъ заслуги. Развѣ онѣ отражаются на имени!

— А у насъ за каждую заслугу, которую человѣкъ оказываетъ государству къ его имени прибавляютъ букву. Когда родится мальчикъ его называютъ Акъ. Окончивъ школу нисшаго ранга онъ получаетъ первую букву. Въ прошломъ году мой братъ получилъ Э и его зовутъ теперь Экъ Хиновичъ Содовичъ... А отца моего зовутъ Бржшзойэакъ Буровичъ Рициновичъ... Онъ получилъ уже восемь буквъ за свои стихи!..

— Позволь... Твоего папу зовутъ Брж... не могу выговорить... а твоего брата ты величаешь Экъ Хиновичъ... Почему Хиновичъ? Вѣдь отца зовутъ не Хиной?..

— Ха-ха-ха!.. Какой ты смѣшной!.. Хиной зовутъ мою маму... Это по мамашѣ онъ Хиновичъ...

— Такъ развѣ у васъ зовутъ не по отчеству?

— Ну конечно по матушкѣ... Вѣдь mater semper certa est *)... А у васъ?

— У насъ по батюшкѣ...

— Но pater semper imertus est **)?!. Какъ же вы поступаете когда отецъ не извѣстенъ...

— Такіе случаи у насъ рѣдки... И въ такихъ рѣдкихъ случаяхъ именуютъ по пріемному отцу, по крестному, по отчиму...

— А у насъ къ имени матери прибавляютъ еще и имя бабушки... Я напримѣръ Сода Хиновна Содовна, потому что мою бабушку звали тоже Содой... Сода Горчишковна Мятовна.. Не правда ли какія прекрасныя имена...

— Почему только они всѣ аптечнаго происхожденія?

— Великій глупитель эпохи желтой простокваши Шквщипрнымужздсчайэакъ Солевичъ Самуиловичъ изрекъ. „Женщина для мужчины то же что лѣкарство для больного“.. Когда мужчина заболѣваетъ болѣзнью, которая называется *любовью*, приходитъ врачъ спеціалистъ и прописываетъ ему какую нибудь Хиночку, Салицилочку, Содочку, Рициночку...

— И тебя пропишутъ!

— Ну, конечно, и меня пропишутъ, и тогда я сдѣлаюсь идіоткой...

— Но развѣ любовь болѣзнь.

— Ну конечно. И самая опасная! Повышеніе температуры, сердечныя пертурбаціи, исхуданіе, отсутствіе аппетита даже къ простоквашѣ, сбивающаяся рѣчь, блуждающіе, ищущіе глаза... О, у насъ въ школѣ прекрасно изучаютъ эту болѣзнь... Это опасная болѣзнь, но и благороднѣйшая изъ болѣзней, потому что приближаетъ къ идіотизму... Юноша, чтобы сдѣлаться настоящимъ, взрослымъ, заправскимъ идіотомъ долженъ непремѣнно заболѣть любовью... Это какъ оспа, какъ корь... Только оспу и корь у насъ врачи умѣютъ прививать, а сыворотка любви до сихъ поръ еще не изучена.

— А женщины! Развѣ любовь болѣзнь только мужская!

— Любовь болѣзнь мужская, но она очень заразительна и женщина почти всегда заражается отъ мужчины. Черезъ любовь и женщины быстрѣе становятся идіотками.

Эта очаровательная дѣвочка лѣтъ четырехъпяти на видъ болтала со мной какъ равная, какъ взрослая. У нея даже появился какой то учительскій тонъ.

— Однако я заболталась и забыла опять о простоквашѣ. Сейчасъ изъ аптеки пришлютъ порошки. То ихъ и принять въ простоквашѣ. Ну теперь, слава дежурному, ты скоро совсѣмъ оправишься. Докторъ позволилъ завтра же снять съ тебя морбоскопъ... И ты сможешь выйти въ другія комнаты и даже на улицу... На улицѣ ты увидишь много-много дѣвочекъ... Смотри... Не захворай... любовью...

Я засмѣялся:

— Да развѣ я, взрослый могу влюбиться въ маленькую дѣвочку... Это было бы съ моей стороны слишкомъ глупо!

— Вотъ именно! Слишкомъ глупо.. Нашъ великій глупитель эпохи теплой простокваши Прѣзмнужзнычкдбіякъ Щелочевичъ Кислотовичъ сказалъ: „Любовь это первая ступень лѣстницы которая ведетъ къ полному идіотизму“...

Я замѣтилъ, что Содочка особенно оживилась и похорошѣла, когда заговорила о любви. Ея глазенки засверкали и губки приняли кокетливый оттѣнокъ.

— А развѣ у васъ на родинѣ влюбляются не въ маленькихъ дѣвочекъ?

— Нѣтъ, у насъ дѣвочки даже не думаютъ о любви...

— Не можетъ быть!.. Такъ неужели у васъ влюбляются въ совершеннолѣтнихъ идіотокъ...

— Наши женщины и послѣ совершеннолѣтія остаются такими же умными, какими были до совершеннолѣтія...

*) Мать всегда навѣрное извѣстна.
**) Отецъ никогда не извѣстенъ навѣрное

— Вотъ несчастныя!.. Значитъ онѣ не умѣютъ любить!..

— Нѣтъ, онѣ умѣютъ любить...

— Значитъ онѣ не умѣютъ любить!

— Еще какъ умѣютъ!..

— Значитъ онѣ не умѣютъ любить! Потому что настоящая любовь превращаетъ женщину въ идіотку...

— Увѣряю тебя, что можно любить и оставаясь умной!..

— Какъ ты заблуждаешься! Ну развѣ умная женщина можетъ творить тѣ великія глупости на которыя толкаетъ любовь! Вѣдь сущность любви, вѣдь таинство любви въ претвореніи двухъ умныхъ юныхъ существъ въ полоумныхъ, а затѣмъ и въ полныхъ идіотовъ...

Она такъ горячо и убѣжденно спорила, что я не хотѣлъ ей возражать.

Принимая молчаніе за побѣду, она фамильярно-кокетливо сказала:

— Ну-съ раскрывайте ротикъ. Лòжка простокваши никогда и никому еще не повредила.

Позавтракавъ простоквашей, мы продолжали урокъ объяснительнаго чтенія.

Изъ него я узналъ, что выраженіе *„и воцарися благодать, какой мы смертны тщились ждать"* значитъ: „съ появленіемъ на землѣ простокваши воцарилось истинное счастіе и благополучіе, которыхъ напрасно, тщетно ожидало человѣчество при господствѣ Разума".

Выраженіе *„щенецъ"* употреблено для риѳмы вмѣсто „щенокъ".

Умъ, т. е. Разумъ названъ „щенкомъ" потому что онъ, какъ щенокъ лаетъ на гиппопотама— Глупость. Но развѣ прокусить слабому щенку кожу гиппопотама!

„Въ млеко кипное ввергъ сметану" значитъ „прибавилъ къ кипяченому молоку сметаны". И такимъ образомъ создался „блевотный", т. е. „противный" варенецъ на радость противникамъ простокваши.

— Я лично не люблю варенецъ. Но скажи мнѣ, Содочка, почему именно такъ ненавидятъ его всѣ идіоты?

Сода вспыхнула, немного смутилась и загадочно протянула:

— Идіотъ-иностранецъ... Есть вопросы, которыхъ намъ съ тобою еще рано касаться... Да и докторъ запретилъ болтать съ тобой, а я совсѣмъ забыла о лекарствѣ... И вообще...

Она какъ то неожиданно, ни съ того ни съ сего ушла.

Словно мой вопросъ встревожилъ ее.

ВОСЬМАЯ ПРОСТОКВАША.

Я опять остался одинъ полный новыхъ откровеній.

Эта крошка меня взволновала своею недѣтскою серьезностью, своимъ краснорѣчивымъ разговоромъ, простотою своего обращенія и вмѣстѣ съ тѣмъ недѣтскою кокетливостью.

Въ вопросахъ любви она разбирается такъ ясно и свободно, что у насъ заткнула бы за поясъ многихъ даже маститыхъ курсистокъ.

Неужели въ Идіотіи дѣти созрѣваютъ такъ изумительно рано не только въ умственномъ отношеніи, но и въ отношеніи половомъ.

И какъ это вѣрно, что любовь дѣлаетъ людей идіотами.

И что любовь—болѣзнь.

И болѣзнь заразительная...

И какъ удивительно проста формула брака при такомъ взглядѣ на любовь: приходитъ докторъ специалистъ по любовнымъ болѣзнямъ и прописываетъ Соду, Кислоту, Буру, Рицину... словомъ ту дѣвушку отъ которой ты захворалъ...

Не даромъ прекрасный полъ въ Идіотіи беретъ имена изъ обиходной фармакопеи!

Изъ моего раздумья меня вывелъ стройный хоръ молодыхъ голосовъ подъ окнами.

Очевидно по улицѣ шли, маршируя.

Я разобралъ слова бравой пѣсни:

Запѣвало: Хороша отчизна наша,—
Идіотски хороша!
Хоръ: Простокваша—
Ростокваша—
Кваша—
Ваша—
Аша—
Ша!..
Запѣвало: Хороши порядки наши,—
Идіотски хороши!..
Хоръ: Простокваши—
Ростокваши—
Кваши—
Ваши—
Аши—
Ши!..
Запѣвало: Хорошо веселье наше,—
Всѣмъ по сердцу, по душѣ!..
Хоръ: Простоквашѣ—
Ростоквашѣ—
Квашѣ—
Вашѣ—
Ашѣ—
Шѣ!.
Запѣвало: Всѣхъ, кто знаетъ радость нашу,
Я подтягивать прошу!..
Хоръ: Простоквашу—
Ростоквашу—
Квашу—
Вашу—
Ашу—
Шу!..

— Что такое! Какая радость!—крикнула Сода въ окно.

Ей что то отвѣтили, послѣ чего она запыхавшись отъ радости, напѣвая „простоквашу", вбѣжала ко мнѣ въ комнату.

— Радость! Радость! Щумбржейякъ опростоквашился!

— Что это значитъ?

— На наше мѣстечко выпало счастье одинъ изъ нашихъ жителей на простоквашномъ пикникѣ въ Тыквѣ объѣлся простоквашей...

— Ему дурно бѣднягѣ, а ты радуешься!..

— Ему дурно!.. Ха-ха-ха... Ему хорошо! Ему великолѣпно! Его тѣло везутъ сейчасъ съ идіотскими почестями и черезъ два дня оно будетъ здѣсь!.. Отнынѣ наша Рѣдиска попадетъ въ исторію! До сихъ поръ наше мѣстечко не было никому извѣстно, а сегодня... Сегодня наша Рѣдиска у всѣхъ на устахъ!.. Слышишь:

Запѣвало: Славьте всѣ Рѣдиску нашу!—
Всѣхъ подтягивать прошу!
Хоръ: Простоквашу—
Ростоквашу—
Квашу—
Вашу—
Ашу—
Шу!..

За окномъ пѣлъ хоръ, а въ моей комнатѣ къ нему присоединился серебряный голосочекъ Соды:

„Владимірская“ Типо-Литографія, Николаевская ул., д. № 42.